

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ДИСКУРСЕ СМИ

АНОМАЛИЯ КАК МОТИВ НАИМЕНОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ)

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С СЕМАНТИКОЙ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2019 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., доц., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская народная республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. — № 1. — 140 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Koposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.V. Ledeneva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology” is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 00 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2019. – № 1. – 140 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Артамонов В. Н., Уба Е. В.</i> АНОМАЛИЯ КАК МОТИВ НАИМЕНОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ).....	8
<i>Барина О. М.</i> КОНСТАНТНЫЕ ФОРМУЛЫ АДРЕСОВАННОСТИ В ТЕСТАХ ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА К Н. Н. ТУРГЕНЕВУ.....	16
<i>Лю Цзоянь.</i> МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	26
<i>Тарасова М. С.</i> РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ.....	41
<i>Чжан Юэ.</i> СЕМАНТИКА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВОМ ОТКУДА И ГЛАГОЛАМИ БРАТЬ / ВЗЯТЬ, БРАТЬСЯ / ВЗЯТЬСЯ	51

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Громова А. В.</i> «ЮНОШИ, ЮНОШИ ...» Л. Ф. ЗУРОВ И ЕГО РИЖСКИЙ ТОВАРИЩ Д. И. КОТОМКИН (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)	60
<i>Джанумов С. А.</i> МИР НАСЕКОМЫХ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА	70
<i>Дячук Т. В.</i> СТАТУАРНЫЙ ОБРАЗ ВЕНЕРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1880–1890-х гг. (Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И Г. И. УСПЕНСКИЙ)	80
<i>Маркова А. С., Мамукина Г. И.</i> МЕТАМОДЕРНИЗМ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИСКРЕТНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМА.....	89
<i>Ратников А. Н.</i> ДИНАМИКА ОСМЫСЛЕНИЯ РУССКОЙ БАТАЛЬНОЙ ОДЫ В XVIII ВЕКЕ	99
<i>Ратникова О. Е.</i> ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В АЛЬМАНАХЕ Н. М. КАРАМЗИНА «АОНИДЫ»	107
<i>Шмелёва А. В.</i> ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шереметьева А. Г.</i> КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ»	131
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Самойлова Г. С. ПОВЕСТЬ О КАЛМЫКИИ: РЕЦЕНЗИЯ НА
«ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ»
(Н. А. КИЧИКОВА, Э. Б. МАНДЖИЕВА, В. И. СУПРУН. ЭЛИСТА, 2017)....134

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

V. Artamonov, E. Uba. ANOMALY AS A MOTIVE FOR THE NAMES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN SURNAMES).....	8
O. Barinova. THE CONSTANT FORMULAS OF ADDRESS IN THE TEXTS OF I. TURGENEV'S LETTERS TO N. TURGENEV	16
Zuoyan Liu. METAPHORIZATION OF LEXICAL UNITS WITH SEMANTICS OF TACTILE PERCEPTION IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES....	26
M. Tarasova. THE ROLE OF LANGUAGE PERSONALITY IN MEDIA DISCOURSE	41
Yue Zhang. THE SEMANTICS OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH THE QUESTION WORD <i>ОТКУДА</i> AND VERBS <i>БРАТЬ / ВЗЯТЬ, БРАТЬСЯ /</i> <i>ВЗЯТЬСЯ</i>	51

SECTION II. LITERARY STUDIES

A. Gromova. "YOUNG MEN, YOUNG MEN..." L. ZUROV AND HIS COMPANION IN RIGA D. KOTOMKIN (ON ARCHIVAL MATERIALS)	60
S. Dzhanumov. THE WORLD OF INSECTS IN A. PUSHKIN'S WORKS	70
T. Dyachuk. THE STATUE OF VENUS IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1880-1890s (D. MEREZHKOVSKY AND G. USPENSKY)	80
A. Markova, G. Mamukina. METAMODERNISM: OVERCOMING DISCRETENESS AND INDIVIDUALISM	89
A. Ratnikov. DYNAMICS OF UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN BATTLE ODE IN THE 18TH CENTURY	99
O. Ratnikova. LYRICAL POETRY OF G. DERZHAVIN IN N. KARAMZIN'S ALMANAC "AONIDY"	107
A. Shmeleva. TANATOLOGICAL MOTIVES IN L. TOLSTOY'S EARLY WORKS	115

SCIENTIFIC LIFE

A. Sheremetyeva. ROUND TABLE "RUSSIAN LANGUAGE ABROAD"	131
---	-----

REVIEW

- G. Samoylova.** A TALE ABOUT KALMYKIA: A REVIEW
OF THE “TOPONYMIC DICTIONARY OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA”
(N. KICHIKOVA, E. MANDZHIEVA, V. SUPRUN. ELISTA, 2017)..... 134

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-8-15

АНОМАЛИЯ КАК МОТИВ НАИМЕНОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ)

Артамонов В. Н., Уба Е. В.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
432071, г. Ульяновск, площадь Ленина, д. 4/5, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена средствам выражения оппозиции «норма – аномалия» в русском языке. Доказывается положение о том, что норма по сравнению с аномалией реже представлена в языке. Называются специфические средства выражения аномалии на лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Используется структурно-семантический метод анализа языковых единиц. Особое внимание уделяется русским прозвищным фамилиям, в которых отражаются различные отклонения от нормы, характерные первым носителям прозвища-фамилии. Статья адресована специалистам-филологам, аспирантам, магистрантам; позволяет взглянуть на русский ономастикон под новым углом зрения.

Ключевые слова: оппозиция «норма – аномалия», средства выражения аномального, русские прозвища и фамилии.

ANOMALY AS A MOTIVE FOR THE NAMES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN SURNAMES)

V. Artamonov, E. Uba

*Ulyanov State Pedagogical University
4/5 Lenina sq., Ulyanovsk, 432071, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the means of expressing the opposition “norm – anomaly” in the Russian language. It is proved that the norm in comparison with the anomaly is less represented in the language. The author lists specific means of expressing anomalies on the lexical, word-formation, morphological, syntactic and stylistic levels. The structural-semantic method of the analysis of language units is used. Particular attention is paid to the Russian

nicknames, which reflect various deviations from the norm, characteristic of the first carriers of the nickname-surname. The article is addressed to philologists, graduate students, undergraduates; and allows to look at the Russian onomasticon from a new angle.

Keywords: opposition “norm – anomaly”, means of expression of anomalous, Russian nicknames and surnames.

Объектом наших научных интересов является категория оценки и её частное значение, которое представлено оппозицией «нормальное – аномальное» («норма – аномалия»). Согласно классификации оценочных значений Н. Д. Арутюновой данная оппозиция входит в группу нормативных оценочных значений наряду с оппозициями «правильный – неправильный», «доброкачественный – недоброкачественный» и др. [1].

Причём значению ‘нормальное’ (эталонное, стандартное) противопоставлены любые отклонения от нормы, как влево, так и вправо. Так, в аксиологии *хороший* означает ‘соответствующий норме’ а не её превышающий [9], вспомним русское: «Слишком хорошо тоже не хорошо».

Если говорить о средствах выражения нормального и аномального (далее – нормы и аномалии) в языке, то, по сравнению с аномалией, норма слабо представлена в **лексике**. Так, имена прилагательные: *обычный, средний, нормальный* – могут относиться к самым разным предметам и ситуациям, ср.: *средний рост, вес, размер, возраст* и т. д., в то время как только слово *молодой*, обозначающее возраст, «расположенный слева от нормы» (т. е. аномалию), входит в весьма разветвлённый синонимический ряд: *молodenький, юный, несовершеннолетний, зелёный, ранний; в цвете лет, в нежной юности; молокосос, желторотый, малолеток; неопытный, безусый, мало*

каши ел, нос не дорос, неоперившийся, мальчишка, моложавый, молодой, молоко на губах не обсохло, пустобородый, мокроносый, юношеский, младёхонький, молодо-зелено, сопленосый, во цвете лет, в цвете сил, сопливый и др.¹. При этом аномалия, в отличие от нормы (если только норма контекстуально не воспринимается негативно, т. е. как аномалия, ср.: *посредственный, так себе, серенький, звёзд с неба не хватает* и др.), представлена, как правило, экспрессивными синонимами. Норма же обычно не возбуждает интереса и эмоций. О том, что не отходит от нормы обычно не делается сообщений [7].

На уровне **словообразования** ярким средством передачи аномальных значений является ряд аффиксальных словообразовательных моделей с семантикой неполного наличия или отсутствия необходимых стандартных признаков (так называемый «некомплект» [2, с. 82] или «недокомплект») или, напротив, с семантикой избыточности, т. е. наличия дополнительных, непредусмотренных стандартом признаков («сверхкомплект»). Полный комплект в этом случае соответствует норме.

К некомплектным моделям относятся, например, префиксальные и конфиксальные, обозначающие полное отсутствие предмета или признака: *беспальный, безухий, бесхвостый,*

¹ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.

безумный; суффиксальные, обозначающие низкую, недостаточную степень проявления признака: *маловатый, маленький*; префиксальные, обозначающие недостаточность, неполноту, слабую интенсивность действия: *недосолить, недоспать, приоткрыть*; образование сложных имён, обозначающих количественное или качественное несоответствие стандарту: *одноглазый, однорукий, трёхпалый; кривonosый, курносый, коротконогий, узколобый, слабоумный* и др.

К сверхкомплектным моделям следует отнести префиксальные и суффиксальные, обозначающие высокую, чрезмерную степень проявления признака: *сверхглупый, премудрый; длиннющий, страшенный*; префиксальные и конфиксальные, обозначающие чрезмерную интенсивность и/или продолжительность действия: *передержать, заждатьсь*; суффиксальные, обозначающие наличие дополнительного сверхкомплектного предмета или признака: *горбатый, брюхатый, бородатый*; образование сложных имён, обозначающих количественное или качественное несоответствие стандарту: *длинноносый, длинноногий, шестипалый, большешоковый, большеротый* и др.

Представляется интересной противопоставленность суффиксальных моделей с суффиксами *-ат* и *-аст*, где первая даёт нам значение комплектности и поэтому практически не употребляется сегодня (*глазатый, ушатый, зубатый* и др.), за исключением слов типа: *усатый, бородатый, пузатый* и под., которые называют признак по наличию предмета, не обязательного, но возможного в комплекте. Вторая же модель даёт значение аномалии, так как *глазастый, ушастый, зубастый* –

обозначают не только наличие комплекта *глаз, ушей* и *зубов*, но и их размер, выходящий за рамки нормального. Именно поэтому данная модель сегодня активно используется.

На **морфологическом** уровне обозначение отклонения от нормы представлено, например, в образовании форм степеней сравнения имён прилагательных (*более высокий, менее добрый, наиболее приятный, наименее удачный, выше, глупейший и др.*). Кроме того, можно говорить, если и не о части речи «интенсив», передающей значение высокой степени, а следовательно, отклонения от нормы, то, по крайней мере, о семантико-грамматической категории «интенсификации», получившей «различное и в то же время упорядоченное выражение» в русском языке (см. работы П. А. Леканта [4–6]).

На **синтаксическом** уровне обращают на себя внимание, например, выделенные жирным шрифтом несвободные (синтаксически нечленимые) сочетания слов типа: *девочка с большими глазами, юноша с длинными волосами* и под., где для характеристики девочки или юноши просто наличия у них *глаз* или *волос* недостаточно, не имеет смысла (это норма, комплект), а вот отклонение от нормы, сверхкомплект «имеет смысл».

Широко представлены аномальные значения и на **стилистическом** уровне, так как большинство средств художественной выразительности аномальны по своей природе. Наиболее яркий пример – оксюморон.

О выше названных (разумеется, далеко не всех) средствах выражения аномалии в русском языке мы уже писали ранее [1]. Хотелось бы более под-

робно остановиться на заявленном в заголовке материале, а именно на русских фамилиях. Мы проанализировали русские прозвищные фамилии в «Словаре русских фамилий», размещённом на образовательном ресурсе «Толковые словари и Энциклопедии»¹. Всего в словаре содержатся 15396 русских фамилий. Нас интересовали только те, мотивом создания которых стали русские прозвища, так как значительная часть прозвищ даётся (и давалась в прошлом), как правило, по характерным особенностям человека, т. е. по различным отклонениям от нормы. Большинство исследователей прозвищ и прозвищных фамилий называют среди мотивов создания прозвища какие-либо физические и внешние особенности человека (рост и телосложение, форма, размер и количество (полный или неполный комплект) частей тела, цветовые особенности), а также его умственные или моральные особенности [3; 8]. Анализ русских прозвищных фамилий позволяет сделать вывод о том, что в них представлены следующие аномалии.

1. Аномалии, связанные с ростом и телосложением (высокий, крупный, т. е. превышающий норму, – низкий, худой, т. е. не доходящий до нормы): *Амбалов, Бугаёв, Бугаевский, Бугай, Брюханов, Брюхатов, Брюшков, Великанов, Великолова, Высокий, Высоких, Высоков, Высокович, Долгой, Долгих* (от *долгой* – ‘длинный’, ‘высокий’); *Дороднов, Жиркевич, Жириновский, Жирнов, Жиров, Жирняк, Здоровцев, Здоровцов, Здоровов* (в значении – ‘крупный’, ‘до-

ровый’ человек), *Кортаев, Короткий, Коротков, Коротышев; Толстиков, Толстобоков, Тонкий, Тонков, Тонких*.

2. Аномалии, связанные с наличием особенных, отличающихся от всех бороды, усов, бровей, волос: *Бровкин, Бровин, Широкобородов, Остробородов, Великобородов, Волосатый, Волосатов, Волосевич, Кудреватов, Кудрин, Кудрявый* или с отсутствием волосяного покрова на голове (лице), что на момент создания прозвища, а затем фамилии было отклонением от нормы: *Безбородов, Безбородый, Безус, Голобородов, Голоусиков, Лысенко, Лысов, Лысяк, Лысяков*.

3. Аномалии, связанные с цветом кожи или волос (в основном представлены цвета – белый и чёрный; красный в фамилиях обычно означает ‘красивый’): *Белоголов, Белогруд, Белоножка, Белоносов, Белоглазов, Белотелов, Белоухов; Желтов, Желтоногов, Желтоухов, Желтобрюхов, Седов, Седых, Сиволобов, Сивцов, Синешёков, Чернобровкин, Черноусов, Чернобров, Чернокожев, Чернобород* и др.

4. Аномалии, связанные с особенностями частей тела, их формы, размера при полном комплекте: *Глазатов, Глазачёв, Глазов, Глазунов, Глаз* (наличие больших глаз, часто навывкате); *Головаков, Голованов, Головарёв, Головин* и др. (наличие большой головы); *Вислоухов, Малоушкин, Широкоухов* и др. (форма ушей); *Горбоносов, Долгоносов, Колбоносов, Курносов, Кривонос, Перебейнос* и др. (форма или размер носа); *Губа, Губанин, Губанов, Губарев, Губатый, Губкин* и др. (форма или размер губ); *Зубарев, Зубакин, Зубов* и др. (размер или форма зубов); *Лобанов, Лобастов, Лобачёв, Лобашов* и др. (размер или форма лба); *Долгоногов, Долго-*

¹ Словарь Русских фамилий [Электронный ресурс] // Толковые словари и Энциклопедии : [сайт]. URL: <http://www.edudic.ru/fam> (дата обращения: 03.12.2018).

рукий, Долгошеев; или связанные с отсутствием частей тела (ушей, носа, рук, ног и т. д.), с наличием увечий (наличие горба, шишки, желвака и др.), т. е. с физическими недостатками, относящимися к так называемому некомплекту: Беззубов, Беззубиков, Безногий, Безногов, Безруков, Беспалов, Беззубов, Безухов, Горбаневский, Горбатов, Горбатый, Горбов, Горбунов, Шишков, Желваков, Карнаух, Карнаухов, Корноухов, Однооков, Одноруков, Одноглазов и др., а иногда и со сверхкомплексом: Трегубов, Троегубов, Трегубенко, Шестипалов, Шестопалов; а также с результатами этих недостатков (слепотой, хромотой, глухостью и т. д.): Глухий, Глухих, Глухой, Глухов, Глушко, Глухенький; Слепов, Слепцов, Слепаков; Храмов, Хромов.

5. Аномалии, связанные с особенностями голоса: Басов (обладающий громким басом), Громов, Громыкин, Громыко, Громыхалов (обладающий громоподобным голосом), Зыкин, Зыков, Зыкунов, Зык (обладающий зычным голосом); Хрипунов (обладающий хриплым голосом), Сиплов, Сиплый (обладающий осипшим, сиплым голосом).

6. Аномалии, связанные с дефектами и недостатками речи: Заика, Заикин, Шепелявый, Картавый, Картавов, Тараторкин.

7. Аномалии, связанные с физическими возможностями (здоровьем): Быстреев, Быстров, Быстроногов, Быстровзоров, Долгожилов, Жидкий, Жидков; Резванов, Резвунов, Резвый, Силаев, Силантьев, Силин, Силов, Силаков; Слабый, Слабченко, Слабнов.

8. Аномалии, связанные с умственными возможностями (особенностями): Долгодумов, Дураков, Дура-

кин, Скородумов; Небезин, Нетёсов, Неуков, Неучин, Неучкин, Умнов, Умнягин, Умов.

9. Аномалии, связанные с психологическими или духовными / душевными достоинствами (добротой, сердечностью, душевностью): Добролюбов, Добронравов, Добросмыслов, Добротворский и др. или недостатками, отсутствием души, совести, сердца и т. п.: Бездушный, Безбожный, Бессовестный, Плохой, Плохов, Плохих (от плохой в значении 'недобрый').

10. Аномалии, связанные с особенностями характера: Веселовский, Весёлых, Веселов; Отвагин, Смелов, Смеляков, Смельцов, Удалов, Плакса, Плаксин, Драчёв, Драчунов, Драченко, Жаденов, Жаднов, Жадный, Жадобин, Жадов; Леденёв, Леднёв (от льдина, льдышка, прозвище холодного, бесстрастного человека), Смирнов, Смирненкин, Смирнитский, Строгов, Суетин; Торопов, Торопыгин, Трусаков, Трусов, Трусихин, Тужилин, Тужилов.

11. Аномалии, связанные с внешними данными, представлением о красивом: Красавин, Красавкин, Красивый, Красин, Краснов, Красулин, Красько, Хорошавин, Хорошев, Хорошулин и др. – и некрасивом (безобразном, уродливом): Невзоров, Невзрачев, Невзрачев (от невзрачный, неказистый), Нехорошин, Некрасов, Нерожин, Нехорошев, Нехорошкин, Нехорошков (от нехороший в значении 'некрасивый'), Страшинин, Страшун, Страшков.

Таким образом, мы видим, что оппозиция «норма – аномалия» широко представлена в русских фамилиях именно «аномальной» составляющей, причём практически в каждой группе имеются отклонения от нормы как влево (т. е. ниже нормы), так и впра-

во (т. е. выше нормы), ср., например: *Хорошев – Нехорошев; Веселовский – Тужилов, Смелов – Трусов, Долгодумов – Скородумов* и др. «Нормальные» фамилии типа: *Нормальный, Обыкновеннов, Стандарт* и др. – отсутствуют, за исключением разве что фамилий: *Сериков, Серков, Серых, Серый* и др. – возможно, образованных от слова «серый» в значении 'заурядный'. Но в данном случае заурядность (т. е. обыкновенность) воспринималась давшими прозвище, от которого затем

образовалась фамилия, скорее всего, как негативное, т. е. аномалия. Фамилии типа: *Глазов, Зубов, Носов, Голованов* и под. – тоже следует признать аномальными, так как едва ли прозвище давалось просто по наличию глаз, зубов, носа или головы, вспомним литературные: «*Карлик Нос*» или визборовский «*парень по кличке нос*» (*Нос у него, старики удивлялись: «Вот если бы хлеб на полях так рос»*). Скорее всего, речь идёт о «выдающихся» *глазах, зубах, носах и головах*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов В. Н. Нормальное и аномальное в языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 22–24.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Комлева Н. В. Отражение мировосприятия жителей Режи в их прозвищах // Севернорусские говоры. 2015. Вып. 14. С. 186–201.
4. Лекант П. А. Интенсив в составе средств субъективности и экспрессии стиля и языка А. Чехова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 151–153.
5. Лекант П. А. Формы интенсива в поэтическом языке А. С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 32–36.
6. Лекант П. А. Строй частей речи в русском языке: тенденции его развития // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 10–16.
7. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. С. 90.
8. Робустова В. В. Антропонимическое прозвище в современном коммуникативном пространстве // Вестник Московского Университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 120–130.
9. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M.: Athenäum-Verlag, 1972. P. 122–146.

REFERENCES

1. Artamonov V. N. [Normal and abnormal in language]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu professora Pavla Aleksandrovicha Lekanta* (g. Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.) [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference devoted to 85-th anniversary of Professor Pavel Alexandrovich Lecant (Moscow, 24–25 November 2017)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. pp. 22–24.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.

3. Komleva N. V. [Reflection of the worldview of Rezha residents on the material of their nicknames]. In: *Severnorrusskie govory* [Northern Russian Dialects], 2015, iss. 14, pp. 186–201.
4. Lekant P. A. [Intensive in the means of subjectivity and expression of A. Chekhov's style and language]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and modernity: collection of scientific papers]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. pp. 151–153.
5. Lekant P. A. [Forms of intensive in the poetic language of A. Pushkin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2015, no. 6, pp. 32–36.
6. Lekant P. A. [System of parts of speech in the Russian language: trends of its development]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu professora Pavla Aleksandrovicha Lekanta (g. Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.)* [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference devoted to 85th anniversary of Professor Pavel Lekant (Moscow, 24–25 November 2017)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. pp. 10–16.
7. Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Functions of particles in a statement] Moscow, Nauka Publ., 1985. pp. 90.
8. Robustova V. V. [Anthroponomical nickname in the modern communicative space]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2008, no. 1, pp. 120–130.
9. Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt/M.: Athenäum-Verlag Publ., 1972. pp. 122–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонов Владимир Николаевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова;
e-mail: vladimartamonov@yandex.ru;

Уба Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова;
e-mail: uba_ev@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Artamonov – Doctor in Philological Sciences, head of the Department of the Russian language, literature and journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: vladimartamonov@yandex.ru;

Ekaterina V. Uba – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian language, literature and journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: uba_ev@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артамонов В. Н., Уба Е.В. Аномалия как мотив наименования (на материале русских фамилий) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-8-15

FOR CITATION

Artamonov V. N., Uba E. V. Anomaly as a motive for the names (on the material of Russian surnames). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-8-15

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-16-25

КОНСТАНТНЫЕ ФОРМУЛЫ АДРЕСОВАННОСТИ В ТЕКСТАХ ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА К Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Барина О. М.*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу этикетных формул приветствия и прощания, которые стали константами адресованности в письмах И. С. Тургенева к его родному дяде – Н. Н. Тургеневу. Автор статьи опирается на сложившиеся в науке представления о значимости частного письма в процессе межличностной коммуникации, что демонстрируется в научном обзоре. Эпистолярный жанр – актуальная зона стилистических разысканий, связанная с категорией языковой личности автора, с представлением о роли интенций говорящего/пишущего в выражении эмоционального отношения ресурсами языка в рамках Ты-категории, свойственной антропоцентризму как методологической основе исследования. Константные формулы адресованности выявлены методом сплошной нацеленной выборки и рассмотрены в связи с процессом фразеологизации как предмет исследования, цель которого – анализ их стилистической и коммуникативно-прагматической роли в текстах указанных писем. Получен вывод о том, что константные формулы адресованности демонстрируют определённые черты эволюционирующего идиостиля писателя и отражают изменения в развитии языковой и психологической личности И. С. Тургенева.

Ключевые слова: частное письмо, эпистолярный текст, этикетные формулы, фразеологические единицы, речевой контакт, идиостиль, И. С. Тургенев.

THE CONSTANT FORMULAS OF ADDRESS IN THE TEXTS OF I. TURGENEV'S LETTERS TO N. TURGENEV

O. Barinova*Moscow State University of Psychology and Education
29, Sretenska st., Moscow, 127051, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of etiquette formulas of greeting and farewell, which became constants of address in the I. Turgenev's letters to his native uncle – N. Turgenev. The author of the article relies on the prevailing ideas in science about the importance of private letter in the process of interpersonal communication, which is demonstrated in a scientific review. The epistolary genre is an actual area of stylistic research related to the category of the author's linguistic personality; related to the idea of the role of the speaker/writer's intention in expressing the emotional relationship with language resources within the framework of the You-category. The category is characteristic of the anthropocentrism as the methodological basis of

the research. The constant formulas of the address are revealed with the method of continuous targeted sampling and are considered in connection with the process of phraseologization as a subject of research, the purpose of which is to analyze their stylistic and communicative-pragmatic role in the texts of these letters. It was concluded that the constant formulas of address demonstrate certain features of the writer's evolving idiostyle and reflect changes in the development of the linguistic and psychological personality of I. Turgenev.

Keywords: private letter, epistolary text, etiquette formulas, phraseological units, speech contact, idiostyle, I. Turgenev.

Частное письмо – это акт доверительной коммуникации, позволяющий выразить чувства и эмоции; это особый, откровенный диалог корреспондентов. Текст письма обладает информативной, эмотивной, контактоустанавливающими функциями, при этом, как отмечает О. В. Протопопова, даже письма одного автора к разным корреспондентам различаются по тематике, стилю, тональности, поскольку адресант всегда учитывает личность, интересы, взгляды адресата, выражает своё отношение к нему. Диалогичность письма обуславливает скрытое присутствие в тексте образа адресата, его имплицитную характеристику в пресуппозиции [12, с. 632]. Это положение подтверждается нашими наблюдениями над эпистолярными текстами И. С. Тургенева, которые стали объектом исследования.

Связь эпистолярного жанра с литературным языком мы считаем объективно важной, хотя бытовое письмо, межличностная переписка рассматривается в рамках разговорного стиля с коммуникативной установкой на непринуждённое общение, в отличие от письма официально-делового. Так что справедливо мнение А. В. Курьянович: автор в одной из своих статей указывает, что «в определённых случаях, обусловленных авторской коммуникативной установкой, становится воз-

можным “выход” эпистолярных текстов за пределы “родной” разговорной сферы общения, в результате чего возникают условия для создания текстовых феноменов синтетичной жанрово-стилевой ориентации, «смещения стилей» в формате одного жанра» [9, с. 171]. Письма совершенствуют литературный язык, влияют на устную разговорную и письменную речь, а язык эпистолярных текстов образованных людей отражает основные направления эволюции русского литературного языка [13, с. 123].

Этикетными формулами зачина и финальной части традиционно определяют и даже подчёркивают характер письма – личное или официальное, ответное или иницирующее и т. д. В структуре личного письма этикетные формулы зачина настраивают на восприятие текста как демонстрирующего дружеские, интимные, товарищеские отношения, а концовка подтверждает интенции автора. Многие этикетные формулы в силу частотности употребления претерпели процесс фразеологизации, стали стандартными, рекомендуемыми для определённых типов посланий [см.: 19].

Адресант, обладая характерным стилем письма, вводит константные для него обороты речи, которые отражают состав идиолекта – средства вы-

ражения мыслей и эмоций языковой личности автора.

И. С. Тургенева можно по праву считать мастером эпистолярного искусства, одним из немногих, кто в совершенстве им владел. И. Л. Карантеева установила, что «в диалоге с представителем иноязычной культуры, в личной беседе, переписке или в общении с его произведением, Тургенев не мыслил другого языка общения, кроме языка собеседника. В этом проявлялось его глубокое уважение и к личности собеседника, и к культуре его нации» [6]. Анализируя эпистолярные тексты Тургенева, исследователь выделяет такие значимые черты личности писателя, как главенство в его эмоционально-психологической сфере чувства любви к родине, сопереживание и отзывчивость в общении с соотечественниками, любовь к родной культуре, с чем нельзя не согласиться.

Большое влияние работа над текстами писем оказала на литературное творчество Тургенева, что при анализе его биографии отмечают исследователи М. П. Алексеев (1961)¹, Г. Э. Винникова (1977) [3], Г. Б. Курляндская (1980) [8], В. М. Головкин (2018) [5]. Современный лингвист-тургеновед Т. П. Ковина в одной из своих статей замечает, что «письма И. С. Тургенева считаются образцом эпистолярной прозы, где не только содержание, но и оформление текста Тургеневым было безупречным: он писал без помарок и исправлений, прекрасным слогом, с лёгкой иронией, которая способствовала поддержанию контакта с корреспондентом и созданию эффекта “интимизации изложе-

ния”» [7, с. 333]. Исповедальность как интенция, дневниковый характер как способ презентации информации в текстах проанализированных писем – это для нас лингвистические константы тургеньевского эпистолярного письма, показавшие себя при изучении их массива.

К константным лингвистическим признакам относятся, с нашей точки зрения, и устойчивые этикетные формулы (*здравствуйте, позвольте поблагодарить Вас за..., с глубочайшим уважением, искренне Ваши* и т. д.), которые Тургенев немного видоизменял, оживлял эпитетами, но всё же они от письма к письму повторялись, становясь устойчивыми формулами, претерпевая фразеологизацию как воспроизводимые единицы. Фразеологизация – это процесс закрепления в речи/тексте состава компонентов и, возможно, грамматической формы речевого оборота, когда свободные словосочетания становятся устойчивыми выражениями, которым присущи такие свойства, как неразложимость, воспроизводимость.

Первые идеи о необходимости исследования и классификации «ходячих и метких слов» появляются ещё в конце XIX в. В России интерес к устойчивым сочетаниям слов проявляли такие известные учёные, как А. А. Потебня (1976) [11], И. И. Срезневский (1873) [14], Ф. Ф. Фортунатов (2016) [15], А. А. Шахматов (2014) [18]; в начале советского периода эту проблему разрабатывали С. И. Абакумов (1936) [1], Л. А. Булаховский (1953) [2], Б. А. Ларин (1977) [10]. Плодотворными в XX веке для развития фразеологии как науки оказались идеи В. В. Виноградова [4].

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. / под ред. М. П. Алексеева. М., Л.: Академия наук СССР, 1961–1968.

В настоящей статье рассмотрим использование устойчивых этикетных формул приветствия и прощания в контекстах писем И. С. Тургенева, адресованных его родному дяде – Н. Н. Тургеневу (1795–1881). Мы воспринимаем их как фразеологизированные единицы и ставим задачу проанализировать формулы адресованности в эпистолярной великого русского писателя.

Личность адресата в акте эпистолярной коммуникации важна. Это фактор, обуславливающий меру искренности, выбор степени интимизации изложения и средств её презентации в тексте. Как пишет исследователь Н. М. Чернов, Н. Н. Тургенев, дядя писателя по отцу, жил в семье брата [17]. После смерти Сергея Николаевича он долгие годы самостоятельно управлял имением Спасским – Лутовиновым. По характеру считался человеком старого покроя, т. е. был традиционен, но выделялся своим весёлым нравом и искренней любовью к детям. К племяннику он ласково обращался «сударик». Н. Н. Тургенев обучал племянника всему, что умел сам, возможно, он и пробудил у Ивана способность к поэтическому восприятию природы и деревенского быта. Рассказы дяди будили воображение, и впоследствии некоторые факты были использованы при создании историй о жизни ряда персонажей И. С. Тургенева, что показательно: они стали прецедентными феноменами, раскрывали специфику фоновых знаний языковой личности автора. Н. Н. Тургенев скончался на восемьдесят шестом году жизни, а Иван Тургенев пережил дядю всего на два года.

С детских лет И. С. Тургенев испытывал к дяде привязанность и доверие. Письма к нему, длинные и подробные, отличались от тех, которые он писал своим родителям. Анализ текстов позволяет утверждать, что этой переписке присуща обстоятельность: в детские годы Ивана корреспонденты обсуждали не только его занятия и какие-либо жизненные ситуации, но и различные книги и журналы, что может свидетельствовать о ранних литературных склонностях Тургенева. Лингвистическим показателем служит использование в исследованных текстах такой разновидности онимов, как номинации журналов – гемеронимов: «Телескоп», «Телеграф». В эпистолярных посланиях дяде выявлены оценочные суждения адресанта-племянника с использованием гемеронимов. Так, Иван Тургенев в письме приводит анализ отзывов о книге стихов М. А. Дмитриева в журналах: «Я начал читать *“Телескоп”*, журнал, которого взял от студента Никанор и нам дал. Я сличил его с *“Телеграфом”*. Смешно видеть, как **один хвалит то, что другой порицает**»¹. Фактуальную ценность и аксиологическую значимость имеют и другие гемеронимы в переписке Тургенева с дядей: «Я вчера впервые **почувствовал неизъяснимое волнение и переворот во всей внутренности**, читая *“Изменника”* Бестужева: я принимался раза два его докончить – не мог. **Я дрожал и едва дочитал до конца**»². Про отрывок из оды Г. Р. Державина «Водопад» он пишет дяде следующее: «... **о красоте их я не смею судить: но**

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Т. 1 / под ред. М. П. Алексеева. М., Л.: Академия наук СССР, 1961. С. 151.

² Там же, с. 158.

они мне кажутся **превосходными**»¹. Лексическими показателями оценочного характера суждений корреспондента служат глаголы *дрожать* – ‘сотрясаться, колебаться, испытывать дрожь, трястись, трепетать’² как указатели сильного эмоционального переживания чего-либо, а именно эмоциональной реакции на литературное произведение; глагол *судить*, означающий ‘рассуждая, высказывать какие-н. мысли, соображения, делать заключения, выводы по поводу кого-чего-н.’³ и описательный оборот с семантикой ‘эмоциональность’ – *почувствовать волнение* – ‘испытывать какое-н. чувство, иметь, испытывать те или иные ощущения’⁴. Все контексты подтверждают эмоциональную открытость молодого корреспондента перед адресатом, что раскрывает искренность их отношений в ранний период жизни писателя. Со временем детская любовь к родному дяде превратилась в настоящую нежную дружбу, которая ярко проявляется в переписке.

Переписка интересна также тем, что отражает определённые закономерности в использовании этикетных формул. Так, обращение «*милый дядя*»

И. С. Тургенев использует, как показали наши наблюдения, практически во всех случаях приветствия в письмах к Н. Н. Тургеневу. Ещё будучи двенадцатилетним подростком племянник начинал письма с такого приветствия, с тех пор это обращение закрепилось в их переписке. Использовано 16 раз, по нашим подсчётам. Родственное наименование *дядя* подчёркивает тёплые семейные чувства, которые сохранялись между адресатом и адресантом на протяжении всей жизни. В узусе бытуют три значения данного существительного: 1) брат отца или матери, 2) взрослый мужчина, 3) крупный, рослый человек⁵. Первое значение (лексико-семантический вариант) имеет отношение к парадигме с гиперсемой ‘родственники’, ‘родство’.

Эпитет *милый* передаёт несколько значений, одно из которых – ‘дорогой, любимый, близкий душе, сердцу’⁶. Слово сформировало дружески ласковое обращение. Можно сказать, что формула «*милый дядя*» клишируется, лишь изредка варьируется – усиливается повтором эпитета *милый*. Эта этикетная формула приветствия служит имплицитным сигналом общей эмоциональности текста, что проявляется такими качественными прилагательными, как **сердечно-близкий**, **дорогой для души**, **приятный в общении**. Эпитет *милый* указывает на тёплые отношения, что и подтверждают концовки писем, в которых доминирующими становятся прагматически ориентированные на выражение релятивности

¹ Там же, с. 160.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

⁴ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

⁵ Там же.

⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

слова-автохарактеристики *любящий, обожающий*, гармонирующие в стилистико-содержательном плане с начальной этикетной формулой.

Анализ показал, что адресант использует усиленные, градационные средства в исследуемых позициях текстов писем: «*остаюсь твой без выражения тебя любящий племянник*», «*до н" любящий племянник*», «*так любящий племянник, как ты меня любишь*», «*тебя вечно любящий*». За этими этикетными формами прощания в переписке племянника с дядей скрывается надежда на ответное письмо, на скорую встречу, о чём Иван Тургенев не упоминал прямо.

В этикетной формуле концовки-подписи такие составляющие, как *любящий* – ‘исполненный любви, выражающий любовь’¹, усиленное *обожающий* (см. *обожать* – ‘питать к кому-чему-нибудь чувство сильной, доходящей до преклонения, любви’ или ‘проявлять к кому-нибудь чувство сентиментальной влюблённости’² – подтверждают сильные чувства племянника.

Также регулярно использован глагол *целовать* в форме *целую*, что указывает на чувство привязанности. А. Г. Балакай регистрирует употребление данного глагола при выражении нежных чувств при прощании, реже – при приветствии: глагольная концовка эпистолярного текста *целую* – одна из

форм прощания в письмах родственникам, друзьям, близким знакомым³. В письмах этот глагол зафиксирован нами в сочетании со словами-интенсификаторами эмоциональности, эмоционального отношения: *горячо, крепко, крепко-крепко, нежно, с нежностью, сердечно, от всего сердца, от всей души, сто (тысяч) раз; бесщётно* и т. п.

Частое употребление притяжательного местоимения *твой* также говорит о сильном чувстве привязанности, причастности к судьбе и делам корреспондента, показывает наличие неразрывной родственной связи с адресатом. Оно употребляется при выражении доброжелательности, когда заканчивается письмо к родственнику, другу или близко знакомому адресату, с которым адресант на «ты»⁴.

Одной из главных в организации и осуществлении эпистолярного контакта в письмах И. С. Тургенева к дяде Н. Н. Тургеневу является Ты-категория, поскольку отражающие её слова и устойчивые выражения представляют самого говорящего, его речевое амплуа и интенции. Основное назначение Ты-категории И. Д. Чапыгина видит в формировании и реализации значения адресованности в речевом контакте [16]. Ср.: «Я слышал, что *ты писал*, что *едешь* в милицию. Дядя, я *тебя* не пущу: если *поедешь*, так обниму *тебя*, и тогда *поезжай* со мною или останься. Да *ты шутишь*, я *тебя* знаю»⁵; «*Ответь* мне на это

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

³ Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. С. 567.

⁴ Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. С. 519.

⁵ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Т. 1 / под ред. М. П. Алексеева. М., Л.: Академия наук СССР, 1961. С. 150.

письмо: я *твоё* буду хранить как мой талисман»¹; «Ах, дядя, ты это но *чувствуешь*: каждый раз *получаешь* письма и не *отвечаешь*. *Напиши* мне хоть в мамином письме два слова – и я весел»². В приведённых контекстах Ты-категория реализуется не только через грамматические функции языка, представляемые формами 2-го лица глагола повелительного и изъявительного наклонения, местоимением *ты* в начальной и косвенных формах, притяжательным местоимением *твой*, но и через прагматические – организацию коммуникативных отношений и антропоцентрическую специфику интенций.

Изучая этикетные формулы приветствия и прощания в массиве писем с учётом хронологических изменений, предполагаем, что отношения Ивана Тургенева с дядей всё же менялись. Это было связано с взрослением И. С. Тургенева. Уже в письмах 1850-ых гг., когда писатель вступает в тридцатилетний возраст, этикетная формула приветствия сжимается до словосочетания «милый дядя», а формула прощания – до «твой Ив. Тургенев»; на смену эмоциональных проявлений детской и юношеской любви к родному человеку приходит мужская сдержанность в чувствах, следователь-

но, происходит преобразование отношений корреспондентов в тёплую и крепкую дружбу.

В 1850-ых гг. И. С. Тургенев живёт то в России, то за границей; два года он находился в ссылке в Спасском. В этот период уже известный писатель принимал активное участие в литературном и общественно-политическом журнале «Современник», где публиковались его романы «Рудин» и «Дворянское гнездо». Все эти события наложили отпечаток и на отношения И. С. Тургенева с дядей.

Анализ этикетных формул приветствия и прощания писем И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу позволяет утверждать, что многие формулы закрепляются и становятся устойчивыми единицами в реалии данного письменного речевого контакта. По частоте использования этикетных формул («милый дядя», «твой любящий/обожающий племянник») мы можем судить о процессе фразеологизации, в силу чего эпистолярные тексты И. С. Тургенева обретают характерные константы и демонстрируют особенности языковой, психологической личности автора, его интенции – искренность, умение быть благодарным, хранить тёплые воспоминания, которые проявляют себя как черты уникального авторского стиля и в художественных произведениях.

¹ Там же, с. 152.

² Там же, с. 157.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов С. И. Устойчивые сочетания слов // Русский язык в школе. 1936. № 1. С. 71–77.
2. Булаховский Л. А. Введение в языкознание: в 2 ч. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1953. 178 с.
3. Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. М.: Советская Россия, 1977. 448 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
5. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. М.: ФЛИНТА, 2018. 344 с.

6. Карантеева И. Л. Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец» (на материалах биографии и эпистолярия И. С. Тургенева): дисс. ... канд. культурологии. Кострома, 2010. 169 с.
7. Ковина Т. П. Варианты подписи в структуре заключительной формулы писем И. С. Тургенева // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию П. А. Леканта (Москва, 24–25 ноября 2017 г.) М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 333–337.
8. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
9. Курьянович А. В. Литературный эпистолярный как стилистический феномен (на материале писем М. В. Нестерова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 170–179.
10. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.
11. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 529–560.
12. Протопопова О. В. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 631–634.
13. Смирнова М. А. Семантическое рассогласование атрибутивных компонентов описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 123–128.
14. Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений // Сборник отделения Русского языка и словесности Императорской академии наук: в 101 тт. Т. 22. Кн. 10. СПб.: Изд-во РАН, 1873. 255 с.
15. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс. М.: Красанд, 2016. 184 с.
16. Чаплыгина И. Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: дисс ... д-ра филол. наук. М., 2002. 518 с.
17. Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М.: Центрполиграф, 2003. 426 с.
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2014. 720 с.
19. Эль-Амари О. Н. Деловое письмо как жанр современной письменной коммуникации на русском языке: дисс ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 304 с.

REFERENCES

1. Abakumov S. I. [Stable word combinations]. In: *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 1936, no. 1, pp. 71–77.
2. Bulakhovskiy L. A. *Vvedenie v yazykoznanie: v 2 ch. Ch. 2* [Introduction to linguistics: in 2 pt. Part 2]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1953. 178 p.
3. Vinnikova G. E. *Turgenev i Rossiya* [Turgenev and Russia]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1977. 448 p.
4. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 312 p.
5. Golovko V. M. I. S. *Turgenev: iskusstvo khudozhestvennogo filosofstvovaniya* [I. Turgenev: the art of artistic philosophizing]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 344 p.
6. Karanteeva I. L. *Istoriko-kulturnye osnovaniya i sodержanie kontsepta «russkiy evropeets» (na materialakh biografii i epistolyariya I. S. Turgeneva): dis ... kand. kulturologii* [Historical and cultural foundations and content of the concept a “Russian European” (based on the

- biography and epistolary of I. Turgenev): PhD thesis in Cultural Sciences]. Kostroma, 2010. 169 p.
7. Kovina T. P. [Variants of signatures in the structure of the finalization formula in the I. Turgenev's letters]. In: *Ratsionalnoe i emotsionalnoe v russkom yazyke: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, posvyashchenoy 85-letiyu P.A. Lekanta (Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.)* [Rational and Emotional in the Russian language: Collection of works of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of P. Lekant (Moscow, November 24–25, 2017)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, pp. 333–337.
 8. Kurl'yanskaya G. B. I. S. *Turgenev i russkaya literatura* [I. Turgenev and the Russian literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 192 p.
 9. Kuryanovich A. V. [A literary letter as a stylistic phenomenon (on the material of M. Nesterov's letters)]. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. [The Siberian Journal of Philology], 2012, no. 1, pp. 170–179.
 10. Larin B. A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. (Izbrannye raboty)* [The history of the Russian language and general linguistics. (Selected Works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
 11. Potebnya A. A. [From lectures on the theory of literature]. In: *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. pp. 529–560.
 12. Protopopova O. V. [Epistolary style]. In: M. N. Kozhina. ed. *Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. pp. 631–634.
 13. Smirnova M. A. [Semantic mismatch of attributive components of verbal-nominal phrases in epistolary texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 5, pp. 123–128.
 14. Sreznevskiy I. I. [Notes on the formation of words from expressions]. In: *Sbornik otdeleniya Russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk: v 101 tt. T. 22. kn. 10* [Collection of the Russian Language and Literature Department of the Imperial Academy of Sciences: in 101 vols. Vol. 22. Book 10]. St. Petersburg, RAS Publ., 1873. 255 p.
 15. Fortunatov F. F. *Sravnitel'noe yazykovedenie. Obshchii kurs* [Comparative linguistics. General course]. Moscow, Krasand Publ., 2016. 184 p.
 16. Chaplygina I. D. *Sredstva adresovannosti: Ty-kategoriya v sovremennom russkom yazyke: dis ... dokt. filol. nauk* [Means of address: You-category in the modern Russian language: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 518 p.
 17. Chernov N. M. *Provintsialnyy Turgenev* [Provincial Turgenev]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 426 p.
 18. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 720 p.
 19. El'-Amari O. N. *Delovoe pismo kak zhanr sovremennoy pismennoy kommunikatsii na russkom yazyke: dis ... kand. filol. nauk* [Business letter as a genre of modern written communication in Russian language: PhD thesis in Philological Sciences]. Yaroslavl, 2018. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барина Ольга Михайловна – аспирант кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций Московского государственного психолого-педагогического университета; главный специалист Российского фонда фундаментальных исследований;

e-mail: barinova.olga.m@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Barinova – postgraduate student at the Department of linguodidactics and intercultural communication, Moscow State University of Psychology and Education; Leading specialist of the Russian Foundation for Basic Research;
e-mail: barinova.olga.m@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баринова О. М. Константные формулы адресованности в текстах писем И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-16-25

FOR CITATION

Barinova O.M. The constant formulas of address in the texts of I. Turgenev's letters to N. Turgenev. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-16-25

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-26-40

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лю Цзоянь*Цзилиньский университет**130012, Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская народная республика*

Аннотация. В статье проведено исследование процесса метафоризации лексических единиц с семантикой осязательного восприятия в русском и китайском языках. Осуществлена детализация образных значений данных лексем, определён комплекс концептуальных сфер, являющихся объектами моделирования с опорой на «осязательную» метафору в русской и китайской языковых картинах мира. Предпринята попытка доказать, что идентичность образных лексических единиц с семантикой осязательного восприятия в сопоставляемых языковых системах заключается в этнической универсализации процесса перцепции, а оригинальная специфика лексем выявляется при детализации лексической сочетаемости слов, идентичных по базовым значениям.

Ключевые слова: метафоризация, языковая картина мира, концептуализация, семантическая структура слова, лексическая единица, восприятие, синестезия.

METAPHORIZATION OF LEXICAL UNITS WITH SEMANTICS OF TACTILE PERCEPTION IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Zuoyan Liu*Jilin University**10 Qianjin Road, Changchun 130012, People's Republic of China*

Abstract. The article studies the process of metaphorization of lexical units with semantics of tactile perception in the Russian and Chinese languages. The author specifies the figurative meanings of these lexemes and defines the complex of the conceptual spheres which are subjects to modeling with a support of a «tactile» metaphor in the Russian and Chinese language pictures of the world. The article attempts to prove that the identity of figurative lexical units with semantics of tactile perception in the compared language systems lays in the ethnic universalization of process of perception, and the original specifics of lexemes come to light at specification of lexical word compatibility, identical on basic meaning.

Keywords: metaphorization, language picture of the world, conceptualization, semantic structure of a word, lexical unit, perception, synesthesia.

Введение. Постановка проблемы

Известно, что перцепция окружающей действительности субъектом отталкивается от восприятия этой действительности при помощи пяти органов

© СС BY Лю Цзоянь, 2019.

чувств – зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния. Восприятие, таким образом, – это важнейший перцептивный процесс, формирующий субъективную картину мира человека. Данный психический процесс заключается в рефлексии объекта через прямой перцептивный контакт с рецепторными зонами органов чувств субъекта. Соответственно, выделяют области осязательного, зрительного, слухового, обонятельного и вкусового восприятия. Вся информация из окружающего мира поступает к человеку через данные ощущения и обрабатывается им в процессе восприятия. Естественно, что процесс восприятия мира человеком посредством органов чувств находит своё непосредственное и опосредованное языковое выражение, поскольку слово – это субстанция не только лингвистическая, но и психическая.

Человек способен воспринимать мир метафорически [9, с. 33–43]. Данная способность рефлегируется на уровне концептуальных и национальных картин [2; 14], проявляет себя в процессах концептуализации и категоризации перцептивируемой субъектом действительности [10].

Цель и задачи работы

Целью статьи является исследование процесса метафоризации лексических единиц с семантикой осязательного восприятия, а также выявление и описание сходств и различий метафорических значений указанных единиц в русском и китайском языках в контрастивном аспекте. На основе анализа актуализируемых лексемами смыслов детализируются метафориче-

ские фрагменты китайской и русской концептуальных картин мира, описывается вариативная национальная специфика данных картин мира с учётом социальных факторов функционирования сопоставляемых языковых систем. Метафора рассматривается в качестве важнейшего средства концептуального моделирования фрагментов русской и китайской национальных картин мира.

Разработка проблемы в лингвистике

Осязание является одним из пяти основных видов чувств человека. Это одна из базовых перцептивных характеристик в процессе восприятия человеком окружающего мира. Осязательное восприятие есть способность рецепторов рефлексировать объективные качества объектов. С помощью осязания человеком воспринимается внешняя температура, влажность и характер поверхности предмета, весовые и болевые признаки [12, с. 85]. При помощи рецепторов индивид перцептивирует качества внешних объектов, в его внутреннем ментальном пространстве генерируется некий образ воспринимаемого объекта.

Восприятие тесно связано с двумя другими базовыми процессами познавательной деятельности человека: концептуализацией и категоризацией действительности. В широком смысле концептуализация – базовый мыслительный процесс, при помощи которого воспринимается и познаётся окружающая действительность. Это процесс, с помощью которого формируются, организуются и структурируются наши знания о мире, а результаты этого процесса в той или иной степени

отражаются на языковом уровне [4, с. 70–80]. Данный процесс приводит к порождению новых смыслов.

Язык является средством концептуализации реальности, накладывает отпечаток на восприятие действительности человеком – это так называемое восприятие «сквозь языковую призму». Характерный для языка способ перцептивации окружающей действительности во многом универсален, отчасти специфичен, и это не может не отразиться на восприятии мира тем или иным языковым сообществом [1, с. 39]. Осознанию при этом отводится ведущее место среди других типов перцепции объектов действительности [12, с. 87]. «Исследование перцептивной лексики невозможно без таких понятий как ощущение и восприятие, являющихся краеугольным камнем, на котором строятся все наши представления о внешнем мире» [5, с. 105].

Основная часть

В лингвистических и психологических работах нередко констатируется факт, что именно чувственные перцепции – это база для познания мира субъектом. В этом плане множество внешних, в том числе абстрактных явлений и свойств, остающихся вне непосредственной перцепции, благодаря, например, процессу метафоризации способны облекаться в языковую форму. Общая же концептуальная составляющая метафоры – это её способность выступать в качестве инструмента интерпретации действительности на базе имеющегося у человека чувственного опыта.

Метафора представляет собой перенесение свойств некоего объекта на

иной объект по параметру их идентификации [11]. При этом метафора функционирует в качестве интегративного инструмента концептуализации мира. Через метафоры человек категоризирует, структурирует и воспринимает окружающий нас мир, осуществляет ментальные операции и планирует свои действия. Метафора, несомненно, обладает когнитивной значимостью, создавая связь между двумя концептуальными сферами, что даёт возможность субъекту увидеть один концепт через призму другого и таким образом структурировать одну концептуальную сферу в терминах другой. Таким образом, метафора – это важнейший инструмент рефлексии действительности, проявляющий связи и соотношения между различными ментально-концептуальными структурами. «При метафорическом переносе некая ситуация или способ восприятия осязательного признака применяется к ситуации отвлечённого характера» [3].

Функционирование языковых элементов, рефлексизирующих работу каких-либо органов чувств субъекта, для обозначения объектов, образов, явлений, относящихся к сфере иных перцепций, актуализирует область синестезии. Синестетическая же метафора – это метафоризованные языковые выражения, сформировавшиеся как рефлекторы состыковки на языково-образном уровне различных человеческих чувств. Факт синестетически метафоризованного функционирования элементов в языковой системе базируется на том, что неким объектом заимствуются параметры, характерные для иного предмета или явления. Этим и актуализируется параметр параллель-

ной идентификации двух объектов, то есть некое качество объекта, о котором говорится, индентифицируется через качество иного объекта как типизированное [12, с. 87]. Синестезия – это и физиологическое, и психологическое явление, означающее, что физиология и психология тесно связаны друг с другом [18, р. 43], а результатом данной обусловленности является функционирование на языковом уровне метафорически перцептивируемых образов, которые представлены не только на уровне индивидуальных языковых картин мира отдельного индивида, но и на уровне национально-культурных концептов.

Национально-этническая информация об осязании как о важнейшем чувстве субъекта отражается в системе конкретного языка (например, русского или китайского) – как на семантико-лексемном уровне, так и на уровне грамматическом (классы существительных, прилагательных, глаголов). Причём в языковой сфере воспринимаемые субъектом образы, как правило, генерируются в семантике перцептивных прилагательных, актуализирующих знания этноса о той или иной чувственно воспринимаемой характеристике предмета или явления [4]. Осязание предполагает тактильные, температурные, болевые и весовые ощущения, соответственно, логичной представляется дифференциация «осязательных» прилагательных на тактильные, температурные, болевые и весовые по репрезентационно-признаковым параметрам [3].

Семантическая структура прилагательных с семантикой осязательного восприятия может быть продуктивно исследована посредством анализа

принципов их лексической сочетаемости. В этом случае языковые элементы необходимо рассматривать с учётом концептуальных сведений об окружающей человека действительности, эмпирики взаимодействия с окружающим миром, соотношения мировоззрения индивида с национально-культурными, коммуникационными, психологическими и прочими факторами. С учётом такого подхода к анализу метафоризованных значений лексем с семантикой «осязание» возможно выявить те концептуальные сферы, которые послужили объектом моделирования с опорой на «осязательную» метафору в китайской и русской языковых картинах мира.

В русском и китайском языках имеются достаточно обширные ряды лексем с семантикой осязательного восприятия. В русском языке, например, наличествуют компоненты *горячий/холодный/прохладный/тёплый/ледяной; тяжёлый/лёгкий; мягкий/твёрдый/жёсткий; острый/тупой/резкий; мокрый/сухой; холодеть, заморозить*. В китайском языке семантика осязательного восприятия на понятийном уровне отражена в словах 热 (*re*, горячий, жаркий), 冷 (*leng*, холодный; холод; холодеть), 冰 (*bing*, ледяной), 温 (*wen*, тёплый) / 暖 (*nuan*, тёплый), 凉 (*liang*, прохладный), 轻 (*qing*, лёгкий), 重 (*zhong*, тяжёлый), 硬 (*ying*, твёрдый), 软 (*ruan*, мягкий), 钝的 (*dun de*, тупой), 尖的 (*jian de*, острый), 湿 (*shi*, мокрый; сырой; влажный), 干 (*gan*, сухой), 刺骨的 (*ci gu de*, резкий) и т. д. Нередко в китайском языке две лексемы с семантикой осязания составляют новое слово, которое также имеет осязательное значение: 冰凉 (*bingliang*, холодный; ледяной), 凉爽 (*liangshuang*, прохладный),

炽热 (*chire*, жгучий; палящий), 火热 (*huore*, жгучий; горячий), 坚硬 (*jianying*, твёрдый), 柔软 (*rouruan*, мягкий), 温暖 (*wennuan*, тёплый).

Лексические единицы с семантикой осязательного восприятия достаточно свободно сочетаются на языковом уровне с субстантивами, обладающими перцептивной семантикой слуха, обоняния, а также вкусового и зрительного восприятия, приобретая при этом соответствующие значения. Для «осязательных» прилагательных вообще дифференциация значений осуществляется на основе лексической сочетаемости, чаще двусловной, синестетические же характеристики проявляются в большинстве своём на уровне словосочетательном.

Базой для метафоризации семантических полей анализируемых лексем служит перцептивный опыт человека, эмпирика его контактов с окружающей действительностью. Именно это является основой для метафоризованного осмысления субъектом не только окружающей действительности, но явлений ментального уровня.

Различные синестетические эффекты нередко описываются психологами и лингвистами при помощи адъективных словосочетаний. Как в русском, так и в китайском языках прилагательные осязательного восприятия метафорически выражают слуховое, зрительное, вкусовое, обонятельное и эмоциональное значение. Наиболее типичными являются метафоризованные сочетания, построенные по следующим моделям: *осязательный*→*слуховой/звуковой признак*; *осязательный*→*зрительный признак*; *осязательный*→*обонятельный признак*; *осязательный*→*вкусовой признак*; *осязательный*→*эмоциональный*

признак. Осязательный признак составляет основу метафорических переносов, отражающих фактически все виды человеческих ощущений. Анализ лексических единиц с семантикой осязательного восприятия показывает, что «важными оказываются представления о норме, шкале и градуируемой природе признака, а также оценке ощущений (приятных или неприятных), полученных в процессе осязательного восприятия субъектом какого-либо признака. Эти компоненты находят место в семантике анализируемых адъективов и становятся базой для перехода осязательных прилагательных в зоны других лексико-семантических полей» [3].

В ходе проведённого сравнительно-сопоставительного анализа был выявлен ряд метафорических моделей (синестетических переносов), отражающих вышеуказанные когнитивно-перцептивные процессы. Детализируем сказанное.

Между осязанием и слухом, несомненно, наличествуют какие-то «совпадения» и «сходства» [15, p. 140]. Сфера проявления «осязательно-звуковой» синестезии ориентирует на то, что звук приобретает некие тактильные качества. В русском языке данная сфера проявляет себя в следующих метафоризованных сочетаниях: *твёрдый/холодный/ледяной/тёплый тон*, *холодный ответ*, *тёплые/острые слова*, *сухой звук/тон/голос/пересказ*, *сухая речь*, *твёрдый звук*, *мягкий голос/тон/стук*, *острый язык/слух*, *острое ухо*, *острая шутка*, *резкий голос/звук/ответ*, *тупой стук/звук*, *лёгкий шум/свист/шорох*, *лёгкая музыка*, *грубый голос*, *гладкая речь*, *ровное звучание*, *плотская шутка* и т. п. В китайском языке

также продуктивно функционируют слова и выражения со схожей образной семантикой: 尖刻 (*jianke* – колкий, колючий, язвительный), 尖酸刻薄 (*jiansuankebo* – сарказм, язвительно), 尖嘴薄舌 (*jianzuiboshe* – острый/злой на язык; злоязычный; говорить язвительно), 唇尖舌利 (*chunjiansheli* – острый/резкий на язык), 耳朵尖 (*erduojian* – острое ухо; острый слух), 尖叫 (*jianjiao* – букв.: острый крик), 尖锐的批评 (*jianduipiping* – резкая/острая критика), 刺耳的叫声 (*cierdejiaosheng* – резкий крик), 耳朵软 (*erduoruan* – букв.: мягкое ухо, в значении легковёрный, чрезмерно доверчивый), 软绵绵的歌 (*ruanmianmiandege* – мягкая музыка, вялая песня), 冷寂 (*lengji* – прохладный и тихий), 冷静 (*lengjing* – хладнокровный; спокойный; трезвый; тихий), 冷冰冰的回答 (*lengbingbingdehuida* – холодный ответ), 冷嘲热讽 (*lengchaorefeng* – хододная ирония), 冷言冷语 (*lengyanlengyu* – холодные слова), 热烈的争论 (*reliedezhenglun* – жаркий спор), 温言软语 (*wenyanruanyu* – мягкие слова), 温暖的话语 (*wennuandeheyu* – тёплые слова), 生硬的话语 (*shengyingdeheyu* – резкие/грубые слова), 语气生硬 (*yueqishengying* – резкий тон), 沉重的脚步声 (*chenzhongdejiabusheng* – тяжёлые шаги), 沉重的声音 (*chenzhongdeshengyin* – тяжёлый звук), 钝重的声音 (*dunzhongdeshengyin* – тупой звук), 语重心长 (*yuzhongxinchang* – сказано искренне, с глубокой искренностью), 干巴巴的话语 (*ganbabadeheyu* – сухие слова), 拙口钝腮 (*zhuokoudunsai* – не уметь красиво говорить). Семантический анализ подобных примеров в русском и китайском языках показывает, что звуковая сфера тесно связана со сферой осяза-

ния. Например, и для русской, и для китайской национальных языковых картин мира естественным оказывается тот фактор, что человек, тяжело переживая мрачные образы трагических событий, может метафорически ассоциировать данные переживания с неприятным звуком. Дорогие же сердцу и радостные моменты своей жизни, напротив, вызывают у людей светлые, лёгкие, весёлые и нежные чувства, что вполне естественно может ассоциироваться со звуками, приятными для субъекта.

«Осязательно-зрительная» синестезия ориентирует на то, что зрение человека может ассоциироваться и с тактильными качествами. В русском языке легко обнаруживаются подобные метафорически насыщенные выражения: холодный/тёплый свет/цвет, мягкий свет/блеск, горячие/тёплые цвета, тёплые тона/краски, холодный/тяжёлый взгляд, острый глаз, тупая улыбка, мягкие линии, лёгкая походка, лёгкое облако, лёгкая дымка, тяжёлое зрелище, жгучий брюнет. В китайском языке между осязанием и зрением также проявляется естественная ассоциативно-образная связь: 锐利的目光 (*ruilidemiguang* – острый/резкий взгляд), 冷冰冰的脸 (*lengbingbingdelian* – холодное/ледяное лицо), 冷面孔 (*lengmiankong* – холодное лицо), 冷眼 (*lengyan* – хладнокровно; трезво; холодное безразличие), 眼尖 (*yanjian* – острое зрение; острый/зоркий глаз), 光线刺眼 (*guangxianciyan* – лучи режут глаз), 眼钝 (*yandun* – букв.: тупой глаз), 目光迟钝 (*miguangchidun* – тупой взгляд), 浓墨重彩 (*ongmozhongcai* – густые чернила и тяжёлые краски), 白热 (*baire* – белый накал; белое каление), 白热化

(*bairehua* – *накалиться*), 乌寒 (*wuhan* – букв.: *тёмный холод*).

Лексика, в исходном номинативном значении обозначающая осязание, в результирующем метафорическом значении может использоваться для характеристики обоняния. Это так называемая осязательно-обонятельная метафора, в русском языке рефлектируемая в следующих словосочетаниях: *резкая вонь, резкий/острый запах, острое обоняние, тяжёлый запах/воздух, мягкий/сухой аромат*. Отметим, что в китайском языке представлено лишь одно подобного рода словосочетание: 刺鼻的气味 (*cibideqiwei* – *резкий запах*).

При вкусовой и тактильной перцепции индивид взаимодействует с объектом [7, с. 23]. В русской языковой сфере осязательно-вкусовая синестезия представлена словосочетаниями *острая закуска, острые вкусы, острый соус, острое блюдо, лёгкое вино, лёгкий завтрак, лёгкая еда, лёгкая закуска, сырой хлеб, сырой запах, холодные блюда*. В китайском языке также имеются семантически подобные выражения: 口味重/轻 (*kouweizhong/qing* – *солёный/недосолёный; пресный*), 尖酸 (*jiansua* – *язвительный; колкий*), 尖辣 (*jianla* – *острый*), 冷淡 (*lengdan* – *вялый; холодный; безучастный*), 热辣辣 (*relala* – *жгучий*), 挖苦 (*waku* – *язвить; глумиться, издеваться*).

Кроме синестетической метафоризации действительности, лексика с семантикой осязания способна приобретать и другие метафорически переносные значения. Например, для русских и китайских прилагательных оказывается типичным перенос признаковой характеристики объекта из смысловой сферы «осязание» в сфе-

ру эмоций. В русском языке данный процесс отражён в словосочетаниях: *холодное сердце, холодная тоска, ледяная грусть, горячая любовь, тёплая симпатия, знойная ярость, знойная страсть, прохладная печаль, мягкая душа, лёгкий испуг, лёгкая грусть, тяжёлое настроение, с лёгким сердцем* и т. п. В китайском языке это метафорические выражения: 心软 (*xinruan* – *мягкосердечие; мягкосердечный*), 软心肠 (*ruanxinchang* – *мягкая душа*), 心肠硬 (*xinchangying* – букв.: *сердце твёрдое; в знач. – жестокосердный*), 热心肠 (*rexinchang* – букв.: *горячее сердце/горячая душа; в знач. – тёплый, сердечный, отзывчивый*), 热爱 (*reai* – *горячая любовь*), 热辣辣 (*relala* – *гореть от стыда*), 心灰意冷 (*xinhuiyileng* – *впасть в прострацию; находиться в прострации; полная апатия*), 冷酷无情 (*lengkuwuiqing* – *чёрствость; бессердечие; бездушие*), 心情沉重 (*xinqingchenzhong* – *тяжело на душе*), 心情轻松 (*xinqingqingsong* – *легко на душе*), 刻骨的仇恨 (*kegudechouhen* – *смертельная ненависть*), 发火 (*fahuo* – *вскипеть, взорваться от гнева*), 恼火 (*naohuo* – *злиться; взорваться*), 火冒三丈 (*huomaosan Zhang* – *сильно злиться, раздражаться*).

Осязательный признак в русском и китайском языках активно применяется для описания характера и умственной способности субъекта. Для русского языка, например, характерны словосочетания *мягкий человек, мягкий характер, горячий характер, горячая голова, холодный человек, лёгкий характер, твёрдый характер, тяжёлый характер, жёсткий характер, жёсткий человек, резкий характер, сухой человек, острый ум, тупой человек, тупой ум, тяжёлый ум*. В китайском

языке также имеются словосочетания с аналогичной семантической составляющей: *软弱* (*ruanruo* – *слабый; слабый характер*), *软骨头* (*ruangutou* – *слизняк; человек слабовольный*), *硬骨头* (*yinggutou* – *стойкий человек*), *硬汉* (*yinghan* – *стойкий/волевой человек*), *热情* (*reqing* – *сердечный; тёплый*), *冷漠* (*lengmo* – *безучастный, безразличный*), *冷淡* (*lengdan* – *холодный; равнодушный*), *轻浮* (*qingfu* – *легкомысленный*), *愚钝* (*yudun* – *глупый; слабоумный*).

«Осязательные» слова способны образно репрезентировать в сопоставляемых языках и разного рода общественные отношения. В русском языке указанная сфера представлена такими словосочетаниями, как *тёплый приём*, *горячий приём*, *холодный приём*, *сухой приём*. В китайском языке это метафоризованные словосочетания *冷遇* (*lengyu* – *холодное отношение*), *人情冷暖* (*renqinglengnuan* – *холодное или тёплое человеческое отношение*), *态度强硬* (*taiduqiangying* – *твёрдая позиция*), *世态炎凉* (*shitaiyanliang* – *хорошее отношение людей зависит только от их общественного положения*).

«Осязательные» прилагательные в русском языке нередко выражают интенсификационные или оценочные значения в словосочетаниях: *мягкое наказание*, *твёрдая память*, *тяжёлое горе*, *тяжёлая ответственность*, *горячий бой*, *горячая работа*, *горячая пора*, *горячее желание*, *резкая разница*, *резкий контраст*, *резкое повышение цен*, *резкое падение температуры*. В китайском языке также имеются словосочетания, отражающие в своей семантико-метафорической структуре градационно-оценочные характеристики: *重任* (*zhongren* – *большая/тяжёлая ответственность*),

重价 (*zhongjia* – *высокая цена*), *重金* (*zhongjin* – *большие деньги*), *情意重* (*qingyizhong* – *глубокое чувство*), *德高望重* (*degaowangzhong* – *высоко нравственный и высокочтимый*), *恩重如山* (*enzhongrushang* – *оказать большое добро*), *铁石心肠* (*tieshixinchang* – букв.: *душа как железо и камень* – в значении *чёрствое/каменное сердце*), *心慈面软/心慈手软* (*xincimianruan/xincishouruan* – *душевная мягкость и доброта; добрая и мягкая натура*). И русские, и китайские словосочетания в этом случае наглядно актуализируют параметр интенсификации проявления физического или эмоционального состояния на градационной шкале «сильный/слабый», ярко и образно репрезентируя качества человека в оценочном аспекте.

Разработка иллюстративного материала позволяет сделать вывод относительно того, что наиболее распространёнными в русском и китайском языках выступают метафоризованные сочетания, построенные по смысловым моделям «осязательный→звуковой признак» и «осязательный→зрительный признак» [8]. И в русском, и в китайском языках лексический пласт слов и словосочетаний с семантикой осязательного восприятия метафорически отражает перцептивируемые субъектом сферы: «слух», «зрение», «обоняние», «вкус», «эмоции», «характер», «общественное отношение» и т. п. Контрастивный анализ иллюстративного материала показывает, что в целом метафорические параметры осязательного восприятия на уровне русской и китайской языковых картин мира во многом совпадают, что обусловлено прежде всего сходной физиологической и пси-

хологической базой, а также универсальностью процесса перцепции окружающей действительности субъектом.

Отметим также, что в двух сопоставляемых языковых картинах мира цвет, звук и эмоции могут ассоциироваться с температурной шкалой: «горячий», «тёплый», «холодный». При этом тёплая температура в большинстве своём воспринимается человеком как наиболее комфортная, приятная, что ожидаемо порождает положительные коннотативные характеристики предмета, события, свойства, отношения. Горячая температура воспринимается субъектом амбивалентно, в том числе на ментальном и языковом-речевом уровне. Низкая температура ассоциируется субъектом с негативной тактильной эмпирикой и логически вытекающим из этого физическим дискомфортом. Метафоры, семантически рефлектирующие ощущения высокой температуры, преимущественно характеризуют положительные чувства субъекта (*горячая любовь* – 热爱), метафоры же с исходной семантикой низкой температуры, как правило, интерпретируют отрицательные человеческие чувства (*холодный ответ* – 冷冷的回答, *прохладное отношение* – 冷淡的态度). Лексемы, репрезентирующие на метафорическом уровне ассоциации с крайне высоким и крайне низким температурными режимами, как правило, отражают негативные чувства человека (*злойная ярость* – 盛怒, *ледяной тон* – 冷冰冰的语气).

Метафорически лёгкий вес чаще воспринимается человеком как приятный, что порождает явно положительную коннотацию (*лёгкая музыка*). Тяжёлый вес, напротив, связывается субъектом с неприятным тактильным

опытом и дискомфортом (*тяжёлый взгляд*). Для передачи высокой степени проявления отвлечённого свойства в русском и китайском языках также используются осязательный признак «тяжёлый» (Ср.: кит. 繁重的劳动 (*fanzhongdelaodong*) – рус. *тяжёлая работа*). Для передачи низкой степени проявления отвлечённого качества в рассматриваемых языках актуализируется осязательный признак «лёгкий» (кит. 微风 (*weifeng*) – рус. *лёгкий ветер*). Громкий звук и в русском, и в китайском языках ассоциируется со словами *резкий, острый* (*резкий голос* – 刺耳的噪音; 尖嗓音), а тихий звук – с прилагательным *тупой* (*тупой звук* – 低沉的声音). Критика и замечание нередко ассоциируются у русских и китайцев с лексемами *острый* и *резкий* (*острые слова* – 挖苦的话; *резкая критика* – 尖锐的批评).

В то же время сравнительно-сопоставительный анализ языкового материала позволил выявить и различия на уровне русской и китайской национальных языковых картин мира, связанные с разницей в осознании и интерпретации субъектом информации, полученной от органов чувств. Указанные дифференциальные характеристики проявляются в нескольких аспектах.

1. В количественном аспекте номинативная плотность русских прилагательных значительно выше, нежели китайских, что обусловлено большей детализацией явлений и процессов при метафоризованной номинации явлений действительности. Например, русское прилагательное *тёплый* семантически соответствует двум китайским словам – 温 (*wen*) и 暖 (*nuan*), а китайское слово 硬 (*ying*) семантиче-

ски аналогизируется с тремя русскими прилагательными – *твёрдый*, *жесткий* и *чёрствый*. Неаналогичная представленность в русском и китайском языках фактов метафоризации воспринимается субъектом при помощи органов чувств информации, рефлексивируемой на семантическом уровне лексических единиц со значением осязательного восприятия, говорит о высокой степени важности комплекса «осязательных» признаков для существования субъекта [12, с. 87].

2. В русском и китайском языках лексемы, соотносимые с метафоризованными прилагательными, не всегда проявляют себя в качестве смысловых эквивалентов при переводе с одного языка на другой. Например, в китайском языке существует выражение *生硬的话语* (*shengyingdehuayu*), которое может быть переведено на русский язык не как *твёрдая речь*, а как *резкая/грубая/сухая речь*. Метафорическое выражение *мягкий характер* переводится на китайский язык не как *软弱的性格* (*ruanruodexingge*, в знач. *слабый характер*), а как *随和的性格* (*suihedexingge*, в знач. *мягкий/лёгкий характер*). Китайское метафоризованное словосочетание *心硬* (*xingying*, *жестокосердие*; *жестокосердный*; *чёрствое сердце*) *热心肠* (*rexinchang*, *сердечный*; *сердечность*) необходимо переводить на русский язык не как *твёрдое сердце/твёрдая душа, горячая душа*, а как *чёрствое сердце/чёрствая душа и сердечный человек*.

3. При переносе в семантическую сферу понятийного образа «звук» в двух сопоставляемых языках употребляются слова *тёплый/温*, *холодный/冷*, *мягкий/软*, *твёрдый/硬*, *острый/尖*, *тупой/钝*. Однако в рус-

ском языке существует такая сочетаемость, как *тяжёлый слог*, *гладкая речь*, *ровное звучание*, *плоская шутка*, *сухая речь* и *сухой тон*. В китайском же языке компоненты 冷 и 平 семантически связаны с языковым компонентом 静 (*тишина*), и составляют слова 冷静 (*lengjing* – *тихий*; *печальный*; *грустный*), 平静 (*pingjing* – *тихий*, *спокойный*), что оказывается нехарактерным для русского языка.

4. При метафорическом переносе в семантическую сферу образа «вкус» для русского и китайского языков оказываются продуктивными прилагательные *острый* (尖), *лёгкий* (轻), *холодный* (冷). Однако в русском языке слово *сырой* используется для номинации вкуса, в китайском же языке 湿的 (*shide*) не имеет подобного переносного значения. В китайском языке слова 轻 (*qing*, *лёгкий*) и 重 (*zhong*, *тяжёлый*) в переносном смысле способны обозначать вкус: 口味轻/重 (*kouweiqing/zhong*, *пресный*; *недосолённый/острый*). В русском языке слово *лёгкий* может сочетаться со словом *завтрак* (*лёгкий завтрак*) и обозначать вкус (*лёгкий вкус*), в то время как в китайском языке 轻 (*qing*, *лёгкий*) не соотносится с параметром «вкус». Это связано с традиционной китайской пищевой культурой и обычаями: в древнем Китае не было привычки есть «лёгкую еду», то есть пить чай после обеда [17, р. 152].

Нужно обратить особое внимание и на то, что в китайском языке «осязательные» и «вкусовые» слова достаточно свободно сочетаются друг с другом, образуя новые словосочетания и приобретая иные – не соотносённые с невкусовыми – значения: 尖酸 (*jiansuan*, *язвительный*; *колкий*), 冷淡 (*lengdan*,

холодный; равнодушный), 挖苦 (*waku*, язвить; глумиться; издеваться).

5. Примеров переноса в семантическую сферу «обоняние» в русском языке намного больше (мягкий аромат, резкая вонь, острый запах, тяжёлый запах, тяжёлый воздух, сухой аромат и т. д.), нежели в китайском, для которого характерным применительно к сказанному оказывается лишь один пример: 刺鼻的气味 (*cibideqiwei*, резкий запах).

6. При переносе в семантическую сферу «эмоции» в двух сравниваемых языках продуктивно используются слова холодный/冷, ледяной /冰, тёплый /暖, горячий/热, мягкий /软, лёгкий/轻, тяжёлый/重. При этом в русском языке функционируют словосочетания холодная тоска, ледяная грусть, знойная ярость, прохладная печаль, лёгкая грусть, подобные которым отсутствует в китайском языке. В то же время в китайском языке наличествуют слова 发火 (*fahuo*, злиться; взорваться; раздражаться), 恼火 (*naohuo*, вскипеть; взорваться), 火冒三丈 (*huomaosan Zhang*, сильно злиться/раздражаться), где компонент 火 (*huo*, огонь) обозначает высокую температуру и метафорически репрезентирует гнев и ярость, что для русской языковой сферы оказывается нехарактерным.

7. При метафорическом переносе в семантическую сферу «зрение» в китайском языке прилагательное 白 (*bai*, белый) связано со словом 热 (*re*, горячий), а прилагательное 黑 (*hei*, чёрный) – со словом 冷 (*leng*, холодный). Для русской языковой сферы подобное функционирование элементов нехарактерно.

При метафорическом процессе переноса значения в семантическую сферу «характер» или «умственные способности» для русского и китайского языков стандартны прилагательные мягкий/软, холодный/冷, лёгкий /轻. Тем не менее, в русском языке высокой степени продуктивности обладают и лексемы тяжёлый (характер), горячий (ум, характер), жёсткий (характер), резкий (характер), сухой (ум), острый (ум), обозначающие качественные характеристики характера и умственных способностей субъекта. В китайском языке, напротив, лексемы 重 (*zhong*, тяжёлый) и 热 (*re*, горячий) не сочетаются с со сферами «характер» и «ум», не имеют метафорических значений, подобных вышеуказанным.

При переносе в семантическую сферу «интенсивность» в двух сопоставляемых языках одинаково продуктивно актуализируется осязательный признак. При этом в русском языке метафоризованные прилагательные горячий и резкий используются для характеристики по параметру «интенсивность» и обозначают: «напряжённый» (горячая работа, горячая пора), «вспыльчивый» (горячая голова), «очень значительный» (резкая разница, резкий контраст). В китайском языке прилагательные 热的 (*rede*, горячий) и 刺骨的 (*cigude*, резкий) не имеют подобных переносно-образных значений.

Выводы

Проведённое сравнительно-сопоставительное описание лексических единиц с семантикой осязательно-го восприятия показывает, что сфера «осознание» в русском и китайском

языках оказывается тесно связанной с другими перцептивными сферами, а процессы метафоризации на языковом уровне отражают целый комплекс универсальных и оригинальных перцептивных признаков, характерных для сопоставляемых языков [16, р. 80]. Контрастивный анализ подтверждает изначально выдвинутую гипотезу относительно того, что смысловые сходства в области переносных значений лексических единиц с семантикой осязательного восприятия и в русском, и в китайском языках базируются на аналогизации процессов перцептивации у различных этносов. Различия же на семантическом уровне проявляются при детализации сочетаемости эквивалентных по своему прямому значению лексических единиц в сопоставляемых языках.

Систематизация иллюстративного материала позволяет констатировать, что в русском и китайском языках прилагательные как лексические единицы, с которыми сочетаются единицы субстантивные, отличаются наибольшей национально-языковой спецификой. Причиной вышеуказанных несовпадений на межъязыковом уровне служат дифференциальные критерии национального восприятия действительности в образно-метафорической сфере

применительно к разным национальным языковым картинам мира как репрезентантам национального языкового сознания, а также национальные традиции и предпочтения. Различия обусловлены также спецификой национального менталитета, природной среды, самобытностью культурного фактора. Всё это ориентирует говорящего на специфический выбор оригинального прототипа того или иного концепта [13, с. 24].

В целом, анализ метафор как продуктивного инструментария языковой интерпретации действительности субъектом, отражающей стереотипные для данного языкового коллектива ассоциативно-образные представления [6, с. 5], может служить выходом на уровень понимания основ ментальных процессов и осознания национально-специфического видения мира.

Намеченные в статье проблемы сравнительно-сопоставительного и концептуального уровня являются, на наш взгляд, перспективными для дальнейшего исследования, поскольку позволяют углубить когнитивную сферу изучения языка, что, в свою очередь, позволит более детально рассмотреть актуальные проблемы этноязыкового сознания, сформированного соответствующей культурой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена при поддержке фонда Министерства образования Китайской народной республики «Русский менталитет в русской языковой картине мира» (номер проекта: 14YJAZH042) и фонда философии и общественной науки провинции Цзилинь «Русская когнитивная лингвистика: теория и практика» (номер проекта: 2014wy36).

ACKNOWLEDGMENTS

The article was supported by the Foundation of the Ministry of Education of the People's Republic of China "Russian Mentality in the Russian Language Picture of the World" (project number: 14YJAZH042) and the Foundation of Philosophy and Social Science of Jilin Province "Russian Cognitive Linguistics: Theory and Practice" (project number: 2014wy36).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–65.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Астапкина Е. С. Закономерности семантической деривации прилагательных осязательного восприятия (на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2012. 24 с.
4. Беседина Н. А. Морфологические категории в аспекте концептуализации мира // RES PHILOLOGICA: учёные записки Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 2004. Вып. 4. С. 79–85.
5. Бубырева Ж. А. Анализ существительных тактильного и кинестетического восприятия: на материале русского, французского и английского языков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). С. 105–111.
6. Быкова А. А. Метафоры с семантикой температурных изменений: лингвокультурологический и когнитивный анализ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 5–11.
7. Иванова Е. В. О порядке следования «осязательных» прилагательных в адъективной цепочке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 22–28.
8. Карапетова Е. Г. Перцептивная метафора и её особенности в различных типах текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/8_DN_2011/Philologia/3_80837.doc.htm (дата обращения 28.11.2018).
9. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.
10. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Моисеева С. А., Бубырева Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и международная коммуникация. 2010. № 2. С. 84–88.
13. Пак Сон Гу. Лексика чувственного восприятия в языке российской и корейской рекламы // Язык. Сознание. Коммуникация. 2008. Вып. 36. С. 23–36.
14. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
15. 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社. 2001. P. 127–151.
16. 刘佐艳, 语义的模糊性与民族文化, 吉林出版集团有限责任公司, 2008. P. 75–81.
17. 奚梦澜, 汉英触觉通感隐喻对比 – 以“轻”“重”和“light”“heavy”为例, 语言应用研究. 2007. № 6. P. 152–153.
18. 赵艳芳, 认知语言学概论, 上海外语教育出版社, 2000. P. 42–48.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [The image of a person basing on the language: an attempt of systematic description]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics of linguistics], 1995, no. 1, pp. 37–65.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Astapkina E. S. *Zakonomernosti semanticheskoi derivatsii prilagatel'nykh osyazatel'nogo vospriyatiya (na materiale russkogo, belorusskogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Patterns of semantic derivation of adjectives of tactile perception (on the material of the Russian, Belarusian, English and German languages): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Minsk, 2012. 24 p.
4. Besedina N. A. [Morphological categories in the aspect of the conceptualization of the world]. In: *RES PHILOLOGICA: uchenye zapiski Severodvinskogo filiala Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* [RES PHILOLOGICA: scientific notes of the Severodvinsk branch of the Lomonosov Pomor State University], 2004, iss. 4, pp. 79–85.
5. Bubyreva Zh. A. [Analysis of tactile and kinesthetic perception of nouns: on the material of Russian, French and English]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences], 2011, no. 6 (101), pp. 105–111.
6. Bykova A. A. [Metaphors with thermal change semantics: cultural-linguistic and cognitive analyses]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University of Cultural Studies and Art History], 2011, no. 3, pp. 5–11.
7. Ivanova E. V. [On the order of “tactile” adjectives in a chain of adjectives]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of ISLU], 2011, no. 3, pp. 22–28.
8. Karapetova E. G. *Pertseptivnaya metafora i ee osobennosti v razlichnykh tipakh teksta* [The perceptual metaphor and its specificity in different types of text]. Available at: http://www.rusnauka.com/8_DN_2011/Philologia/3_80837.doc.htm (accessed: 28.11.2018).
9. Kassirer E. [The power of metaphor]. In: *Teoriya metafory* [The theory metaphors]. Moscow, Progress Publ., 1990. pp. 33–43.
10. Kubryakova E. S. *Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 159 p.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
12. Moiseeva S. A., Bubyreva Zh. A. [Adjectives of tactile perception as an object of nomination and synaesthetic transfers]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2010, no. 2, pp. 84–88.
13. Pak Son Gu. [Vocabulary of sensory perception in the language of Russian and Korean advertising]. In: *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya* [Language. Mind. Communication], 2008, no. 36, pp. 23–36.
14. Apresyan Yu. D., executive ed. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systematic lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 912 p.
15. 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社. 2001. pp. 127–151.
16. 刘佐艳, 语义的模糊性与民族文化, 吉林出版集团有限责任公司, 2008. pp. 75–81.
17. 奚梦澜, 汉英触觉通感隐喻对比 – 以“轻”“重”和“light”“heavy”为例, 语言应用研究, 2007, no. 6, pp. 152–153.
18. 赵艳芳, 认知语言学概论, 上海外语教育出版社, 2000. pp. 42–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цзоянь – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: nancylzy1992@163.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Zuoyan – Doctor in Philological Sciences, professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages, Jilin University;
e-mail: nancylzy1992@163.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лю Цзоянь. Метафоризация лексических единиц с семантикой осязательного восприятия в русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 26–40.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-26-40

FOR CITATION

Liu Zuoyan. Metaphorization of lexical units with semantics of tactile perception in the Russian and Chinese languages. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 26–40.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-26-40

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-41-50

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ

Тарасова М. С.*Московский государственный областной университет**141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская область,
Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные подходы к концепции языковой личности, определяющей интенциональную специфику дискурса современных СМИ, что конкретизируется на эмпирическом материале показом качеств языковой личности журналиста. Автор представляет дискурс СМИ (медиадискурс) как особую разновидность дискурса, в котором стилистическая специфика медийных текстов обусловлена и транслируется работниками СМИ (редакторы, репортёры, дикторы и др.). На примере медиатекстов Андрея Доброва, представленных в программе «Добров в Эфире», выявлены методом сплошной выборки и проанализированы в семантико-стилистическом, прагматическом аспектах особенности метаязыковой рефлексии (окказионализмы, метафорические обороты, неологизмы, в том числе композитной структуры и др.), характеризующие языковую личность этого журналиста и её роль в дискурсе СМИ. Получен вывод, подтверждающий значение речевого поведения и коммуникационной культуры журналиста как языковой личности, формирующей дискурс СМИ, в достижении успеха у аудитории и в создании неповторимого образа автора-ведущего в медиaprостранстве.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, медиадискурс, неологизм, композит, Андрей Добров.

THE ROLE OF LANGUAGE PERSONALITY IN MEDIA DISCOURSE

M. Tarasova*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article considers various approaches to the ideas of the language personality, which determines the intentional specificity of the discourse of modern media, which is concretized by showing the language personality of the journalist. The author considers media discourse as a special kind of discourse, in which the stylistic specificity of media texts is conditioned and broadcasted by media workers (editors, reporters, speakers, etc.). On the example of Andrei Dobrov's media texts presented in the program "Dobrov on the Air", the features of metalanguage reflexion (occasionalisms, metaphorical turns, neologisms, including composite structure, etc.) were identified by the method of continuous sampling and analyzed in the semantic-stylistic, pragmatic aspects. They describe the language personality of the journalist and its role in the discourse of the media. The conclusion is made that confirms the importance of the speech behavior and communication culture of the journalist as a linguistic personality,

© CC BY Тарасова М. С., 2019.

that forms the discourse of the media, in achieving success with the audience and in creating a unique image of the author-presenter in the media space.

Keywords: language personality, discourse, media discourse, neologism, composite, Andrei Dobrov.

Современному исследователю текстов СМИ нельзя не согласиться с тем, что именно антропогенный фактор, с учётом его «многоликости», определяет языковую картину мира современного медиапространства [см.: 4, с. 224]. Текст, служащий основным средством самовыражения говорящего / пишущего, содержит в себе также информацию о специфике мировосприятия данной языковой личности (ЯЛ), причём и выбор какой-либо темы, и приверженность проблематике связаны с прагматиком ЯЛ (ср.: у Леденёвой В. В. [18, с. 36]). Наиболее востребованной в современной лингвистике стала трёхуровневая концепция ЯЛ, разработанная Ю. Н. Карауловым. Она позволяет сформировать представление о том, что «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [10, с. 38]. Согласно этой концепции, нулевым уровнем ЯЛ считают *вербально-семантический* (лексикон и грамматикон), первым – *лингво-когнитивный* (тезаурус), вторым – *мотивационный* (прагматикон) [10]. Ключевым элементом медиатекста, несмотря на актуальность других факторов, остаётся информационно-медийная личность журналиста, основу которой закладывает его ЯЛ [8, с. 84].

Ю. Н. Караулов считал, что «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы,

и первый уровень (после нулевого) её изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в её картине мира, в её тезаурусе» [10, с. 36]. Однако, как подтвердила М. А. Хлупина, наиболее значимой чертой языковой личности автора речи/текста является высокая степень владения языком [см.: 17, с. 16–18]. Это может продемонстрировать словарь (идиолексикон) и особенности использования языковых единиц, так что вербально-семантический уровень ЯЛ заслуживает самостоятельного изучения. Всё это мы можем отнести к ЯЛ журналиста, учитывая, что если «до недавнего прошлого источником литературной нормы считалась художественная классическая литература, то в настоящее время её центр перемещается в СМИ» [5; 7].

Под ЯЛ понимается также совокупность речетекстовых характеристик, формирующихся под воздействием экстралингвистической основы – функционально-стилевой, жанрово-стилевой и индивидуально-стилевой [19, с. 55]. Это дополняет ставшую традиционной концепцию ЯЛ. Однако журналист – это не просто личность, обладающая типическими чертами. Ему необходима индивидуальность, основанная на специфике ментально-лингвального комплекса, без чего журналист не будет интересен аудитории. Для СМИ, несомненно, важны и движущие творческой личностью интенции, и моральные нормы, и общественная позиция авторов медиа-

текстов. Эти факторы также влияют на формирование индивидуального авторского стиля и его воплощение в рамках современного медиадискурса.

Д. А. Бородько рассматривает дискурс СМИ, или медиадискурс, как обширную сферу дискурса [3]. Наибольшую известность приобрела дефиниция, предложенная Н. Д. Арутюновой, согласно которой *дискурс* (от франц. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (иными словами – в когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь»¹, в ситуацию. Л. В. Мясникова под дискурсом подразумевает «устойчивый способ представления определённой тематики – с её типичной лексикой, фразеологией, образностью, логикой (аргументацией), примерами, штампами, заблуждениями и прочим» [13].

Обобщая различные точки зрения, считаем возможным заключить, что дискурс СМИ действительно является особой разновидностью дискурса. К его основным характеристикам можно отнести следующие, точно подобранные и выделенные в работе Е. А. Уваровой:

– языковую специфику медиатекстов (её определяет ориентация текстов на массовую аудиторию);

- динамический характер;
- многоплановость;
- многомерность;
- полифоничность;
- гетерогенность (сочетание визуальных; вербальных или других компонентов внутри одного текстового пространства);
- интегральность;
- социально-регулятивную природу;
- событийность т. е. стремление к подаче событий в их актуальности) [16].

Конечно, дискурс СМИ (все его подвиды) имеет разные формы существования: теле- и радиодискурс – устную, дискурс печатных СМИ – письменную, а Интернет является синтетической формой. Однако их тексты преследуют общую цель, которая обуславливается комплексом функций, выполняемых средствами массовой информации. Современные СМИ в XXI веке уже не столько информируют и развлекают, сколько направляют взаимодействие индивида с действительностью, например, формируют общественное мнение. Таким образом, интенциональная база дискурса СМИ – формирование определённых установок у аудитории [6].

Е. А. Кожемякин в своих работах отмечает, что одной из задач изучения медиадискурса является определение степени предвзятости медиатекстов, масштаба их включённости в какой-либо (профессиональный, идеологический, политический и т. д.) контекст, а также в совместное конструирование смыслов аудитории, журналистов, специалистов по рекламе и прочих участников массовой коммуникации [11]. Авторы текстов подавляющего боль-

¹ Дискурс [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь : [сайт]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 02.07.2018).

шинства жанров СМИ интерпретирует информацию при её подаче. Поэтому и сами представления создателей текстов (журналистов, в том числе репортёров, комментаторов, обозревателей) о важности той или иной темы могут быть предметом дискурс-анализа. Не отрицается, что «профессиональный выбор» тем для материала и их иерархизация определяются не только ориентацией на потребности аудитории, но и представлениями журналиста о социальной реальности, его миропониманием в целом [12].

Ещё одна интересная точка зрения на процесс создания медиатекстов принадлежит Н. А. Ахмедли, исследовавшему особенности культуры речи представителей СМИ. Рассматривая речь журналиста как результат процесса говорения или писания (в виде газетно-журнальных публикаций, аудио- и аудиовизуальных материалов), он даёт ей собственную дефиницию. «Речь – это объект восприятия, состоящий из диалектического единства мысли и языковых единиц, необходимых для выражения данной мысли»: $P = M + Я$ (P – речь, M – мысль, $Я$ – язык) [1, с. 234]. При этом, с журналистской точки зрения, слово «речь» здесь следует понимать как публикацию в прессе, радио- и телепередачу, а «мысль» – это факты, составляющие основу журналистского произведения. Также Н. А. Ахмедли отмечает, что традиционного выделения устной и письменной формы выражения мысли в современных условиях недостаточно, т. к. «язык периодической печати состоит из видимых слов, иллюстраций и элементов оформления издания; язык радио – из звучащих слов, шумовых эффектов, музыки; язык теле-

видения – из слышимых слов, видимых изображений, музыки, шумовых эффектов и ряда других элементов (ракурса, монтажа и т. д.)» [1, с. 234]. Безусловно, имеется в виду поликодовость (креолизация) этих текстов [например: 15, с. 58–61]. В связи с этим приведённую ранее формулу речи ($P = M + Я$) можно конкретизировать для каждого вида СМИ.

Печатные СМИ: $BP = M + BЯ$, где BP – визуальная речь, M – мысль т. е. факты, составляющие основу публикации), $BЯ$ – визуальный язык.

Радио: $AP = M + AЯ$, где AP – аудиоречь, M – мысли (факты, составляющие основу радиопередач), $AЯ$ – аудиоязык.

Телевидение: $ABP = M + ABЯ$, где ABP – аудиовизуальная речь, M – мысль (факты, содержащиеся в телепередачах и кинохронике), $ABЯ$ – аудиовизуальный язык [ср.: 1].

Аудиовизуальный язык (термин впервые введён Э. Г. Багировым [2]) включает в себя синтез элементов:

- 1) слова (в том числе оттенки аудиоязыка, а также жесты и мимику говорящих);
- 2) изображения (с учётом плана, ракурса, монтажа и т. д.);
- 3) музыка и шумовые эффекты.

Важно комплексное осмысление этих элементов, т. к. именно благодаря использованию слова в сочетании с изображением возрастает роль телевидения как средства массовой информации [9].

В рамках данного исследования мы обратили внимание на авторский стиль *Андрея Доброва*, автора и ведущего информационно-аналитической

программы «Добров в эфире» на РЕН ТВ¹.

Первый выпуск программы «Добров в эфире» вышел 7 сентября 2014. Этот проект с ярко выраженной индивидуально-авторской позицией был создан для заполнения ниши еженедельных итоговых информационно-аналитических выпусков на канале.

Ирина Варламова (генеральный директор РЕН ТВ 2013–2015 гг.) так прокомментировала назначение А. Доброва: «Наряду с неизменной иронией, основной чертой профессиональной манеры Андрея как телеведущего является его удивительная способность

¹ Андрей Станиславович Добров (28 февраля 1969, Москва) – советский и российский журналист и телеведущий, публицист, колумнист. За позицию по войне на востоке Украины и присоединению Крыма к России был включён украинским Нацсоветом по телевидению и радиовещанию в санкционный список, переданный СБУ. В течение карьеры А. Добров был удостоен ряда профессиональных премий (См. подробнее: Добров, Андрей Станиславович [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Добров,_Андрей_Станиславович (дата обращения: 02.07.2018)).

Помимо журналистской деятельности, Добров также проявлял интерес к политехнологиям и работал в крупнейших партиях России, сотрудничал с известными политиками: «Я работал в “Единой России” 7 месяцев. Приблизительно столько же в 1999 г. я был советником у Немцова. Ездил с Жириновским в его агитационные туры, знаком с Зюгановым, делал интервью с Мироновым. С удовольствием бы поработал и с “Правым делом”. Человеку, который занимается политической журналистикой, полезно оказаться внутри крупнейших политических сил страны и увидеть, что и как происходит. Я же людям рассказываю об этом и должен быть компетентен» (См. подробнее: Сабурова О. Андрей Добров: «Я не подписываю Осокина!» [Электронный ресурс] // Собеседник.RU : [сайт]. URL: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/andrei-dobrov-ya-ne-podsizhivayu-osokina> (дата обращения: 02.07.2018)).

рассказать сложные, порой запутанные события доступным языком. Как говорит он сам, написать коротко – это очень сложно, а преподнести зрителям аналитику непростых новостей как российского, так и мирового уровня – непростая проверка на профессионализм и опытность»².

Постепенно наращивая аудиторию, программа «Добров в эфире» в феврале 2015 г. вошла в топ-4 итоговых передач по России³.

Первостепенное задание журналиста – выработка умения заинтересовать аудиторию посредством слова, что требует, как мы уже отмечали ранее, развития индивидуального стиля, а вместе с ним и формирования индивидуальных маркёров, которые бы смогли служить показателями своеобразия [19]. К таким характерным маркёрам можно отнести традиционное приветствие Андрея Доброва: *«Доброй ночи! Все самые важные события прошедшей недели с точки зрения нормального человека. Я – Андрей Добров. Смотрите сегодня...»*. А также завершающее каждый эфир фразовое единство: *«На этом всё. В следующий раз мы опять покажем вам, как всё происходило на самом деле с точки зрения нормального человека. Я – Андрей Добров»*.

Журналист, определённо говоря, обладает оригинальной речевой ма-

² «ДоброВэфире»: итоги недели с Андреем Добровым на РЕН ТВ // Тюменская Интернет-газета «Вслух.ru». URL: <http://www.vsluh.ru/news/society/285356> (дата обращения: 02.07.2018).

³ Программа «Добров в эфире» вошла в ТОП-4 итоговых передач по России [Электронный ресурс] // РЕН ТВ : [сайт]. URL: <http://ren.tv/novosti/2015-02-19/programma-dobrov-v-efire-voshla-v-top-4-itogovyh-peredach-po-rossii> (дата обращения: 02.07.2018).

нерой изложения. К характерным средствам метаязыковой рефлексии, используемым Добровым, можно отнести:

1) прецедентные феномены, претерпевшие экспрессивно-образную трансформацию, «обыгранные» Андреем Добровым:

Блок в помощь: на Украине создают новую армию с бандеровской идеологией и натовским вооружением¹ [Выпуск 7 от 19.10.2014] (ср.: Бог в помощь);

Право рубля! [Выпуск 15 от 21.12.2014] (ср.: Право руля);

Украинский вопрос сильно испортил некоторых москвичей [Выпуск 22 от 15.03.2015] (аллюзия на булгаковское, ставшее крылатым выражение);

О том, как местные чиновники **смех и радость приносят людям**, и почему от этого становится не смешно, а грустно – в материале Александра Самохвалова [Выпуск 25 от 05.04.2015] (см.: «Песенка друзей» из м/ф «Бременские музыканты»²);

В столице Украины самым популярным блюдом для несогласных стала **пуля по-киевски** [Выпуск 27 от 19.04.2015] (ср. кулинарный термин: котлета по-киевски);

2) метафорические обороты:

Санкции, атака на экономику России вскрыли те, я бы сказал, **омертвевшие пролежни**, которые в тучные годы просто традиционно старались не замечать [Выпуск 15 от 21.12.2014];

Даже Меркель со всем её авторитетом и экономической мощью Германии становится **перегоревшим предохранителем** [Выпуск 20 от 15.02.2015];

Ворозить над ценными бумагами, отслеживать **полёт курса доллара** или рассматривать **дымящиеся внутренности рынка акций** оказалось просто бессмысленно [Выпуск 42 от 25.10.2015];

3) книжные вводные слова и обороты, не являющиеся частотными в узусе, СМИ и создающие узнаваемый, оригинальный в оформлении модальных аспектов высказывания речевой облик ведущего программы при их использовании:

А покупатель уже прочно подсел на импортное, считая его, **апприори**, более качественным [Выпуск 12 от 30.11.2014];

Апприори понятно, что Украине просто нечем платить за российский газ [Выпуск 21 от 01.03.2015];

Мы-то **апприори** считаем Турцию страной ну если не восточно-европейской, но близкой к этому [Выпуск 59 от 06.03.2016]. **Апприори** – лат. *a priori* «из предшествующего».

Поэтому нынешнее ослабление российской экономики, вызванное спекуляциями на нефти, Обама **ничтоже сумняшеся** приписал своим санкциям [Выпуск 52 от 17.01.2015];

А вот Саудовская Аравия **ничтоже сумняшеся** начала военную операцию в соседнем Йемене после того, как тамошние революционеры захватили власть и заставили президента страны Абда-Раббу Мансура Хади – «Януковича», ну как бы так образно, бежать в Египет [Выпуск 24 от 29.03.2015]. Фразеологизм **ничтоже сумняшеся**

¹ Здесь и далее ссылка на выпуски программы, см.: Добров в эфире [Электронный ресурс] // РЕН ТВ : [сайт]. URL: <http://ren.tv/proekti/dobrov-v-efire> (дата обращения: 02.07.2018).

² Энтин Ю. Песенка друзей // Детский портал «Солнышко». URL: https://solnet.ee/sol/003/p_004 (дата обращения: 02.07.2018).

(сумняся) – «ничуть не сомневаясь» (из церк.-слав. яз., ирон.).

Однако в речи А. Доброва нас привлекли другие индивидуальные маркёры. Его авторский стиль дифференцирован использованием индивидуально-авторских неологизмов: *четвёртая могилизация* [Выпуск 18 от 01.02.2015]. Можно подчеркнуть индивидуально-стилистическую роль композитных окказионализмов с «выпуклой» внутренней формой, обеспечивающей ироническое их восприятие. Например:

Рублепад [Выпуск 9 от 9.11.2014];

Меркель стала настоящим лидером Евросоюза, превращающегося всё более в четвёртый меркельрейх [Выпуск 9 от 9.11.2014];

Фальшивохудожники: почему европейский аукционные дома старательно не замечают, что большая часть продаваемых ими произведений искусств из России имеет криминальную историю? [Выпуск 32 от 07.06.2015];

Вся эта странная германо-турецкая беженцезагогулина возмутила остальных европейских участников Евросоюза, потому что они наивно думали, что, заплатив 3 миллиарда евро, просто забудут о беженцах [Выпуск 60 от 13.03.2016].

Примечательны у Доброва и примеры авторских композитов-неологизмов, перекликающиеся с выделенными нами в предыдущих работах актуальной периода экономических санкций 2014–2017 гг. *импортзамещение* [14]:

Второй губернатор за полгода – это быстрый темп губернаторозамещения [Выпуск 37 от 20.09.2015];

Российские горожане занялись магазинозамещением – каковы виды на урожай балконных помидоров? [Выпуск 79 от 16.10.2016].

Итак, ЯЛ выступает транслятором языковой картины мира, в журналистике характеризующейся острой актуальностью, что реализуется через её речевое поведение и коммуникационную культуру. Журналисты (ведущие, редакторы, авторы и др.) как особый, информационно-медийный, тип языковой личности всё чаще становятся актуализаторами обновляющейся в силу экстралингвистических причин речевой нормы, источниками расширения современного лексикона – творцами неологизмов, инициаторами использования различных креативных языковых модификаций, влияя, таким образом, на формирование языка СМИ и медийного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедли Н. Особенности культуры речи журналиста // Современная филология: материалы международной заочной научной конференции (г. Уфа, апрель 2011). Уфа: Лето, 2011. С. 234–236.
2. Багиров О. Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978. 152 с.
3. Бородько Д. А. Лингвистический статус новостного дискурса // Университетские чтения–2012: материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2012. Ч. IV. С. 14–18.
4. Буров А. А., Бурова Г. П. Два этюда о языке современной журналистики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 221–225.

5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Виноградова С. А. Медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). Ч. 1. С. 46.
7. Власян Г. Р. Экспансия разговорности в современных средствах массовой информации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 21 (312). Вып. 80. С. 108–111.
8. Воеводин Ф. С. К вопросу о специфике языковой личности журналиста // Университетские чтения – 2016 (г. Пятигорск, 14–15 января 2016). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. С. 81–86.
9. Граудина Л. К., Ширяева Е. Н. Культура русской речи: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. 560 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №12 (83). Вып. 6. С. 13–21.
12. Кожемякин Е. А. Медиадискурс // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. 2010. Вып. 2. Т. 1. С. 72–80. URL: http://discourseanalysis.org/ada2_1.pdf (дата обращения: 02.07.2018).
13. Мясникова Л. В. Общая характеристика дискурса СМИ [Электронный ресурс] // JourClub : [сайт]. URL: <http://www.jourclub.ru/24/1522/> (дата обращения: 02.07.2018).
14. Тарасова М. С. Актуальная лексика периода экономических санкций 2014–2017 гг. «Импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации // Политическая лингвистика. 2018. № 3(69). С. 76–83.
15. Текст остаётся текстом? (Круглый стол) / Лошаков А. Г., Папуша И. С., Беглова Е. И., Бойцова О. Ю., Ширинянц А. А., Гуторов В. А., Халикова Н. В., Симашко Т. В., Швецова В. М., Герасименко Н. А., Шаповалова Т. Е., Акулова А. А., Муратова Е. Ю., Артамонова Ю. Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 02.07.2018).
16. Уварова Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 47–54.
17. Хлупина М. А. Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 255 с.
18. Художественно-образное и научное (научно-историческое) постижение действительности: проблема соотношения (Круглый стол) / Смоленский Н. И., Песоцкий В. А., Алпатова Т. А., Халикова Н. В., Леденёва В. В., Ларионов А. Э., Багдасарян В. Э., Бруз В. В. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 31–37.
19. Черныш О. А. Языковая личность журналиста сквозь призму коллективного и индивидуального языкового сознания // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XXVIII международной научно-практической конференции (Новосибирск, 30 сентября 2013). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2013. № 9(28). С. 53–58.

REFERENCES

1. Akhmedli N. [Features of speech culture of a journalist]. In: *Sovremennaya filologiya: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* (g. Ufa, april' 2011) [Modern Philology: materials of international correspondence scientific conference (Ufa, April 2011)]. Ufa, Leto Publ., 2011. pp. 234–236.
2. Bagirov O. G. *Ocherki teorii televideniya* [Essays on the theory of television]. Moscow, Iskustvo Publ., 1978. 152 p.
3. Borod'ko D. A. [The linguistic status of news discourse]. In: *Universitetskie chteniya–2012: materialy nauchno-metodicheskikh chtenii Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [University readings-2012: materials of scientific and methodical readings of Pyatigorsk State Linguistic University]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2012. Vol. IV. pp. 14–18.
4. Burov A. A., Burova G. P. [Two studies about the language of the modern journalism]. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 2011, no. 4, pp. 221–225.
5. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, Logos Publ., 2003. 280 p.
6. Vinogradova S. A. [The media discourse as a communicative phenomenon with the manipulative potential]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2010, no. 4 (23), iss. 1, pp. 46.
7. Vlasyan G. R. [Expansion of Conversational Style in the Media]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskuststvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. History of Art], 2013, no. 21 (312), iss. 80, pp. 108–111.
8. Voevodin F. S. [To the question about the specifics of the language personality of the journalist]. In: *Universitetskie chteniya (Pyatigorsk, 14–15 yanvarya 2016)* [University reading (Pyatigorsk, January 14–15, 2016)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2016. pp. 81–86.
9. Graudina L. K., Shiryayeva E. N. *Kul'tura russkoi rechi* [Culture of the Russian speech]. Moscow, NORMA-INFRA Publ., 1999. 560 p.
10. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'*. [Russian language and language personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
11. Kozhemyakin E. A. [Mass communication and media discourse: to the methodology of research]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences], 2010, no. 12 (83), iss. 6, pp. 13–21.
12. Kozhemyakin E. A. [The media discourse]. In: *Sovremenniy diskurs-analiz. Elektronnyy jurnal* [Modern Discourse Analysis. Electronic Journal], 2010, no. 2, vol. 1, pp. 72–80. Available at: http://discourseanalysis.org/ada2_1.pdf (accessed: 02.07.2018).
13. Myasnikova L. V. [General characteristics of the mass media discourse]. In: *JourClub*. Available at: <http://www.jourclub.ru/24/1522/> (accessed: 02.07.2018).
14. Tarasova M. S. [Essential lexis of the period of economic sanctions of 2014-2017. “Import-substitutional”: semantics, usage, connotations]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2018, no. 3(69), pp. 76–83.
15. Loshakov A. G., Papusha I. S., Beglova E. I., Boitsova O. Yu., Shirinyants A. A., Gutorov V. A., Khalikova N. V., Simashko T. V., Shvetsova V. M., Gerasimenko N. A., Shapovalova T. E., Akulova A. A., Muratova E. Yu., Artamonova Yu. D. [Does a text keep being a text? (Round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017, no. 2. Available at: <http://evestnik-mgou.ru> (accessed: 02.07.2018).

16. Uvarova E. A. [Mediatext and mediadiscourse: the problem of their correlation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 5, pp. 47–54.
17. Khlupina M. A. *Osobennosti yazykovoï lichnosti S. D. Dovlatova: dis. ... kand. filol. nauk* [Peculiarities of language personality of S. Dovlatov: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2014. 255 p.
18. Smolenskii N. I., Pesotskii V. A., Alpatova T. A., Khalikova N. V., Ledeneva V. V., Larionov A. E., Bagdasaryan V. E., Bruz V. V. [Artistic creative and scientific (scientific and historical) understanding of reality: the problem of correlation (Round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 4, pp. 31–37.
19. Chernysh O. A. [Language personality of the journalist through the prism of collective and individual language consciousness]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statei po materialam XXVIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novosibirsk, 30 sentyabrya 2013)* [In the world of science and art: questions of philology, art criticism and culturology: a collection of articles on the materials of the 28th International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, September 30, 2013)]. Novosibirsk, Sibirskaya akademicheskaya kniga Publ., 2013, no. 9(28), pp. 53–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Марианна Сергеевна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mariannatarasova@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marianna S. Tarasova – postgraduate student at the Department of the Slavic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: mariannatarasova@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тарасова М. С. Роль языковой личности в дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 41–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-41-50

FOR CITATION

Tarasova M. S. The role of language personality in media discourse. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 41–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-41-50

УДК 8.81.26

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-51-59

СЕМАНТИКА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВМ ОТКУДА И ГЛАГОЛАМИ БРАТЬ / ВЗЯТЬ, БРАТЬСЯ / ВЗЯТЬСЯ

Чжан Юэ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросительным предложениям с местоименным наречием *откуда*, которые употребляются не в пространственном значении. В первую очередь это касается предложений с предикатами *брать / взять, браться / взяться*, в которых *откуда* может указывать на источник информации, способ осуществления ситуации или её причину. В статье подробно рассматриваются особенности сочетаемости данных предложений с разными типами существительных и устанавливается связь между значением существительного и семантикой вопроса.

Ключевые слова: вопросительное предложение, вопросительное местоименное наречие, семантика вопросительного слова, пропозициональное содержание предложения, лексический состав вопросительного предложения.

THE SEMANTICS OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH THE QUESTION WORD ОТКУДА AND VERBS БРАТЬ / ВЗЯТЬ, БРАТЬСЯ / ВЗЯТЬСЯ

Yue Zhang

Moscow State Pedagogical University
1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation

Abstract. Interrogative sentences with the question adverb *откуда* are frequently used both in spacial meanings and in non-spacial contexts. The expressive potential of this interrogative pronoun especially shows itself in the structures with verbs *брать / взять* and *браться / взяться*. These structures convey different meanings, such as source of information, methods of situation realization, as well as its reason. The main purpose of this study is to analyze semantic specialities of these verbs in combination with different classes of nouns in an interrogative sentence with pronoun *откуда* and to demonstrate the connection between meaning of nouns and meaning of the whole interrogative sentence.

Keywords: Interrogative sentence, interrogative adverb, semantics of interrogative pronoun, propositional content of sentence, lexical composition of interrogative sentences.

Местоименное наречие *откуда* употребляется, прежде всего, в вопросительных предложениях с пространственным значением, т. е. в вопросительных предложениях о перемещении, местонахождении субъекта / объекта (о таких предложениях см., в частности, [8–10]), например:

(1) – *Откуда* письмо-то? – Известно, откуда. С родины героя (А. Волос)¹.

Однако примеры показывают, что вопросительные предложения со словом *откуда* могут употребляться и в разных других значениях (о семантике вопросительных предложений см., например, [1; 4; 7; 12]). Особенно интересно ведут себя вопросительные предложения, в которых *откуда* сочетается с предикатами *взять / брать* или *взяться / братья*: *Откуда ты взял, что...? Откуда берутся деньги?* и под.

С предикатами *взять / брать* или *взяться / братья* сочетается также местоименное наречие *где*. Например:

(2) – *Где ананасы брали?* – На Арбате (Б. Поздняков).

(3) – *А где можно взять свечи, чтобы их поставить в храме?* (А. Данилова).

(4) – *А где же эти картины берутся?* (Л. Карелин).

Однако вопросительные предложения с *где* отличаются по своей семантике от вопросительных предложений с *откуда*. *Где*-вопросы направлены на выявление начального пункта перемещения конкретного предмета. В примере (2) говорящий задаёт вопрос для того, чтобы узнать, где продаются ананасы, откуда адресат их сюда принёс, т. е. о бывшем местонахождении предмета. В (3) и (4) говорящий пытается узнать, где находятся нужные ему предметы.

В данных примерах слово *где* нельзя заменить словом *откуда*, так как *откуда* в сочетании с глаголами *взять / брать* или *взяться / братья*, в

отличие от *где*, не употребляется в прямом пространственном значении – это слово используется при указании на источник информации, способ достижения определённого результата или причину возникновения ситуации.

В вопросительных предложениях со словом *откуда* в сочетании с *взять / брать* и *взяться / братья* может реализоваться валентность источника информации:

(5) – *Откуда вы брали цифры?* – Только из официальных источников: из выступлений вице-премьеров, советника президента Андрея Илларионова, из отчётов российско-чеченских комиссий (...) (Е. Игнатова).

(6) – Не буду, Кира Петровна. Не буду я здоровой. Я до сих пор не признавалась: рак у меня. – *Откуда вы взяли?* Кто сказал? (Такого обычно больным не говорят.) – Да что, я сама не понимаю? По врачам сообразила. Да ещё по облучению (И. Грекова).

(7) *Откуда взялось утверждение, что дизельгенераторы заливались водой?* Вроде официально это не заявлялось, да и на снимках не видно присутствия цунами на промплощадке (коллективный. Форум).

В (5) источником цифр являются конкретные выступления, отчёты. В (6) говорящий считает, что какой-то человек мог передать адресату информацию о состоянии его здоровья. В (7) говорящий сомневается, что есть официальное заявление, которое может быть источником утверждения, что дизельгенераторы заливались водой. В этих примерах *откуда* реализует валентность источника информации.

При этом валентность источника информации может быть как у предиката знания, так и у предиката мнения.

¹ Все использованные в статье примеры взяты из Национального корпуса русского языка (URL: <http://www.ruscorpora.ru/>).

Знание и мнение отличаются друг от друга наличием / отсутствием истинности: «В случае знания имеет место истинная оценка, в случае мнения – вероятная ... Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел, но и выражение уверенности ... Мнение, напротив легко соединяется с выражением уверенности, неуверенности и с указанием на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел» [5]. В соответствии с данным критерием в (5) речь идёт о знании, потому что эти цифры не подвергаются сомнению, а (6) и (7) – о мнении.

У мнения может быть как источник – кто передаёт, от кого говорящий слышит то или иное мнение, так и основание – причина так считать. Ср.:

(8) – *Помнишь, ты говорил про завещание? Про то, что мой отец завещал деньги Ольге?* – Ну, помню... – *Так вот – откуда ты это взял? Он неожиданно повернулся и уставился на меня с любопытством. – Оттуда... Мне сказали... А что, неправда?* (В. Беловусова).

(9) – *Я узнал, что вчера он разговаривал с вами. ...* – Ну а почему это вас так интересует? – *Моя фамилия Ганка. Доктор Ганка. ...* – Ну и что же? – *Что такое он велел вам передать мне?* – *Вы очень беспокоитесь, доктор, – сказал Курт, не сводя с него глаз. – Откуда вы, например, взяли, что он велел что-то передать вам? Верно, профессор звал меня, но совершенно по другим делам* (Ю. Домбровский).

В обоих случаях речь идёт о мнении. В (8) ответ адресата показывает, что вопрос ... *откуда ты это взял?* направлен на выявление источника мнения: «кто тебе сказал об этом?». В (9) доктор знает, что был какой-то разговор, и предполагает, что у говорящего есть что ему передать. Высказывание *Откуда вы, например, взяли, что он велел что-то передать вам?* должно пониматься как «почему вы считаете, что он велел что-то передать вам?», т. е. как вопрос о причине, основании мнения адресата, а не об источнике.

Ср. также выражение основания мнения при сочетании слова *откуда* с предикатом *знать*:

(10) *Есть связь внутреннего и внешнего? Конечно есть. Откуда ещё о человеке **знать**, как не по жестам, мимике, словам, строению тела?* (В. Биbihин).

Жесты, мимика, слова, строение тела и пр., по мнению говорящего, отражают внутренний мир человека, т. е. могут служить основанием мнения о нём.

Обратимся теперь к примерам, в которых речь идёт о способе достижения результата, т. е. об образе действий, приёме осуществления чего-либо¹:

(11) «*Откуда же берётся это молоко, – спросите вы, – ведь у птиц нет молочных желёз?*» *Давайте разберёмся. Беспомощных птенцов родители кормят из клюва в клюв так называемым голубиным молочком. Съеденный корм – зёрна, травинки, пищевые отходы – попадает непережёванным в зоб, своего рода накопитель пищи, где идёт её подготовка к перевариванию* (Н. Обухова).

¹ См. толкование слова *способ* в: Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. С. 230.

(12) *Ступня ужасная. Ногти покрыты жёлто-серым грибком. Косточка выпирает. Откуда могут взяться мозоли у человека, который двадцать лет ничего, кроме домашних тапочек, не носит?* (Л. Улицкая).

(13) Горбачёв спросил: – *Откуда металл будете брать?* – У нас будет металлургия. – *Посмотрите-ка, ещё и металлургия.* – *Не только металлургия, мы ещё и химическое производство разовьём* (Ж. Батмунх).

(14) – *Откуда, помимо членских взносов, Союз намерен брать средства?* – *Ни от области, ни от города инвестиций мы не ждём* (М. Песин).

(15) – *Откуда же у них деньги берутся, Илья?* – *слегка подзадоривал Павел Алексеевич Гольдберга, и тот мгновенно клевал: – Колонии, Паша, английские колонии, империализм и чудовищная эксплуатация* (К. Букша).

В этих примерах, как и в примерах со словом *где*, глаголы *взять / брать* и *взяться / браться* сочетаются с предметными существительными. Данные высказывания направлены на выяснение способа, каким предмет появляется у субъекта. В (11) автор объясняет, как образуется голубиное молоко из съеденного корма; в (12) говорящий интересуется, как мозоли появляются у человека, который всё время носит только тапочки; в (13) в ответ на вопрос *Откуда металл будете брать?* собеседник предлагает самостоятельно развивать металлургию и химическое производство, т. е. вместо конкретного места добычи металла указывает на способ самостоятельно его производить; в (14) говорящий задумывается о том, откуда можно взять нужные средства, и предлагает несколько вариантов: из членских взносов, из области,

из города инвестиций, т. е. речь идёт о том, что надо делать, чтобы достать средства; в (15) говорящий спрашивает, каким образом можно взять деньги.

Помимо предметных существительных (см. приведённые выше примеры), вопросительные предложения с *откуда* и глаголами *взять / брать* или *взяться / браться* могут сочетаться с именами лиц:

(16) *Откуда взялся губернатор, который не может решить проблемы в том или ином регионе? Его президент назначил!* (И. Нагорных, И. Булавинов, А. Вешняков).

(17) *Голубчик, да откуда же я тебе его возьму, работника-то? Наркомпрос никого не даёт, а так с улицы взять тоже боязно* (Ю. Домбровский).

В (16) в ответе на свой вопрос говорящий описывает способ избрания чиновника: такого губернатора назначил президент. В контексте (17) говорящий поднимает вопрос о том, как нанимать работников.

Вопросительные предложения с *откуда* и глаголами *взять / брать* или *взяться / браться* могут сочетаться также с разными абстрактными существительными. Такие существительные могут обозначать как динамические и статические явления, так и качества и свойства (по классификации предикатов Т. В. Булыгиной, см. [2]).

В приведённых ниже примерах речь идёт о динамических явлениях:

(18) *Вероятно, кооперация – самостоятельный эволюционный фактор, действующий наравне с естественным отбором. Дарвин объяснил, как возникает и работает естественный отбор. Но откуда берётся кооперация – вопрос открытый* (А. Рубцов).

(19) – *А откуда вы будете брать финансирование на развитие производств?* – Дело не в финансах, а в экономической политике, проводимой правительством. Наши финансовый ресурс позволяет утроить объём инвестиций (И. Гордиенко).

В (18) ставится вопрос о том, как возникает и работает кооперация. В (19) спрашивающий интересуется, как достать нужные ресурсы, т. е. способом финансирования (см. аналогичные примеры (14), (15), (26) с предметными существительными).

В следующих примерах существительные обозначают статические явления:

(20) *Вот если бы я, к примеру, должна была готовить уроки только по литературе, я бы могла их готовить круглые сутки и отвечала бы всегда на пятёрки. Потому что я занималась бы любимым делом! Но геометрия, физика, химия... Откуда возьмёшь столько терпения? И зачем заставлять людей заниматься тем, что им никогда в жизни не пригодится, что им неприятно и даже противно?!* (А. Алексин).

(21) – *Лучше бы спали, чем с думами разговаривать. Сон лучше всякого лекарства. – Да откуда его взять? Укол не укол, таблетка не таблетка, не идёт ко мне сон* (И. Грекова).

Высказывание *Откуда возьмёшь столько терпения?* свидетельствует о том, что говорящий не знает, каким образом можно развить в себе терпение. В (21) говорящий страдает бессонницей и ищет способ с ней бороться: сделать укол или принимать таблетки.

Кроме существительных, обозначающих явления, динамические и статические, вопросительные предложения с глаголами *взять / брать* или *взять-*

ся / браться сочетаются и с рядом абстрактных существительных, называющих качества, свойства, умения или привычки человека и т. д., т. е. то, что не подвергается изменению во времени и существует независимо от него [2, с. 51, 112]. Например:

(22) – *А ты кра-а-а-сивая-я-я... – Илья, я поехала. Вера спит. – И откуда такая красота берётся?* – улыбался Илья (М. Трауб).

(23) – *Только для такого жизненного опыта нужно прожить лет сто и завести совершенно необъяснимые знакомства. Вот мне и интересно, откуда он берётся, этот опыт?* – Вырастешь – узнаешь (М. Петросян).

(24) *Чтоб шагнуть дальше, надо было обладать не только материальной, но ещё и теоретической истиной, а откуда мог взять её Кастанье?* (Ю. Домбровский).

(25) *Как атеисты обходятся без смысла жизни? А если не обходятся – откуда его берут? И откуда берут мораль?* Как узнают, что хорошо и что плохо – у них же нет заповедей! Что они делают, когда им грустно, трудно, страшно? (Н. Холмогорова).

Высказывание (22) *И откуда такая красота берётся?* означает, что говорящий не понимает, как становятся такими красивыми. В (23) говорящий задаётся вопросом, каким образом человек приобретает жизненный опыт. В (24) говорится о способе обретения теоретической истины. В (25) ставится вопрос о том, как атеисты узнают о смысле жизни и о морали.

Итак, при реализации валентности способа глаголов *взять / брать* и *взяться / браться* могут сочетаться с абстрактными существительными, называющие как вневременные характе-

ристики, так и динамические / статические явления.

Особый интерес представляет употребление *откуда* с предикатами *брать / взять* и *браться / взяться* в риторических вопросах. См.:

(26) – Собак там было, чтобы не со-
врать, штук триста. – Породистые? –
снова спросил отец. – Ну, породистые!
Откуда они там возьмутся! Там вся-
кий сброд. Дворяниги! Их по всему городу
ловили, а потом секретным порядком
нам доставляли (Ю. Домбровский).

(27) Ей бинтовали и массировали
ногу, она пыталась преодолеть внезап-
ную хромоту и спотыкалась на ровном
(а **откуда** на корте **может взяться**
неровное?!) месте (Д. Быстров).

Как известно, риторический вопрос представляет собой экспрессивное утверждение противоположного (см., например [3; 6; 11]). В данных примерах в вопросительных предложениях, в которых *откуда* указывает на способ осуществления действия, отрицается наличие такого способа: ситуация никаким способом не может быть осуществлена, следовательно, она невозможна. Так, в высказывании *Откуда они там возьмутся!* говорящий отрицает, что у них может появиться породистая собака, высказывание ... а *откуда на корте может взяться неровное?!* означает, что неровного места нет и быть не может.

Выражение невозможности осуществить действие сближает данные предложения с десемантизированными конструкциями типа *Где там! Куда там!*¹

¹ См. о них, например:

Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособие для русских и иностранцев. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. 96 с.

Следует отметить, что на способ может указывать и слово *где*, см.:

(28) – **Где** ваша компания **берёт** столь значимые **финансовые ресурсы** для инвестиций? – Это те же инструменты, которые используют другие. К ним относятся и собственная прибыль, и банковские кредиты, деньги с рынка долговых инструментов, а также с рынков долгосрочного ссудного капитала (Ли Шуфу).

В ответе на вопрос адресат говорит не о местонахождении денег, а о способах пополнения финансовых ресурсов. В отличие от *откуда*, слово *где* в сочетании с глаголами *взять / брать* или *взяться / браться* употребляется как в прямом пространственном значении, так и при указании на способ достижения определённого результата. Таким образом, *где* имеет более широкий круг употреблений, чем *откуда*.

Кроме того, вопросительные предложения со словом *где* при указании на способ также сочетаются с разными типами существительных:

(29) – Однако мало кто озабочился вопросом, **где же взять** сотни **подготовленных кадров** для столь ответственной работы ... Поиск новых людей – это тренд федеральной власти, – отмечает директор Института общественного проектирования Валерий Фадеев (П. Скоробогатый).

(30) Нужно доказать, что моя мать – еврейка, но **где же взять доказательства?** Бабушка моя ходила в синагогу, но попробуй докажи, что бабушка ходила в синагогу, а не в православный храм... (Д. Шляпентох).

ГДЕ [УЖ] ТАМ, ГДЕ [УЖ] ТУТ // Словарь структурных слов русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. С. 87.

(31) Мои друзья говорили воспитателям, что всех этих детей с замедленным умственным развитием можно вылечить простым лекарством: родительской **любовью** и **лаской**. «Где же **взять** для всех наших больных деток столько этого «**лекарства**»?» – грустно отвечали им воспитатели (А. Калиниченко).

(32) Как закончить мне письмо? **Где взять силы**, сынок? Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе? Целую тебя, твои глаза, твой лоб, волосы (В. Гроссман).

В (29) директор заботится о поиске способных кадров, о том, как их готовят и выбирают. В (30) высказывание ... где же **взять** доказательства? означает «как можно это доказать?». В вопросительном предложении (31) Где же **взять** для всех наших больных деток столько этого «**лекарства**»? спрашивается о том, каким образом дети могут получить любовь и ласку. В (32) говорящий не знает, как справиться с силами для прощания со своим сыном.

Как показывают примеры, в вопросительных предложениях со словом *откуда* может реализоваться и валентность причины. В то время как способ имеет отношение к цели (каким образом добиться чего-либо, осуществить что-либо), причина направлена на другой тип связи: как появляется тот или иной результат, как исходная ситуация порождает последующую. См. примеры высказываний о причине:

(33) – **Откуда берётся страх?** ... Ну когда человек дорожит чем-нибудь и его пугают, что вот сейчас придут и заберут, то понятно, чего он пугается. А если он уже ничем не дорожит, тогда что? Тогда почему он боится? (Ю. Домбровский).

(34) ... и тем не менее, вплоть до самой смерти, он продолжал выпускать, одно за другим, послания в пользу унии с Патриархией! Тогда это мне показалось весьма подозрительным: **откуда** у него **брались силы** и **желание**? Ныне же загадка прояснилась. Эти проэмнеишные выступления писали за него протоиереи Лебедев и Перекрестов. Он лишь покорно их подписывал, боясь обнародования компрометирующего материала (А. Зайцев).

(35) Вообще для этих беженцев был характерен мощный энергичный позитив: мы **отстроимся!** **Откуда же берётся** такой **оптимизм**? ... Главное для них – что ты жив. Это основная формула поддержки между беженцами: ты жив, и тебе есть ради кого жить – всё остальное ерунда (Р. Хестанов, В. Галяпина).

(36) **Откуда берётся пыль?** Мы сами являемся основным её источником. Проходя по коврам или паркету, мы истираем в пыль ворс и песчинки, принесённые на ногах с улицы (В. Коляда).

В (33) высказывание направлено на выяснение причины возникновения страха у человека. В (34) говорящий интересуется, как у человека появились силы и желание. В (35) говорящий ищет причину возникновения оптимизма у беженцев. В (36) речь идёт о причине появления пыли (здесь употребляется предметное существительное).

Итак, в вопросительных предложениях, в которых *откуда* сочетается с глаголами *взять* / *брать* или *взяться* / *браться*, может реализоваться валентность источника информации, способа и причины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдикова Е. Л. Вопросительные предложения в русской разговорной речи: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
3. Горелов В. И. О природе риторического вопроса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 4. С. 347–349.
4. Дастамуз С. Русские вопросительные инфинитивные предложения в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
5. Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 6–17.
6. Канафьева А. В. Риторическое высказывание в поэтическом тексте // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Всероссийской научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 64–69.
7. Невольникова С. В. Богатская Е. Ю. Функционально-семантическая роль вопросительных предложений в текстообразовании. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2015. 80 с.
8. Рахилина Е. В. К описанию вопросо-ответного отношения // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1986. № 2. С. 24–28.
9. Рахилина Е. В. Семантика или синтаксис? (к анализу частных вопросов в русском языке). Munchen: Sagner, 1990. 206 с.
10. Рахилина Е. В. Семантика локативных вопросов (вопрос со словом «где») // Проблемы разработки формальной модели языка. М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР, 1988. С. 87–99.
11. Риторика: учебное пособие для бакалавров / Н. А. Абрамова и др.; отв. ред. С. И. Володина. М.: Проспект, 2014. 279 с.
12. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 43–48.

REFERENCES

1. Baidikova E. L. *Voprositel'nye predlozheniya v russkoi razgovornoj rechi: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interrogative sentences in the Russian spoken language: the communicative-pragmatic aspect: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2013. 23 p.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on the Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 576 p.
3. Gorelov V. I. [On the nature of the rhetorical question]. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 1966, vol. 25, iss. 4, pp. 347–349.
4. Dastamuz S. *Russkie voprositel'nye infinitivnye predlozheniya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian infinitive interrogative sentences in communicative-pragmatic aspect: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2013. 24 p.
5. Dmitrovskaya M. A. [Knowledge and opinion: the image of the world, the image of man]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of language. Knowledge and opinion]. Moscow, Nauka Publ., 1988. pp. 6–17.

6. Kanaf'eva A. V. [A rhetorical statement in a poetic text]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of All-Russian scientific conference]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013. pp. 64–69.
7. Nevoľnikova S. V., Bogatskaya E. Yu. *Funktsional'no-semanticheskaya rol' voprositel'nykh predlozhenii v tekstoobrazovanii* [The functional and semantic role of the interrogative sentences in text-formation]. Rostov-on-Don, Don State Technical University Publ., 2015. 80 p.
8. Rakhilina E. V. [To the description of the question-answer relationship]. In: *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Automatic Documentation and Mathematical Linguistics], 1986, no. 2, pp. 24–28.
9. Rakhilina E. V. *Semantika ili sintaksis? (k analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke)* [Semantics or syntax? (to the analysis of particular issues in the Russian language)]. Munchen, Sagner Publ., 1990. 206 p.
10. Rakhilina E. V. [Semantics of locative questions (question with the word «where»)]. In: *Problemy razrabotki formal'noi modeli yazyka* [Problems of development of the formal model of language]. Moscow, Nauchnyi soviet po kompleksnoi probleme «Kibernetika» AN SSSR Publ., 1988. pp. 87–99.
11. Abramova N. A., etc.; Volodina S. I., chief ed. *Ritorika: uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [Rhetoric: a textbook for bachelors]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 279 p.
12. Shapovalova T. E. [The temporal semantics of the pronominal proper interrogative sentences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 1, pp. 43–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжан Юэ – стажёр кафедры русского языка, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yue Zhang – post-graduate student at the Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Юэ. Семантика вопросительных предложений со словом *откуда* и глаголами *брать / взять, браться / взяться* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-51-59

FOR CITATION

Zhang Yue. The semantics of interrogative sentences with the question word *откуда* and verbs *брать / взять, браться / взяться*. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-51-59

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-60-69

«ЮНОШИ, ЮНОШИ ...» Л. Ф. ЗУРОВ И ЕГО РИЖСКИЙ ТОВАРИЩ Д. И. КОТОМКИН (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Громова А. В.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе печатных и архивных материалов из фондов Дома русского зарубежья имени А. Солженицына реконструируется биографическая канва творчества писателя младоэмиграции Леонида Зурова, в частности, его контакты с инженером Дмитрием Котомкиным. Они были участниками гражданской войны, в 1920-е гг. проживали в Риге, впоследствии Зуров по приглашению Бунина переехал во Францию, а Котомкин оказался в Испании. Анализ их переписки позволил восстановить факты биографии этих людей, элементы творческой истории отдельных произведений Зурова и культурной жизни русского зарубежья. Результаты исследования могут быть адресованы как специалистам, так и всем интересующимся русским литературным процессом XX века.

Ключевые слова: русское зарубежье, младоэмиграция, русская литература XX века, эпистолярный.

“YOUNG MEN, YOUNG MEN...” L. ZUROV AND HIS COMPANION IN RIGA D. KOTOMKIN (ON ARCHIVAL MATERIALS)

A. Gromova

Moscow City University

4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article provides an overview of published and archival materials from the collections of Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House. It allowed to reconstruct biographical background of the writer of Russian young emigration Leonid Zurov and his contacts with engineer Dmitry Kotomkin. They participated in the Civil war, lived in Riga in the 1920s. Later

Zurov moved to France at the invitation from Ivan Bunin, Kotomkin found himself in Spain. The analysis of their correspondence allowed to restore the facts of their biographies, as well as details of the creative history of Zurov's works and history of the Russia abroad. The results of the study can be addressed to both philologists and all interested in the Russian literary process of the 20th century.

Keywords: Russia Abroad, "young emigration", Russian Literature of 20th century, epistolary.

Цель статьи – реконструировать на основе архивных документов некоторые факты творческой биографии Леонида Зурова (1902–1971). Его привыкли воспринимать как «второстепенного» прозаика русской эмиграции, а в ещё большей степени – как «персонажа примечаний» к биографии И. А. Бунина, по приглашению которого начинающий писатель в 1929 г. переехал из Риги во Францию. Поэтому одной из первостепенных задач стало формирование объективного представления об этом авторе. В настоящее время, благодаря публикациям И. З. Белобровцевой, Л. Е. Грушиной (Эстония), Р. Дэвиса (Великобритания), А. В. Громовой, А. М. Любомудрова, А.Ю. Пономарева, А.Н. Стрижева, П.А. Трибунского (Россия), Т. Фугаль (Франция), В. Хазана (Израиль), стали известны художественные произведения Зурова и ранее недоступные архивные материалы, началось изучение его жизни, творчества и научной деятельности. В настоящее время основная канва биографии писателя изложена в ряде основательных публикаций [2; 3; 4; 6; 8; 11; 13]¹, одна-

ко многие архивные документы ещё не введены в научный оборот, что составляет актуальную задачу для литературоведов и историков.

Методология исследования обусловлена целью – реконструкцией фактов историко-литературного процесса в русском зарубежье на основе сохранившихся документальных свидетельств. В качестве материала анализа выступают архивные документы из фондов Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а именно – переписка Зурова с его товарищем по рижскому периоду Дмитрием Котомкиным.

Они были участниками гражданской войны, а в 1920-е гг. вместе проживали в Риге [8, с. 628]. Впоследствии Зуров уехал во Францию, а Котомкин оставался в Латвии, где получил диплом инженера, но в 1940 г. переехал в Барселону. В 1930-е г. между друзьями завязалась переписка, которая продолжалась до смерти корреспондентов. Из писем, не очень богатых информацией, тем не менее можно извлечь некоторые сведения, помогающие воссоздать биографии этих личностей и картину политической и культурной жизни в Риге в 1920–1930-е гг.

О Дмитрие Котомкине известно немного. Неизвестен год его рождения, в одном из поздних писем к Зурову, говоря о своём поколении, он упоминает Леонида Нольде (1899–1962) как их «ровесника», из чего можно

¹ См. также: Зуров Л. Ф. Статьи и письма / [Ред.-сост. А. Пономарев]. М.: Наука, 2014. 404 с. (Серия: Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова. Вып. 1); «Только вы поймете следующий текст...»: переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова / сост. И. З. Белобровцева, Е. Н. Андреева. Таллин: Авенариус, 2013. 298 с. (Серия: Балтийский архив. Вып. XIII).

сделать вывод, что Котомкин – «ровесник века», родившийся в интервале между 1899 и 1902 гг. Как и Зуров, он был северозападником: служил добровольцем в пулемётной роте Ливенского отряда и затем в 1-м полку 5-й пехотной (Ливенской) дивизии Северо-Западной армии, отступившей в Эстонию после неудачного похода на Петроград [1, с. 683].

В Риге они сотрудничали с князем А. П. Ливеном в деле обнаружения документов по истории гражданской войны. Зуров в 1925 г. стал секретарём редакционной коллегии «Архива гражданской борьбы с большевизмом» (позднее – «Архив Белое дело»), помогая А. П. Ливену готовить материалы для публикации. На основании работы с архивом Зуров написал несколько очерков. В 1927 г. был напечатан очерк «Даниловы», посвящённый 12-му Темницкому Гренадёрскому полку, написанный на основе хранившихся у него документов, воспоминаний полковника А. Д. Данилова и рассказов участников событий. Другое произведение – «Формирование Северной армии», содержащее историю возникновения армии и отдельных её частей (Псковского, Талабского и Островского полков), – было опубликовано только в 2003 г. [7].

Впоследствии на протяжении многих лет Зуров занимался сбором материалов по истории Северо-Западной армии (в частности, отряда А. П. Ливена, позже переформированного в 5-ю Ливенскую дивизию), включая приказы по армии, рапорты, финансово-хозяйственные документы, дневники и письма офицеров, а также записи устных рассказов бывших северозападников [9]. В итоге был собран боль-

шой корпус документов, которые в настоящее время составляют отдельный архивный фонд (ф. 39) в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына.

Котомкин был сотрудником князя Ливена в течение десяти лет. Его мемуары «Отправка на Северо-Западный фронт» были опубликованы в издании «Памятка Ливенца. 1919–1929» (Рига, 1929). Впоследствии был основан журнал «Служба связи ливенцев и северозападников» (Данциг, 1929–1936), где продолжали публиковаться воспоминания участников гражданской войны.

Зурова архивные документы интересовали не только как память о войне, но и как материал для художественных произведений. Долгие годы он работал над эпопеей о революции «Зимний дворец», основанной на свидетельствах очевидцев. Другие его произведения также опираются на реальные факты.

Так, при написании повести «Кадет» Зуров использовал сохранившийся в его архиве «Дневник пулемётчика Дмитрия Соломина». Зуров писал о нём: «Подаренные мне воспоминания пулемётчика Северо-Западной армии о наступлении на Петербург. Очень цельный дневник, которым я никогда не пользовался» [2, с. 235]. Однако при сопоставлении дневника с повестью Зурова «Кадет» обнаруживаются переклички в именах и характерах персонажей и отдельных деталях, а событийно «Кадет» является как бы предысторией дневника Дмитрия Соломина [12].

Публикаторы «Дневника пулемётчика» высказали предположение, что это – фальсификация, а «автор» – «собирательный образ, созданный Зуровым на основании имеющихся в его распоряжении документов, а также

опубликованных в «Памятке Ливенца» дневников и воспоминаний А. Енша, Г. Цельмина, Д. И. Котомкина» [5, с. 141].

Установить авторство машинописного дневника невозможно, а присутствующая в нём правка касается замены реальных имён на вымышленные и свидетельствует о творческой работе Зурова. Интересно, что упоминаемый в «Дневнике пулемётчика» Степан Заботкин (прототип Степы Субботина в «Кадете») – реальное лицо, ливенец, принимавший участие в боях под Петроградом и опубликовавший в начале 1930-х гг. ряд мемуаров в журнале «Служба связи ливенцев и северозападников» [10]. Главный герой повести Зурова – ярославский кадет Митя Соломин. Котомкин подписывал письма к Зурову «Твой Митя Котомкин». В одном из писем содержится фраза: «как говорили у нас в Ярославле»¹. Данные факты могут служить косвенным указанием на то, что при написании «Кадета» Зуровым использовались факты, сообщённые ему Котомкиным. При этом психологически и нравственно главный герой повести близок самому автору. После выхода книги Зуров неоднократно получал письма читателей, убеждённых в том, что повесть автобиографична, хотя писатель не был кадетом и не жил в Ярославле.

После отъезда Зурова во Францию, с 1929 по 1933 гг., Котомкин часто писал ему (этой части переписки в Москве нет), а в начале сентября 1933 г. навестил его в Грассе. В дневниковой записи В.Н. Буниной от 5 сентября

1933 г. отмечено: «У нас был Котомкин, доморощенный Нат Пинкертон, славный малый, но психопат и нервен до дрожания рук. Лёня был ему рад, но устал и, кажется, понял всю провинциальность того» [8, с. 527].

В Риге Котомкин закончил университет и работал инженером. Он был латвийским подданным, как его жена и дочь; в Риге также жили его родители и сестра. Латвию он покинул незадолго до прихода советских войск. В письме, отправленном Зурову из Барселоны в 1943 г., Котомкин писал про обстоятельства своего отъезда: «Выехал я из Риги 10 марта 1940 г. с женой и Катушкой. Предлагал также ехать отцу, но он наотрез отказался, – мотив – нет нашей церкви в Испании ... Нужно сказать, что когда я уже уезжал, то в Прибалтике уже стояли советские гарнизоны, в Либаве, Виндаве и других городах тоже...»². Оставшийся в Риге отец Котомкина работал управляющим в домах, но с приходом немцев лишился работы, т. к. не знал языка.

В Барселоне дипломированный инженер длительное время жил без работы и без денег. «Жена конечно стала жаловаться своей матери и та несмотря на то что к этому времени товарищи уже Латвию забрали стала сманивать жену предлагая ей бросить всё и приехать домой заверяя её что всё обстоит как нельзя лучше. ... жена забрав Катушку уехала, но застряла в Берлине и оттуда уехала в Позен где живёт-работает и зовёт меня туда приехать»³. Позен – административный округ с цент-

¹ Котомкин Д. Почтовая карточка от 30.03.69 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 99.

² Котомкин Д. Письмо Л. Зурову (б.д.) // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 93.

³ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову (б.д.) // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 93.

ром в Позене (Познани), созданный на территории, оккупированной Третьим рейхом Польши и существовавший с 1939 по 1945 гг. Из последующих писем становится известно, что после войны жена и дочь Котомкина оказались в Австралии.

В Позен к жене Котомкин не смог уехать из-за отсутствия денег. В письмах упоминается, что он 2,5 года сидел без работы, хотя в апреле 1943-го уже работал инженером на фабрике в Барселоне и его письма написаны на именной бумаге "Demetrio Kotomkin ingeniero diplomado Barcelona". Однако доходы были не слишком велики: «А я всё ещё болтаюсь здесь. Работаю. Зарабатываю, – на меня хватает, но не больше»¹.

Зуров постоянно беспокоился о судьбе своих оставшихся в Риге родственников (родной сестры бабушки и её мужа) и пытался узнать о них через своих латвийских друзей. Котомкин отвечает на это из Барселоны в 1943 г.: «Что касается Твоих беспокойств насчёт стариков Левковичей, то скажу тебе так: это вопрос во-первых личного счастья, а во-вторых, я думаю, им угрожает или угрожала опасность голода но никакая другая т. к. всё прошлое не имело никакого значения. Если остались в стороне такие личности как например Борис Павловский – то Ты поймёшь что я прав. Не спорю что мне конечно было бы плохо если бы я остался, но не за 1919 г. а за последующую работу в течение 10 лет в качестве сотрудника князя»². Только

¹ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 26.04.43 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 92.

² Котомкин Д. Письмо Л. Зурову (б.д.) // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 94.

в начале 1956 г. Зуров узнал о гибели Левковичей во время войны. 8 января он писал М.Э. Грин: «В Риге я потерял всех своих. Левковичи умерли» [8, с. 348].

Письма Котомкина пронизывает мотив ностальгии – по Риге и по молодости, утраченному товариществу. В 1943 г. он мечтал вернуться в Ригу и как бывший латвийский подданный просил разрешения в германском министерстве хозяйства. Через Позен он хотел ехать дальше – «в оккупированные области, куда я стремлюсь всей душой, несмотря на всё но, и всю тяжесть тамошней жизни, о которой у меня нет никаких ложных иллюзий, и несмотря на незнание моё немецкого языка ... Не скрою и того, что может быть это будет мой последний этап в жизни, но тем не менее это стремление туда я заглушить никакими здравыми размышлениями не могу»³.

При некоторых отрицательных качествах личности Котомкина, отразившихся в его письмах (антисемитизм, пристрастие к «излишествам»), ему присуща религиозность: он верит в промыслительное значение событий, что «всё исходит от руки Создателя»: «И все мы должны пройти через горнило войны, в этом есть очищение и исходная база для будущего. Для меня несомненно, что если мы /не/ вернёмся к идеалам Серафима Саровского, Кирила Новозерского, то ожидать нам действительно уже больше нечего. Вспоминая мой последний приезд в Париж, мои разговоры с Ливенцами, с Княжной (Сестра А. П. Ливена. – А. Г.)

ницына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 93, об.

³ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову (б.д.) // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 94.

и с Тобой скажу лишь одно: вспомни как я пытался у людей разбудить чувство общности, указывая, что пора проснуться, чтобы подумать, что мы живём накануне войны. Помнишь как все они смотрели на меня как на человека свалившегося с луны и мне кажется единственно кто мне поверил это княжна просто по чуткости женской души»¹.

Повторяющийся мотив писем Котомкина: «Юноши, юноши. Куда идёте, куда заворачиваете» (фраза, услышанная от кого-то в период военной службы?), – отразил его рефлексию по поводу собственной судьбы. «Тянет всё меня куда-то! А вот если спросить куда и зачем, так я пожалуй смогу только сказать: а вот куда глаза глядят, – всё мечту золотую вижу, как мы в 19-м году видели. Глупо конечно это, а всё ещё нет нет думается: настанет же когда-нибудь Воскресение. Смерть то так уродлива что не хочется верить в её реальность. Отсюда желание убежать от действительности и если не убежать так укрыться. А у нас ведь тут даже церкви, – последнего, так сказать, убежища и то нету. Но думаю что я всё-таки уеду отсюда в конце концов. Не хочу лежать под пальмой, – хочу под берёзу»².

В письмах присутствует и элемент зависти к Зурову, сумевшему сохранить связь с родной землёй и с прошлым. Увлечённость Зурова русской стариной нашла отражение в его деятельности: обучаясь в Праге, он по-

сещал лекции на археологическом факультете Карлова университета и научные семинары в Институте имени Н. П. Кондакова; в 1928 г. принял участие в организованной Рижским университетом командировке в Псково-Печерский монастырь; проживая во Франции, серьёзно занимался археолого-этнографической работой и трижды выезжал в экспедиции в Сетумаа (б. Печорский уезд Псковской губернии) от Парижского музея чело- века [3; 13]³. Да и в творчестве Зуров последовательно сохранял верность родной земле, из-за чего прослыл в литературных кругах эмиграции консервативным реалистом и «подражателем» Бунина, хотя именно приверженность русской истории и обусловила уникальность его позиции в русском зарубежье.

По окончании войны Котомкин приезжал в Париж и встречался с Зуровым. Затем в общении наступил перерыв, и следующее письмо от Котомкина пришло в марте 1960 г. по получении им сборника Зурова «Марьянка»: «...Прочёл уже первый рассказ “Марьянка” и действительно вспомнил Тебя, – так вот годы и побежали... Передал Твой привет сестре, а Мать умерла, вот 11 июня 2 года будет. Отец мой тоже умер уже в 48 г. в Риге, я узнал это стороной в 52 г.»⁴.

В дальнейшем переписка сводится к обмену поздравительными открыт-

¹ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову (б.д.) // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 94.

² Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 26.04.1943 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 92.

³ Также см.: Зуров Л. Ф. Статьи и письма / [Ред.-сост. А. Пономарев]. М.: Наука, 2014. 404 с. (Серия: Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова. Вып. 1)

⁴ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 14.03.1960 // Архив ДДом русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 97.

ками, но 1960-е гг. – время оживления общественно-политической жизни в Советском Союзе – вызывает желание обсудить происходящие события. Так, в письме Котомкина от 30 марта 1969 г. после поздравлений с Пасхой и жалоб на здоровье следует резюме: «Видимо пора “дать дуба” как говорили у нас в Ярославле. Жаль, – время то уж очень интересное: кто кому опять же в морду даст. Черкни о своих прогнозах»¹. А 14 апреля 1969 г., видимо отвечая на вопросы Зурова, он пишет о мировых событиях, об СССР, о новинках советской неподцензурной литературы, сообщает, что «В круге первом» А. Солженицына не читал, т. к. в Барселоне нет русских книг, а «Доктор Живаго» есть в переводе на испанский: «Но когда читаешь, то чувствуешь: нет это не то, что хотел сказать Пастернак. Вот ежели какой бульварный роман, так Тебе переведут так, что он даже лучше выйдет. Лучше чем в подлиннике»².

Через Котомкина Зуров стремился узнать о «бывших рижанах» и судьбе ливенского архива, на что получил ответ в письме от 1 мая 1969 г.: «Насчёт ливенского архива скажу что он был закопан по приказанию старшего ли-

венца поручика Юргенберга с согласия и постановления собрания ливенцев, оставшихся в Риге перед первым приходом красных, т. к. их бы выловили. Но несмотря на это их всё же выловили и конечно расстреляли»³.

В мае 1969 г. Котомкин сообщает Зурову о смерти их общего рижского товарища, художника А. С. Толстого, и пишет, что «после истории с Чехословакией» на родину его больше не тянет⁴. На этой горькой ноте эпистолярное общение друзей завершается.

Переписка Зурова с товарищем молодости, с которым его связывали, может быть, наиболее значимые жизненные впечатления – участие в Белом движении, эмиграция, жизнь в Латвии, – хотя и не богата информацией, но содержит сведения, позволяющие по крупицам восстановить отдельные эпизоды жизни Зурова и его рижского окружения, а также биографическую канву его творчества. Если же представленные документы не проясняют до конца факты биографии писателя, то, по крайней мере, побуждают к дальнейшим историко-литературным разысканиям.

¹ Котомкин Д. Почтовая карточка от 30.03.69 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 99.

² Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 14.04.69 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 100, об.

³ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 1.05.69 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 102.

⁴ Котомкин Д. Письмо Л. Зурову от 11.05.69 // Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 103.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая борьба на Северо-Западе России / сост., науч. ред. и комментарии С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. 687 с.
2. Белобровцева И., Дэвис Р. «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Бунина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) / публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 232–284.

3. Белобровцева И.З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 289–307.
4. Громова А.В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова. М.: Московский государственный педагогический университет, 2012. 178 с.
5. Дневник пулемётчика Дмитрия Соломина // Белая гвардия: Альманах. № 7: Белое движение на Северо-Западе России. 2003. С. 141–154.
6. «Душевно Ваша С. Прегель». Переписка С. Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П. А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2015. С. 516–605.
7. Зуров Л. Формирование Северной армии // Белая гвардия. 2003. № 7. С. 17–28.
8. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 3. «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934–1961 / [науч. ред. серии О. А. Коростелев и Р. Дэвис; сост., подгот. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарев и Р. Дэвиса; сопроводит. ст. Е. Р. Пономарева]. М.: Русский путь, 2014. 714 с.
9. Мажара П. Ю. Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о Белом движении на Северо-Западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–238.
10. Мажара П. Ю. Мемуары нижних чинов и солдат Северо-Западной армии как источник по истории гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. Вып. 1. С. 141–145.
11. «Знаю, что вы любите древний Псков...» Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / предисл., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья – 2016. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2016. С. 441–517.
12. Филиппова Н. С. «Дневник пулемётчика Дмитрия Соломина» как документальный источник повести Л. Ф. Зурова «Кадет» // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики: сборник научных статей / сост. И. А. Киселева, Т. А. Алпатова, Ю. Н. Сытина. М.: ИУУ МГОУ, 2013. С. 227–231.
13. Missions du Musée de l'Homme en Estonie: Boris Vildj et Ljionide Zouroff au Setomaa (1937–1938) / Sous la direction de T. Benfougal, O. Fishman, Y. Valk. Paris: Museum national d'histoire naturelle, 2017. 863 p.

REFERENCES

1. Volkov S. V., comp. *Belaya bor'ba na Severo-Zapade Rossii* [White struggle in the North-West of Russia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 687 p.
2. Belobrovtsseva I., Devis R. ["I have a feeling I'm not staying here for long": Correspondence of I. Bunin and G. Kuznetsova with L. Zurov (1928–1929)]. In: *I. A. Bunin: Nove materialy. Vip. I*. [I. Bunin: New Materials. Iss. 1]. Moscow, Russkii Put' Publ., 2004, pp. 232–284.
3. Belobrovtsseva I. Z. [L. Zurov and Estonia]. In: *Russkie v Pribaltike* [Russian in the Baltic States]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2010. pp. 289–307.
4. Gromova A. V., Zakharova V. T. *Zhizn' i tvorchestvo L. F. Zurova* [The life and work of L. Zurov]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2012. 178 p.
5. [Diary of a gunner Dmitry Solomin]. In: *Belaya gvardiya: Al'manakh, No. 7: Beloe dvizhenie na Severo-Zapade Rossii* [White Guard: Almanac. Number 7: White movement in the North-West of Russia], 2003, pp. 141–154.
6. Tribunskii P.A., Hazan V., comp. ["Sincerely Yours S. Pregel". Correspondence S. Pregel with L. Zurov, 1938–1971]. In: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2014/2015* [Yearbook

- of the House of Russia Abroad – 2014/2015]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna Publ., 2015. pp. 516–605.
7. Zurov L. [The formation of the Northern army]. In: *Belaya gvardiya* [White Guard], 2003, no. 7, pp. 17–28.
8. Ponomarev E. R., Devis R., comp. *I. A. Bunin: Novye materialy. Vip 3. «...Kogda perepisывayutsya blizkie lyudi»: Pis'ma I. A. Bunina, V. N. Buninoy, L. F. Zurova k G. N. Kuznetsovoi i M. A. Stepun. 1934–1961* [I. Bunin: New Materials. Iss. 3. “... When close people are corresponding”: Letters by I. Bunin, V. Bunina, L. Zurov to G. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961]. Moscow, Russkii Put' Publ., 2014. 714 p.
9. Mazhara P. Yu. [L. Zurov as a collector of memoirs about the White movement in North-West Russia]. In: *Russkaya literatura* [Russian Studies in Literature], 2013, no. 2, pp. 233–238.
10. Mazhara P. Yu. [The Memoirs of junior officers and soldiers of the North-Western army as a source on the history of the Civil war]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. History], 2013, iss. 1, pp. 141–145.
11. Lubomudrov A. M., ed. [“I know that you love ancient Pskov ...” Correspondence of L. Zurov and V. Malyshev (1957–1971)]. In: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2016* [Yearbook of the House of Russia Abroad – 2016]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna Publ., 2016. pp. 441–517.
12. Filippova N. S. [“Diary of a gunner Dmitry Solomin” as a documentary source for the novel “Cadet” by L. Zurov]. In: Kiseleva I. A., Alpatova T. A., Sytina Yu. N., comp. *Dukhovno-nravstvennyi i esteticheskii potentsial russkoi literaturnoi klassiki: sbornik nauchnykh statei* [Spiritual, moral and aesthetic potential of Russian literary classics: collection of scientific articles]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013. pp. 227–231.
13. Benfougal T., Fishman O., Valk Y., ed. *Missions du Musée de l'Homme en Estonie: Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setomaa (1937–1938)*. Paris, Museum national d'histoire naturelle Publ., 2017. 863 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Громова Алла Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: gromovaav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Gromova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City University;
e-mail: gromovaav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Громова А. В. «Юноши, юноши ...» Л. Ф. Зуров и его рижский товарищ Д. И. Котомкин (по архивным материалам) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 60–69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-60-69

FOR CITATION

Gromova A. V. "Young men, young men ..." L. Zurov and his comparnion in Riga D. Kotomkin (on archival materials). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 60–69.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-60-69

УДК 595.7:821.161.1 Пушкин А. С.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-70-79

МИР НАСЕКОМЫХ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается художественная функция насекомых в творчестве А. С. Пушкина на материале его стихотворений «Послание к Юдину», «Совет», «Ещё дуют холодные ветры...», «Собрание насекомых» и др., романа «Евгений Онегин», некоторых прозаических произведений и писем. Делается вывод, что функция насекомых в его произведениях различна, хотя, как правило, связана с разными ситуациями, картинами и временами года (чаще всего, с весной). Те или иные насекомые употребляются в пушкинской лирике, в «Евгении Онегине» и в других произведениях как в прямом, так и в переносном – ироническом, символическом или метафорическом значении.

Ключевые слова: эпиграмма, божья коровка, паук, жук, букашка, мотылёк, пчела.

THE WORLD OF INSECTS IN A. PUSHKIN'S WORKS

S. Dzhanumov

Moscow City University
4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article discusses the artistic function of insects in A. Pushkin's works on the material of his poems "The Message to Yudin", "Advice", "Cold winds still blow ...", "Collection of insects", etc., the novel "Eugene Onegin", some prose works and letters. It is concluded that the function of insects in his works is different, although, as a rule, it is associated with different situations, pictures and seasons (most often with the spring). Some insects are used in Pushkin's lyrics, in "Eugene Onegin" and in other works both in direct and in figurative-ironic, symbolic or metaphorical meaning.

Keywords: epigram, ladybug, spider, beetle, bug, moth, bee.

Коллекция насекомых в творчестве Пушкина представлена довольно полно и разнообразно. У поэта, как известно, есть даже специальное стихотворение, посвящённое этому вопросу: «Собрание насекомых», напечатанное Пушкиным впервые в альманахе Е. В. Аладына «Подснежник на 1830 год»¹. Указанное стихотворение представляет собою по существу эпиграмму на современных литераторов, которая печаталась Пушкиным с заменой фамилий звёздочками по числу слогов. Эпиграмма, с некоторыми изменениями в тексте по сравнению с первой

© СС BY Джанумов С. А., 2019.

¹ Пушкин А. С. Собрание насекомых // «Подснежник на 1830 год». С. 18–19.

публикацией, перепечатана в «Литературной газете», издаваемой А. А. Дельвигом¹. Напомним текст данного стихотворения с эпиграфом из басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814) («Какие крохотны коровки! / Есть, право, менее булавочной головки»):

*Моё собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот <Глинка> – божия коровка,
Вот <Каченовский> – злой паук,
Вот и <Свиньин> – российский жук,
Вот <Олин><?> – чёрная мурашка,
Вот <Раич><?> – жалкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзённые насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах².*

В других редакциях и вариантах фамилии подставлены по-разному: так, вместо Глинки в стихе 6 встречается фамилия другого литератора – Олин. Но здесь мы не будем приводить все эти черновые варианты, так как не это является предметом изучения настоящей статьи. Добавим только, что в вариантах данного стихотворения встречаются и названия других насекомых: «мелкая козявка» (в последнем случае эпитет «мелкая» заменён на эпитет «гадкая»: «гадкая козявка»)³.

Таким образом, основная художественная функция насекомых в этой эпиграмме Пушкина – ироничное, по-

рою уничижительное и убийственное сравнение современных поэту литераторов с «российскими» жуками (эвфемизм: вместо «навозный жук»: «Вот и Свиньин навозный жук»⁴, букашками, пауками, мурашками, козявками и прочими тварями. Одних, как, например, П. П. Свиньина, В. Н. Олина или С. Е. Раича, Пушкин невысоко ценил как писателей, к другим, как, скажем, к поэту Ф. Н. Глинке, относился двойственно, критикуя в рецензии на его поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830) за «небрежность рифм и слога» и вместе с тем отмечая его самобытность и оригинальность⁵, третьи, как М. Н. Каченовский, принадлежали к числу литературных противников Пушкина (отсюда характеристика Каченовского как «злого паука»).

Кстати, по-видимому, не случайно в этом ряду вредоносных насекомых в пушкинском стихотворении лишь одно стоит обиняком: «божия коровка». Возможно, Пушкин знал или догадывался о мифологическом значении этого насекомого, поскольку само наименование «Божья коровка», как об этом пишет автор словарной статьи об этом насекомом В. Н. Топоров в «Мифах народов мира», «... указывает на скот, принадлежащий богу или некоему божественному персонажу»⁶. А поскольку среди перечисленных выше современных литераторов лишь к поэ-

¹ Пушкин А. С. Собрание насекомых // Литературная газета. 1830. № 43. С. 56.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 204.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 800–801.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 800.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 110.

⁶ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 181.

ту Ф. Н. Глинке Пушкин относился скорее позитивно (см. стихотворение «Ф. Н. Глинке» (1822), где поэт назван «Великодушным Гражданином»¹), чем негативно, то понятно сравнение именно Ф. Н. Глинки с насекомым, как-то связанным если не с божественным персонажем, то, по крайней мере, с небом (вспомним детский фольклорный стишок: «Божья коровка! / Улети на небо / Принеси нам хлеба, / Чёрного и белого, / Только не горелого...» (вариант этой заклички и приговорки: «Божья коровка, / Улети на небо. / Там твои детки / Едят конфетки – / Все по одной, / А тебе ни одной» [1, с. 192])).

Вокруг пушкинского стихотворения развернулась длительная журнальная полемика. Мы не будем приводить все суждения критиков «Собрания насекомых» и грубые эпиграммы на это стихотворение, процитируем лишь отрывок из полемической статьи М. А. Бестужева-Рюмина: «Такому вниманию, какое обращено на сие стихотворение, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примечательная своею уродливостью и безнравственную целию, обращает на себя внимание – но какое?...»². Только А. А. Дельвиг в рецензии на альманах «Подснежник» назвал пушкинскую эпиграмму «прекрасной»³. Сам Пушкин в одной из болдинских заметок,

предназначенных для большой статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» язвительно отвечал на выпады критиков: «Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек* (курсив Пушкина. – С. Д.). – Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь»⁴.

Ироничное уподобление людей различным насекомым часто можно встретить и в других произведениях Пушкина: в «Каменном госте» Дон Гуан так вспоминает о дуэли с Командором: «Наткнулся мне на шпагу он и замер, / Как на булавке стрекоза»⁵, в «Евгении Онегине» на именинах Татьяны «толпа (гостей. – С. Д.) жужжит за стол садясь»⁶. «Гремят отдвинутые стулья; / Толпа в гостиную валит: / Так пчёл из лакомого улья / На ниву шумный рой летит»⁷.

Упомянутый в данном стихотворении паук появляется среди других химерических чудовищ в «чудном сне» Татьяны в пятой главе «Евгения Онегина»: «Вот рак верхом на пауке»⁸, а затем в «Пиковой Даме» и тоже во сне, но уже Германна, где с пауком сравнивается туз, на котором в конце концов

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. II. М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 273.

² Бестужев-Рюмин М. А. Смотр журналам // Северный Меркурий. 1830. Т. 2. № 97. С. 75–76. (Печ. по: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / под общей редакцией Е.О. Ларионовой. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. С. 242).

³ Дельвиг А. А. Рецензия на альманах «Подснежник» // Литературная газета. 1830. Т. 1. № 25. С. 202.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 169.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VII. М., Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 153.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 110.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 113.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 104.

«обдёрнулся» главный герой повести: «Тройка, семёрка, туз – преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком»¹.

Паук дважды встречается в нехудожественной и эпистолярной прозе Пушкина, например, в «Материалах к отрывкам из писем». Здесь, как и в эпиграфе к стихотворению «Собрание насекомых», ещё раз упоминая паука, а заодно и другое насекомое – муравья, Пушкин вновь сошлётся на И. А. Крылова: «Крылов говорит о храбром муравье, что он даже хаживал один на паука»². Паук появляется в компании с ещё одним насекомым – испанской мухой – в письме Пушкина к жене от 8 декабря 1831 г. из Москвы, где поэт не без иронии говорит о своём друге П. В. Нащокине: «... он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха»³.

Но не только в стихотворении «Собрание насекомых» посредством энтомологических метафор Пушкин расправлялся со своими литературными противниками и недругами. В стихотворении «Совет»⁴, раннюю редакцию

которого Пушкин отправил в одном из писем П. А. Вяземскому (конец ноября – начало (не позднее 3) декабря 1825 г. из Михайловского), Пушкин сравнивает с насекомыми журнальных критиков:

*Поверь, когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых
слов,*

Не возражай на писк и шум нахальный:

*Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.*

*Сердиться грех – но замаяхнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой*⁵.

В ранней редакции стихотворения из письма к П. А. Вяземскому вместо «слепней и комаров» было «и мух и комаров»⁶, что в общем-то не меняет дела. Но показательно, что в концовке обоих стихотворений (и «Собрания насекомых», и «Совета») речь идёт об эпиграмме, которой, в силу своего сатирического, саркастического характера, обычно у Пушкина отведена особая роль в литературной полемике с враждебными ему современными писателями и критиками, которых, как назойливых и надоедливых мух, комаров или слепней, не грех «прихлопнуть» «проворной эпиграммой». О том, что «Совет», по мнению Пушкина, принадлежит именно к жанру эпиграммы, свидетельствует специальная оговорка в начале указанного письма к П. А. Вяземскому: «Ты приказывал,

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VIII.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1938. С. 249.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XI.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 60.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XIV.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 245.

⁴ Впервые опубликовано: Урания, карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности. Изданная М. Погодиным. М.: типография С. Селиванского, 1825. С. 205.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. II.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 384.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XIII.. М. Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 245.

моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших»¹.

Среди других насекомых в произведениях Пушкина довольно часто упоминается мотылёк: и сам по себе, в прямом значении этого слова, и в переносном, как правило, в сравнениях. Как и в реальной жизни, в произведениях поэта мотылёк кружит, вьётся, порхает. Например, в лицейском стихотворении Пушкина «Послание к Юдину» (1815):

*Уж сердце в радости не бьётся
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьётся
С дыханьем тихим ветерка*².

Эти легкокрылые создания (мотылёк и бабочка) в поэзии Пушкина являются символом чего-то невесомого, непостоянного, переменчивого и часто изображаются в сочетании с цветами. Так, в одном из черновых вариантов пропущенной IV строфы четвертой главы «Евгения Онегина» (позднее она была напечатана Пушкиным в журнале «Московский вестник» (1827. № 20) с заголовком «Женщины. Отрывок из «Евгения Онегина») светские женщины, от которых, по мнению автора романа, невозможно ждать прочных и постоянных чувств, сопоставляются именно с мотыльками:

*Закабеляясь неосторожно,
Мы их любви в награду ждём,
Любовь в безумии зовём,
Как будто требовать возможно
От мотыльков или от лилей*

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XIII. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 245.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. I. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 171.

*И чувств глубоких и страстей*³.

Иногда через образы мотылька передаются чувства персонажей пушкинских произведений. Например, описывая смятение Татьяны перед встречей с Онегиным в третьей главе романа, Пушкин сравнивает свою героиню именно с мотыльком:

*Так бедный мотылек и блещет
И бьётся радужным крылом,
Пленённый школьным шалуном...*⁴.

А в одном из черновых вариантов XXIII строфы четвертой главы романа, говоря о «тёмных мечтаниях», которые «не перестали волновать» душу Татьяны и после свидания с Онегиным, Пушкин ещё раз возвращается к образу мотылька:

*Нет нище страстью безотрадной
Она вспыхнула: сон покоя
Здоровье, мотылёк [младой]
Хранитель жизни, жизни сладость –
Надежда ветрогон другой
Все скрылись лёгкою толпой...*⁵.

Любопытно, что именно после этой черновой строфы Пушкин выставляет дату её написания (1 Генв. т. е. января – С. Д.) 1825–31 дек. 1824), которая в точности совпадает с предполагаемой датой написания стихотворения, посвящённого другой девушке (она также упоминается в одном из лирических отступлений в пятой главе романа под именем «Зизи» (уменьшительная форма имени Зинаида, Евпраксия) – Евпраксии Вульф): «Играй, прелестное

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 593.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 72.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 355–356.

дитя...». В этом стихотворении мы опять-таки встречаем образ бабочки (мотылька) (см. об этом в настоящей статье ниже).

В довольно сложном и пёстром контексте предстаёт перед нами впервые предмет любви и «младых восторгов» Ленского – Ольга. Тут и весенний цветок – «ландыш потаенный», и излюбленные легкокрылые насекомые, часто встречающиеся в романе Пушкина – мотылёк и пчела:

*В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой¹.*

Вновь возвращается к образу мотылька поэт, описывая в своём романе чувство Ленского к Ольге. Правда, сначала это чувство передаётся через неожиданный и как-то не вписывающийся в поэтический ряд слов («любим», «счастлив», «блажен», «сердечной неге») прозаизм («пьяный путник»), но, в конце концов, высокая поэзия всё же побеждает: заключительная строфа четвёртой главы венчается нежным образом мотылька, да ещё «впившегося» в «весенний... цветок» (уж снова не в «ландыш» ли «потаенный», с которым во второй главе сравнивалась Ольга?):

*Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылёк,*

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 40–41.

В весенний впившийся цветок².

Автор обширного комментария к «Евгению Онегину» писатель В. В. Набоков, который к тому же был известен как крупный энтомолог, открывший новые виды бабочек, в связи с концовкой этой строфы попенял на неточность Пушкина: «Мотыльков, как правило, не интересуют душистые белые колокольчатые цветки ландыша ... – красивое, но ядовитое растение, излюбленное поэтами украшение пасторальных пейзажей, но при этом смертельно опасное для овец» [6, с. 252].

Заслуживает внимания и словарная статья Н. И. Михайловой «Мотылёк» в «Онегинской энциклопедии». Автор статьи прослеживает многолетнюю литературную традицию в поэтическом изображении мотыльков, которые вдохновляли многих русских и западноевропейских предшественников и современников Пушкина, не только русских и французских поэтов (В. В. Капниста, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, В. Л. Пушкина, Флориана и Ламартина), но и художников (А. Г. Венецианова, Ф. П. Толстого), а также многих других поэтов и живописцев. Заклучая свою энциклопедическую статью, посвящённую мотыльку в пушкинском романе, Н. И. Михайлова отмечает: «И всё же – бабочки и мотыльки, подобно пчёлам перелетающие с цветка на цветок, – это те малые, но драгоценные для поэта впечатления бытия, которые с любовью воплотил он в своём поэтическом слове» [5, с. 143].

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 94–95.

Рассмотрим художественную функцию ещё одного легкокрылого насекомого в произведениях Пушкина – пчелы. Пчела (и производные от неё «пчёлка», «пчелиный») встречается в языке поэта намного чаще других насекомых – около 70 раз. И это закономерно, так как образ пчелы известен в мифологических представлениях, в фольклоре и литературе разных народов с древнейших времён. Как отмечают авторы энциклопедической статьи «Пчела» в «Мифах народов мира» В. В. Иванов и В. Н. Топоров, «с П. (пчелой. – С. Д.) связан один из важных вариантов мотива плодородия – “открытие” весны. В русских веснянках П. появляется в тех же контекстах ... , что и другие символы весны – жаворонок, кулик, Мати Пречистая»¹.

Именно в этом значении, как предвестие весны, используется образ пчелы в произведениях Пушкина. Так, в начале седьмой главы «Евгения Онегина» наступление весны знаменует пчела, которая вылетает из «кельи восковой», то есть из пчелиного улья, в поисках цветов и других растений:

*Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой*².

(Показательно, что в конце той же седьмой главы сроднившаяся с русской природой Татьяна Ларина и в Москве «...мечтой / Стремится к жизни полевой (курсив мой. – С. Д.), ... К своим цветам...»³.

¹ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 354.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 139.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VI. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 162.

В отрывке незавершённого стихотворения «Ещё дуют холодные ветры ...» (1828), созданного почти одновременно с начальными строфами седьмой главы «Евгения Онегина», приход «красной весны», наряду с другими явлениями пробуждающейся природы, символизирует «первая пчёлка» (в черновых вариантах стихотворения «ранняя пчёлка», «пчела золотая»⁴:

*Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать...⁵*

Как видим, художественные детали в описании весенней картины те же, что и в первой строфе седьмой главы «Евгения Онегина»: «из царства воскового, / Из душистой келейки медовой» (здесь и далее курсив мой. – С. Д.) (в пушкинском романе: «из кельи восковой»), «вылетела первая пчёлка, / Полетела по ранним цветочкам» (в седьмой главе «Онегина» весной «пчела за данью полевой т. е. в поисках цветов. – С. Д.) / Летит...»).

Эпитет «пчёлка золотая» (из черновых вариантов стихотворения «Еще дуют холодные ветры...») встречается также в творчестве Пушкина в стихотворении «О боги мирные полей, дубров и гор...» (1824), в котором поэт воспекает свою «Музу молодую, / Подругу дней моих, невинную, простую, / Но чем-то милую...». В последних трёх строках стихотворения муза является

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 657.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 106.

в разных образах и в разном обличье, в том числе и в виде «пчёлки золотой»:

И своенравная волшебница моя,

Как тихий ветерок иль пчёлка золотая,

Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая»¹.

Упоминающиеся и в указанном выше стихотворении, и в «Евгении Онегине» как атрибут пчелиной жизни «келейка медовая», «келья восковая», как указал в своём «Комментарии» к пушкинскому роману В. В. Набоков, «общее место как в английской, так и во французской поэзии» [6, с. 479]. В доказательство В. В. Набоков приводит строки из стихотворения английского поэта Джона Гэя «Сельские забавы...» и «Элегии» особенно любимого Пушкиным французского поэта Андре Шенье (далее мы приводим цитаты из указанных произведений в русском переводе, приведённом в постраничных сносках «Комментария». – С. Д.): «[Пчёлы] сладостью наполняют кельи восковые»; «Её восковая келья» [6, с. 480].

Вновь образ пчелы появляется в стихотворении <Гнедичу> («С Гомером долго ты беседовал один...», 1832–1834), которое справедливо считается одной из поэтических деклараций Пушкина. Это произведение является ответом на стихотворное послание Н. И. Гнедича «А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.».

Мы не будем рассматривать пушкинское стихотворение, так как это увело бы нас в сторону от анализируемой проблемы. Да в этом и нет нуж-

ды, так как подробный анализ данного стихотворения можно найти в статье В. Э. Вацура².

В своём стихотворении Пушкин, обозначая широкий диапазон поэтических интересов Гнедича и прямо обращаясь к последнему, в частности, замечает:

*Ты любишь гром небес, но также
внемлешь ты*

Жужжанью пчёл над розой алой³.

Впервые образ бабочки, порхающей над розой, но не алой, а колючей (более привычный эпитет в разговорной речи), мы встречаем в черновом наброске стихотворения, по-видимому обращённого к юной Евпраксии Вульф «Играй, прелестное дитя...» (31 декабря 1824–1 января 1825):

Играй, прелестное дитя,

Летай за бабочкой летучей,

Поймай, поймай <её> шутя

Над розой колючей⁴.

В обоих стихотворениях эти насекомые летают над одним из самых любимых цветков в творчестве поэта – розой, с которой, в свою очередь, как символом прелести, свежести, юности и красоты, часто сравниваются юные девы или молодые пленительные женщины.

Из-за небольшого объёма данной статьи мы не имеем возможности рассмотреть других, гораздо менее привлекательных насекомых в произведениях Пушкина: например, мух, блох,

² Вацура В. Э. Поэтический манифест Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 65–72.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. III. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 286.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. II. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. 478 с. [

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. II. М., Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 316.

комаров, клопов, саранчу и пр. Более подробно об этом и многом другом см. в содержательной статье Е. Н. Егоровой «Мир фауны в творчестве А. С. Пушкина: “Моё собрание насекомых...”» [3], а также в словарных статьях В. С. Листова «Клопы да блохи» [4], И. Г. Добродомова, И. А. Пильщикова «Мухи» [2].

Но и из сказанного выше можно сделать вывод, что художественная функция насекомых в творчестве поэта различна, хотя, как правило, связана с разными ситуациями, картинами и временами года (чаще всего, с весной).

Те или иные насекомые употребляются в пушкинской лирике, в «Евгении Онегине» и в других произведениях как в прямом, так и в переносном – ироническом, символическом или метафорическом значении. Причём переносное, эмоционально-оценочное значение всегда ярче, красочнее, живучее прямого, так как позволяет существенно разнообразить поэтическую палитру, расширить художественный спектр и диапазон, творческое применение предметов, явлений в сознании и в произведениях писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детский фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. 560 с.
2. Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Мухи // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. II. Л–Я; А–Z / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 2004. С. 150–151.
3. Егорова Е. Н. Мир фауны в творчестве А. С. Пушкина: «Моё собрание насекомых...» // А. С. Пушкин в Подмоскovie и Москве. Материалы XVII Международной Пушкинской конференции. Материалы XVI Троицких чтений. М.: Зебра–Е, 2014. С. 122–133.
4. Листов В. С. Клопы да блохи // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 519.
5. Михайлова Н. И. Мотылёк // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. II. Л–Я; А–Z / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 2004. С. 140–143.
6. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: пер. с англ. / науч. ред. и авт. вступ. ст. В. П. Старк. СПб.: Искусство–СПб; Набоковский фонд, 1998. 928 с.

REFERENCES

1. Novitskaya M. Yu., Raikova I. N., eds., comp. *Detskii fol'klor* [Children's folklore]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2002. 560 p.
2. Dobrodomov I. G., Pil'shchikov I. A. [Flies]. In: Mikhailova N. I., ed. *Oneginskaya entsiklopediya: V 2 t. T. II. L–Ya; A–Z* [Onegin encyclopedia: In 2 vols. Vol. II. L–Ya; A–Z]. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. pp. 150–151.
3. Egorova E. N. [The world of fauna in the works of A. Pushkin: “My collection of insects...”]. In: A. S. *Pushkin v Podmoskov'e i Moskve. Materialy XVII Mezhdunarodnoi Pushkinskoi konferentsii. Materialy XVI Troitskikh chtenii* [A. Pushkin in Moscow region and Moscow. Materials of the XVII International conference on Pushkin. Proceedings of the sixteenth Trinity readings]. Moscow, Zebra–E Publ., 2014. pp. 122–133.

4. Listov V. S. [Bugs and fleas]. In: Mikhailova N. I., ed. *Oneginskaya entsiklopediya: V 2 t. T. I. A–K* [Onegin encyclopedia: In 2 vols. Vol. I. A–K]. Moscow, Russkii put' Publ., 1999. pp. 519.
5. Mikhailova N. I. [Moth]. In: Mikhailova N. I., ed. *Oneginskaya entsiklopediya: V 2 t. T. II. L–Ya; A–Z* [Onegin encyclopedia: In 2 vols. Vol. II. L–Ya; A–Z]. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. pp. 140–143.
6. Nabokov V. V. Eugene Onegin: A Novel in Verse: Commentary (Russ. ed.: Stark V. P., ed. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin"*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., Nabokovskii fond Publ., 1998. 928 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Doctor in Philological Sciences, honored worker of the Higher School of Russian Federation, professor at the Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City University;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А. Мир насекомых в творчестве А. С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 70–79.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-70-79

FOR CITATION

Dzhanumov S. A. The world of insects in A. Pushkin's works. In Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2019, no. 1, pp. 70–79.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-70-79

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-80-88

СТАТУАРНЫЙ ОБРАЗ ВЕНЕРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1880–1890-Х ГГ. (Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И Г. И. УСПЕНСКИЙ)

Дячук Т. В.*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. В статье впервые ставится вопрос о влиянии поэтики и идеологии Г. И. Успенского на религиозно-философское творчество Д. С. Мережковского. Сопоставительный анализ очерка Успенского «Выпрямила» и корпуса текстов Мережковского, написанных в 1890–1900 гг. (поэма «Конец века» и трилогия «Христос и Антихрист»), обнаруживает, что один из центральных образов Мережковского – статуарный образ Венеры – создан в творческом соревновании с Успенским. Исследование, осуществлённое в рамках историко-литературного метода, позволяет установить преемственность между поздним литературным народничеством и символистским искусством Серебряного века. Статья адресована всем, интересующимся русской литературой и историей русской интеллигенции.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, Г. И. Успенский, Венера Милосская, Богоматерь, народничество, символизм.

THE STATUE OF VENUS IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1880-1890S (D. MEREZHKOVSKY AND G. USPENSKY)

T. Dyachuk *Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moiki emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract. The article for the first time poses the question about the influence of the poetics and ideology of G. Uspensky on the works of D. Merezhkovsky. The comparative analysis of Uspensky's essay "Выпрямила" ("She Straightened Out", 1885) and the corpus of the texts of Merezhkovsky, written in 1890–1900s (the poem "The End of the Century" and the trilogy "Christ and the Antichrist") discovers that one of the central images of Merezhkovsky, the statue of Venus, was born in creative competition with Uspensky. The study, carried out in the framework of the historical-literary method, allows to establish the continuity between the late literary populism and the symbolist art of the Silver Age. The article is addressed to all those interested in the Russian literature and the history of the Russian intelligentsia.

Keywords: D. Merezhkovsky, G. Uspensky, Venus de Milo, Mother of God, populism, symbolism.

© CC BY Дячук Т. В., 2019.

В своём религиозно-философском творчестве Д. С. Мережковский, как было замечено его современниками, испытывал потребность в «чужом опыте бытия»

[3, с. 496], в религиозном переживании, вербализованном в художественном тексте. По словам Н. А. Бердяева, Мережковский жил «в литературных отражениях религиозных тем» [2, с. 331].

Среди источников, питавших творчество Мережковского, в научной литературе ни разу не упоминался очерк Г. И. Успенского «Выпрямила» [1; 4]. Между тем, как будет продемонстрировано в настоящей статье, поэтика и идеология позднего Успенского отразилась в поэме Мережковского «Конец века» и трилогии «Христос и Антихрист». Сопоставление произведений этих двух авторов, с одной стороны, позволит обнаружить неоднозначность позиции Мережковского, заявившего о своём размежевании с народничеством на рубеже 1880–1890-х гг., а с другой, – выявит религиозно-мистическое содержание очерка Успенского «Выпрямила», до сих пор ускользающее от внимания исследователей русской культуры конца XIX в. (ср. новейшую интерпретацию очерка как манифестацию массового вкуса [10]).

В автобиографической заметке (1913) Мережковский признавался: «Михайловский и Успенский были двумя моими первыми учителями. Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролёт о том, что тогда занимало меня больше всего, – о религиозном смысле жизни. Он доказывал мне, что следует искать его в мирозерцании народном, во “власти земли”. Дал мне адреса знатоков народной жизни, сельских учителей и статистиков, советуя побывать у них. В том же году, летом, я ездил по Волге, по Каме, в Уфимскую и Оренбургскую

губернии, ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами, собирал и записывал наблюдения ... Я смутно почувствовал, что позитивное народничество для меня ещё не полная истина. Но всё-таки намеревался по окончании университета “уйти в народ”, сделаться сельским учителем»¹.

«Хождение в народ» и памятный разговор писателей о «религиозном смысле жизни» произошёл летом 1884 г. В это время Успенский работал над очерком «Выпрямила», где речь идёт о статуе Венеры Милосской, которая утвердила сельского учителя Тяпушкина в его желании работать на благо народа. В 1891 г. Мережковский – как и герой очерка Тяпушкин – посетил Париж. Впечатления от этой поездки были отражены в поэме «Конец века (Очерки современного Парижа)» (1892). В мотивно-тематическом и жанровом отношении поэма предельно приближена к очерку Успенского «Выпрямила». Мережковский заимствует образы и мотивы Успенского, впервые (за два года до знаменитого стихотворения «Дети ночи») объединяя их формулой «новой красоты» («Не ведая преград, свободно ищет гений / И новой красоты, и вольных откровений»), «которая вскоре станет важнейшим понятием в эстетике русского символизма» [7, с. 50].

Вслед за Успенским, чьё творчество составляли исключительно очерки, Мережковский даёт своей поэме необычный жанровый подзаголовок – «Очерки современного Парижа».

Подобно Успенскому, автор поэмы сопоставляет Россию и Европу, осуж-

¹ Мережковский Д. С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 321.

дает гибельное развитие европейской цивилизации; критикует социальную несправедливость и оценивает современное изобразительное искусство Парижа. Мережковский вторит Успенскому даже в деталях: он не забывает упомянуть о жертвах общественного прогресса – о парижских проститутках и бедняках. Современная Европа оценивается поэтом через её артефакты, прежде всего – живопись и скульптуру. Кульминационная VII глава называется «Венера Милосская» (именно так в черновом варианте назывался очерк Успенского «Выпрямила»). К ней лирический герой припадает как к святыне:

Не всё ли мне равно – Мадонна иль Венера, –

Но вера в идеал – единственная вера,

*От общей гибели оставшаяся нам,
Она – последний Бог, она – последний храм!*¹

С центральным образом поэмы – статуей Венеры Милосской – поэт связывает «исканье жадное неведомых религий» и «разрешение великого вопроса о счастье на земле»². Мысль Мережковского устремляется в будущее, когда богиня любви предстанет «царицею вселенной»³. Поэт неточно цитирует автора очерка «Выпрямила», которого воодушевляла эсхатологическая вера в конец этого мира и наступление «бесконечно-светлого будущего», когда человек «выпрямится» и станет подобен античной богине⁴. В

очерке Успенского описана мистическая встреча героя с богиней, в результате которой Тяпушкин испытывает духовное просветление – «выпрямляется». Терапевтическое воздействие языческого идола настолько глубоко, что описывается на уровне физиологических реакций: «Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего “хрустнуть” именно так, когда человек растёт, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом»⁵. Божественное «дуновение» Венеры Милосской, испытанное Тяпушкиным, сродни тому, что было совершено над Адамом, которому бог «вдунул в лицо его дыхание жизни» (Быт. 1:27-28; 2:7).

В поэме Мережковского, напротив, статуя остаётся безучастна к созерцающим её: «Нет, не видит и не слышит, / И только вечною красой улыбка дышит»⁶. Метафорика, используемая поэтом, вполне традиционна. С подобными апелляциями к «высокой», «вечной» и «бессмертной» красоте античной богини выступали современники Успенского – И. С. Тургенев и А. А. Фет (Ср. И. С. Тургенев «К Венере Медицейской» 1837: «Ты снова царствуешь! Сынов страны далёкой, /

¹ Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С. 460.

² Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С. 458.

³ Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С. 461.

⁴ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное

собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 270.

⁵ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 262–263.

⁶ Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С. 462.

Ты покорила их пластической, высокой – / Своей бессмертной красотой!»¹ и А. А. Фет «Венера Милосская»: «Ты смотришь в вечность пред собой»². Заметим, что Успенский ни разу не употребляет слово «вечность». Для него статуя – это «пророчество» о грядущем преображении человека.

В обоих текстах пафос снижен присутствием профанов, не причастных к «тайне» Венеры Милосской. У Мережковского это толпа англичан, у Успенского, всегда требовательного к соотечественникам, — это «какой-то россиянин, вся фигура которого говорила, что он уже вполне разлакомлен бульварными прелестями»³.

Дальнейшее развитие сюжета поэмы повторяет очерк Успенского. Картины парижской жизни сменяются изображением русской деревни.

*Я вспомнил о тебе, родимая земля,
Я вспомнил тихие унылые поля
И с белой церковью убогое селенье,
Прохладу на заре и жаворонков пенье.
Я вспомнил пахаря знакомые черты,
Смиренья полные и детской доброты»⁴.*

Воспоминания лирического героя Мережковского окрашены в сентиментально-патетические тона, резко контрастирующие с обличением и сарказмом в аналогичных «деревенских» фрагментах очерка Успенского, герой которого находится «в глухой зане-

сённой снегом деревушке, в скверной, неприветливой избе, в темноте и тоске безмолвной томительной зимней ночи»⁵. Последние слова поэмы Мережковского – «Что б ни было, о Русь, я верую в тебя!» – единственное расхождение с позицией Успенского, которому менее всего была свойственна национальная гордость.

Итак, в начале 1890-х гг. Мережковский обратился к одному из самых известных произведений поздней народнической литературы – очерку Успенского «Выпрямила». Мережковского привлёк рискованный замысел Успенского – «не ведая преград», объявить античную статую Венеры – «пророчеством»⁶ о грядущем спасении «человека-народа». Античный идол был реанимирован Успенским в качестве объекта религиозного поклонения. По сути, автор очерка «Выпрямила» прокладывал путь, обратный тому, что был пройден европейской цивилизацией, в которой «язычество стало культурой» [5, с. 461]. В очерке отвергнуто традиционное представление о Венере Милосской как о самоценном объекте искусства. Поэтому и стихи Фета, посвящённые античной богине, и слова Тургенева, восхищающегося вечной красотой статуи – это, как сказано в очерке, «не то» (курсив автора⁷). Увлекаясь, Успенский отрицает, казалось бы, бесспорное – красоту и сексуальность мраморной бо-

¹ Тургенев И. С. К Венере Медицейской // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 12.

² Фет А. А. Венера Милосская // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. С. 173.

³ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 263–264.

⁴ Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-пресс, 2000. С. 462.

⁵ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 271.

⁶ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 263.

⁷ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 265.

гини любви, указывая на изящные, мужеподобные черты её облика. Автор очерка несколько раз напоминает читателям об изъяне статуи – отсутствии рук. Венера Милосская названа «калейкой безрукой». Религиозный смысл «калейки безрукой» открывается не «знатокам» (Фету и Тургеневу), а Тяпушкину, который, как сказано в очерке, в античной скульптуре «ровно ничего не понимал»¹].

Идея Успенского – явление языческой статуи как пророчество о грядущем воскресении человечества – и её планетарно-космический масштаб («всем векам и народам», «бесконечно-светлое будущее») отвечал потребности Мережковского в универсальном синтезе христианства и язычества. Поэтому писатель начинает все романы, составившие трилогию «Христос и Антихрист»: «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901) и «Антихрист. Пётр и Алексей» (1904–1905) – с богоявления Венеры (Афродиты).

Три (по числу романов) богоявления Венеры-Афродиты выстроены Мережковским по одной схеме: ожившая статуя является герою и ставит его перед выбором между Элладой и Христом. Сделаем необходимое уточнение. В трилогии фигурируют различные статуи богини любви, восходящие к единому «архетипу» – статуе Праксителя «Афродита Книдская» (ок. 350 г. до н.э.) [9, с. 128]. Статуя была утрачена, но сохранились её многочисленные копии. «Афродита Книдская» не единственная Афродита работы Праксителя. Как пишет Кеннет Кларк,

он «создал также для феспийцев статую, у которой ноги были задрапированы, а грудь обнажена, и она тоже дошла до нас в нескольких репликах» [6, с. 110]. Статуя Венеры Милосской – одна из «реplik» неизвестного древнегреческого скульптора.

В романах Мережковского Венера-Афродита предстаёт как вечный символ, воплощаемый в различных скульптурных обликах. В качестве символа Венера бессмертна, поэтому над ней не властно ни время, которое только преображает мраморную Венеру (в третьем романе она вновь приобретает утраченные руки), ни религиозные фанатики (сожжённая ими, Венера «воскресает» в последнем романе). Заметим, что в отличие от Мережковского, Успенский обеспокоен угрозой уничтожения статуи.

Впервые статуя Афродиты появляется в начале романа «Смерть богов. Юлиан Отступник». Её созерцает главный герой – будущий император Юлиан. В языческом храме он молится богине любви, обещая любить её вечно. Статуя оживает, раскрывая перед юным героем «святые объятия», а «серп луны» кидает «сияние на голову Афродиты»². С этой встречи начинается отступничество Юлиана от христианской веры и преклонение перед античной скульптурой: «Обоготворять прекрасное изваяние Фидия не разумнее ли, чем преклоняться перед двумя деревянными перекладинами, положенными крест-накрест, – позорным орудием пытки»³.

² Мережковский Д. С. Смерть богов. Юлиан Отступник. М.: Художественная литература, 1993. 317 с.

³ Мережковский Д. С. Смерть богов. Юлиан Отступник. М.: Художественная литература, 1993. С. 245.

¹ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 262.

Действие второго романа трилогии – «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» – начинается с того, что флорентийские художники выкапывают погребённую в земле статую Афродиты Праксителя, которая, несмотря на одиннадцативековое пребывание в земле, кажется «живой»¹. Молодой художник Джованни – ученик Леонардо да Винчи – потрясён воскрешением Венеры (недаром роман назван «Воскресшие боги»). Его мысли «двоятся»: христианское благочестие заставляет видеть в ожившем языческом идоле «Белую Дьяволицу», а эстетическое чувство внушает «благоговейный трепет»² перед античной красотой. Статую разбивают флорентийские обыватели. Но красота, по убеждению Мережковского, идеальна и бессмертна, поэтому образ Венеры продолжает являться и искушать: «В лице Мадонны, в словах святого гимна, в благоухании роз, осеняющих Распятие!..»³. Так, художник Сандро Боттичелли – один из героев романа «Воскресшие боги» – изобразил деву Марию в точности похожей на Венеру с его же знаменитой картины «Рождение Венеры»⁴. Другой герой романа – римский папа Александр Борджа – велел вставить в крест изумруд с вырезанным на нём изображением Венеры Каллипити⁵. Благоговая народ во время торжествен-

ных служб в соборе Петра, Борджа целовал Распятие, целуя тем самым античную богиню.

Двоящийся скульптурный образ, в котором проступают черты Венеры и лик Богоматери (как сказано в поэме Мережковского «Конец века»: «Не всё ли мне равно – Мадонна иль Венера»), указывает на расхождение позиций Мережковского и Успенского. Необходимо отметить, что в 1872 г., впервые увидев статую богини любви, Успенский оценил её парадоксально: она «святеей всего», что есть в Лувре, «скромная, мужественная, мать, словом идеал женщины, который должен быть в жизни»⁶. Но соблазнительными перспективами такого сравнения (богиня Венера – «святая» мать – богоматерь) он не воспользовался. Иначе поступил Мережковский. Его идеологической задаче – изобразить противоборство язычества и христианства в мировой истории – отвечала игра с символическими «соответствиями»: то Венера, то Богоматерь. В их двоящейся слитности Мережковский прозревал символ Вечной Женственности, влекущей человечество к гармонии и счастью [8, с. 80].

Действие третьего романа «Антихрист. Петр и Алексей» начинается в Петербурге в праздник Венеры, «в честь древней статуи, которую только что привезли из Рима и должны были поставить в галерее над Невой»⁷. Как и в предшествующих романах, в «Антихристе» статуя богини любви ставит героя – в данном случае царе-

¹ Мережковский Д. С. Воскресшие боги: (Леонардо да Винчи) М.: Панорама, 1993. С. 328.

² Мережковский Д. С. Воскресшие боги: (Леонардо да Винчи) М.: Панорама, 1993. С. 329.

³ Мережковский Д. С. Воскресшие боги: (Леонардо да Винчи) М.: Панорама, 1993. С. 478.

⁴ Мережковский Д. С. Воскресшие боги: (Леонардо да Винчи) М.: Панорама, 1993. С. 477.

⁵ Мережковский Д. С. Воскресшие боги: (Леонардо да Винчи) М.: Панорама, 1993. С. 138..

⁶ Успенский Г. И. Письмо А. В. Успенской 10 мая 1872 года // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. XIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 111.

⁷ Мережковский Д. С. Антихрист: (Петр и Алексей). М.: Панорама, 1993. С. 352.

вича Алексея – перед выбором: Христос или Эллада, Добро или Красота. Царевич Алексей наблюдает, как его отец – Пётр I – разоблачает «секрет» слезоточивой иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости, «как по дереву иконы проворно копошатся, шевелятся ловкие руки Петра, как слёзы текут по скорбному Лику, а над всем белеет голое страшное и соблазнительное тело Венус»¹.

В последнем романе Мережковский резюмирует все явления языческой статуи: «Она была и здесь всё такая же, как на холмах Флоренции, где смотрел на неё ученик Леонардо да Винчи в суеверном ужасе; и как ещё раньше, в глубине Каппадокии, близ древнего замка Мацеллума, в опустевшем храме, где молился ей последний поклонник её, бледный худенький мальчик в тёмных одеждах, будущий император Юлиан Отступник. Всё такая же невинная и сладострастная, нагая и не стыдящаяся наготы своей. С того самого дня, как вышла из тысячелетней могилы своей, там, во Флоренции, шла она всё дальше и дальше, из века в век, из народа в народ, нигде не останавливаясь, пока, наконец, в победоносном шествии, не достигла последних пределов земли – Гиперборейской Скифии, за которой уже нет ничего, кроме ночи и хаоса»².

Иначе говоря, статуя богини любви оказывается вневременным и национальным символом – «из века в век, из народа в народ». Слова Мережковского представляют собой искажённую цитату из очерка «Выпрямила»: «Ему (скульптору. – Т. Д.) нужно было

и людям своего времени, и всем векам, и всем народам вековечно и нерушимо запечатлеть в сердцах и умах огромную красоту человеческого существа, ознакомить человека – мужчину, женщину, ребёнка, старика – с ощущением счастья быть человеком, показать всем нам и обрадовать нас видимой для всех нас возможностью быть прекрасными – вот такая огромная цель владела его душой и руководила рукой. И мысль о том, когда, как, каким образом человеческое существо будет распрямлено до тех пределов, которые сулит каменная загадка, не разрешая вопроса, тем не менее рисует в вашем воображении бесконечные перспективы человеческого совершенствования, человеческой будущности и зарождает в сердце живую скорбь о несовершенстве теперешнего человека. ... мысль ваша, печальась о бесконечной “юдоли” настоящего, не может не уноситься мечтою в какое-то бесконечно светлое будущее. И желание выпрямить, высвободить искалеченного теперешнего человека для этого светлого будущего, даже и очертаний уже определённых не имеющего, радостно возникает в душе»³.

Оба писателя были убеждены в необходимости обновления христианства. В качестве нового религиозного символа, призванного изменить ход истории и указать человечеству дорогу к счастью, Успенским была выбрана античная статуя богини любви. Утопизм позднего Успенского оказался востребован символистским искусством Серебряного века. Так, рефлексия Мережковского над очерком

¹ Мережковский Д. С. Антихрист: (Петр и Алексей). М.: Панорама, 1993. С. 354.

² Мережковский Д. С. Антихрист: (Петр и Алексей). М.: Панорама, 1993. С. 339.

³ Успенский Г. И. «Выпрямила» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 270.

«Выпрямила» вела его от ученического усвоения мотивов Успенского в поэме «Конец века» до превращения статуарного образа Венеры в многозначный символ в трилогии «Христос и Антихрист». На этом пути обнаружились и принципиальные расхождения между позициями народника Успенского и символиста Мережковского. В то время как писатель-народник стремился

дискредитировать статую как артефакт («калека безрукая»), Мережковский, напротив, в образе Венеры-Богоматери видел воплощение «новой красоты», возникающей из синтеза язычества и христианства. Таким образом, очерк Успенского «Выпрямила» явился одним из источников, питавших эстетико-религиозный эксперимент Мережковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко Е. А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 248 с.
2. Бердяев Н. А. Новое христианство (Д. С. Мережковский) // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 331–354.
3. Бонетская Н. К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 720 с.
4. Дехтяренко А. В. Экфрасис в романах Д. С. Мережковского // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII–XIX вв. Ч. 1. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. С. 24–37.
5. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
6. Кларк К. Нагота в искусстве / пер. с англ. М. Куренной, И. Кытмановой, А. Толстой. СПб.: Азбука-классика. 2004. 480 с.
7. Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (У истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 5–117.
8. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 59–97.
9. Суханова И. А. Сквозной образ Афродиты (Венеры) трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1 (Гуманитарные науки). № 1. С. 128–134.
10. Шоломова Т. В. Буржуазная эстетика и русская культура. СПб: Астерион, 2017. 288 с.

REFERENCES

1. Andrushchenko E. A. *Vlastelin «chuzhogo»: tekstologiya i problemy poetiki D. S. Merezhkovskogo* [Lord of “alien”: Textology and the Problems of D. Merezhkovsky’s Poetics]. Moscow, Vodolei Publ., 2012. 248 p.
2. Berdyaev N. A. [A new Christianity (D. Merezhkovsky)]. In: *D. S. Merezhkovskii: pro et contra* [D. Merezhkovsky: pro et contra]. St. Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2001. pp. 331–354.
3. Bonetskaya N. K. *Dukh Serebryanogo veka (fenomenologiya epokhi)* [The spirit of the Silver age (the phenomenology of the era)]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 720 p.
4. Dekhtyarenok A. V. [Ekphrasis in D. Merezhkovsky novels]. In: *Antichnye zhanry v razvitiі russkoi literatury XVIII–XIX vv. Ch. 1* [Ancient genres in the development of the Russian

- literature of 18–19th centuries. Part 1]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014. pp. 24–37.
5. Zhivov V. M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Researches in the history and prehistory of the Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 758 p.
6. Clark K. The Nude: a study in ideal form (Russ. ed.: Kurennaya M., Kytmanova I., Tolstova A., transl. *Nagota v iskusstve*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 480 p.)
7. Kumpan K. A. [D. Merezhkovskii-poet (At the origins of the “new religious consciousness”)]. In: *Merezhkovskii D. S. Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. pp. 5–117.
8. Mints Z. G. [On some “neo-mythological” texts in the works of Russian Symbolists]. In: Mints Z. G. *Poetika russkogo simvolizma* [The Poetics of the Russian symbolism]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2004. pp. 59–97.
9. Sukhanova I. A. [A Pass-through image of Aphrodite (Venus) in D. Merezhkovsky's Trilogy “Christ and Antichrist”]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2014, vol. 1 (The Humanities), no. 1, pp. 128–134.
10. Sholomova T. V. *Burzhuaznaya estetika i russkaya kul'tura* [Bourgeois aesthetics and the Russian culture]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2017. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дячук Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
e-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Dyachuk – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Humanities Education, Herzen State Pedagogical University;
e-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дячук Т. В. Статуарный образ Венеры в русской литературе 1880–1890-х гг. (Д. С. Мережковский и Г. И. Успенский) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 80–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-80-88

FOR CITATION

Dyachuk T. V. The statue of Venus in the Russian literature of the 1880–1890s (D. Merezhkovsky and G. Uspensky). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. 80–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-80-88

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98

МЕТАМОДЕРНИЗМ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИСКРЕТНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМА

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.²

¹Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36., Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть взгляд на новое течение метамодернизм как основу формирования целостного, синкретического, сознания, которое приходит на смену диахронно-дискретному. Используя метод сопоставления, авторы анализируют литературные произведения эпохи постмодернизма (П. Зюскинд «Парфюмер») и метамодернизма (Г. Мюллер «Качели дыхания», стихи), выявляют основные черты и доказывают закономерность происходящих изменений в национальном сознании. Предлагается выявить переход к целостному сознанию как результат преодоления диахронно-дискретного, определить общие черты и закономерности его проявления в современной художественной литературе. Метамодернизм являет собой не просто новое течение, но и смену вех, соответствующую культурно-историческому процессу.

Ключевые слова: метамодернизм, Герта Мюллер, Патрик Зюскинд, постмодернизм, циклизм.

METAMODERNISM: OVERCOMING DISCRETENESS AND INDIVIDUALISM

A. Markova¹, G. Mamukina²

¹ Independent researcher, ² Moscow, Russian Federation

Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyanny pereulok, Moscow, 115054, Russian Federation

Abstract. The article offers a look at the new course of metamodernism as a basis for the formation of a holistic, syncretic consciousness, which replaces the diachronic-discrete one. Using the method of comparison, the authors analyze the literary works of the postmodern era (P. Süskind "Perfume") and metamodernism (G. Muller "Breath Swing", verses), reveal the main features and prove the pattern of changes in the national consciousness. It is suggested to identify the transition to a holistic consciousness as a result of overcoming the diachronous-discrete one, to determine the common features and patterns of its manifestation in the modern literature. Metamodernism is not just a new trend, but also a change of milestones, a natural cultural and historical process.

Keywords: metamodernism, Hertha Muller, Patrick Süskind, postmodernism. cyclism.

Метамодернизм – течение, которое, как провозглашено авторами программных статей: «Заметки о метамодернизме» Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Аккера (2010) [16] и «Метамодернизм: краткое введение» Люка Тернера (2011) [11], – пришло на смену постмодернизму. Однако ошибочно полагать, что речь идёт только лишь о модных тенденциях: изменении предпочтений и вкусов. В свете перемен, которые происходят во всех сферах общественного устройства, мы можем говорить о метамодернизме как о глобальном явлении, наблюдать процесс перехода к целостному сознанию и задумываться о расстановке приоритетов.

Постмодернизм даже в научной литературе не раз связывали с концом истории. Не избежала этого заключения и теория «Единого мирового поля» А. Е. Чучина-Русова. Несмотря на то, что её автор вывел универсальную модель цикличности и взаимосвязанности процессов мировой культуры, основанной на культур-кинетической и культур-генетических парадигмах, единстве и борьбе гендерных доминант, а также на таких факторах, как голографизм, циклизм, тетизм и архаизм [15, с. 101; 6, с. 128], – А. Е. Чучин-Русов, однако, не рассматривал возможности появления новых течений после постмодернизма.

Анализируя номинологический ряд модерн–модернизм–постмодернизм, А. Е. Чучин-Русов замечает: «его продолжение также возможно лишь за счёт экспериментирования в области суффиксов и бесконечного наращивания однородных префиксов: постпостмодернизм (2-постмодернизм), постпостпостмодернизм (3-постмо-

дернизм) и т. д. ... Такое отнесение соответствует циклическому характеру макрокультурной модели, предполагающей доминирующую роль пародии на участке истории, замыкающей макрокультурный цикл, полагая тем естественный предел дурной бесконечности» [13, с. 610].

Но при этом именно А. Е. Чучин-Русов тонко подмечает, что мировую культуру ожидает не просто очередной виток развития, а наступление новой эры, которую он считает неоархаикой: «То, что теоретики постмодернизма именуют “нулевой степенью” культуры, бытие которой заключается “не в создании новых идей, продуктов и произведений, а в новой комбинации уже имеющихся”, должно отвечать культурному состоянию, которое могло бы иметь место, например, до возникновения культурных эпох и стилей, когда только появился алфавит, а вместе с ним – возможность комбинировать “уже имеющееся” “ограниченное число элементов” в “практически неограниченное число сочетаний”. Очевидно, состояние – это как раз отвечает первому “осевому времени” (К. Ясперс), пролегающему между архаикой и собственно тем, что мы имеем в виду, когда говорим об истории культуры с её эпохами и стилями, с её универсальным инструментом, построенным на принципе комбинаторики – письменностью. Для Европы это время пролегает где-то между архаикой и античностью» [13, с. 612]

Однако, как было доказано в статье «Метамодернизм в концепции А. Е. Чучина-Русова “Единое поле мировой культуры”» [6; 15], новое течение не просто пришло на смену постмодерну, оно полностью соответствует

культурологическим законам, выведенным А. Е. Чучиным-Русовым в его теории, и является закономерным продолжением культурного процесса. Конец истории не наступил. Но значит ли это, что не наступила и неоархаика?

Один из крупнейших социологов и философов двадцатого века Э. Фромм, анализируя индивидуализм как социальное и нравственное явление, видел причины его зарождения в кризисе средневекового мышления, которое изначально имело пусть и весьма ограниченный, но целостный характер.

Становление западноевропейской культуры (а именно, западноевропейская культура в силу экономических и политических причин оказывает наибольшее влияние на мировой культурный процесс, который приобрёл полифоническое, глобальное звучание в силу развития современных технологий) тесно связано с развитием капиталистических отношений в Позднем средневековье. По мнению Э. Фромма, они стали катализатором для изменения сознания. Как точно, но довольно резко, отметил А. Ф. Лосев, миф был превращён в «субъективные идеи» [4, с. 168].

И не просто в «субъективные идеи», а в то, что стало иметь свою цену, что можно было бы продать и купить.

Это разбило прежнюю целостную картину мира на кусочки, и вместе с ней ушло и понимание дела жизни как чего-то благородного, «истинного венца», по убеждению В. Садовника¹, Общество стало интересоваться совсем другими вопросами, что весьма ёмко отображено в изречении проповедника Мартина Бутцера, приведённом

Э. Фроммом: «Все вокруг ищут занятий, дающих наибольшую выгоду. Все готовы променять науки и искусства на самый низменный ручной труд. Все умные головы, наделенные Господом способностями к благородным наукам, захвачены коммерцией, а она в наши дни столь проникнута бесчестностью, что стала наипоследнейшим делом, которым мог бы заниматься достойный человек» [12, с. 61]. Так, «капитал перестал быть слугой и превратился в хозяина» [12, с. 63] жизнью целых поколений. С точки зрения культурологического процесса, постмодернизм, с отказом выдвигать новые идеи и ехидной насмешкой над искусством и самим бытием, явился венцом индивидуализма и расщеплённого сознания.

Рассматривая пределы человеческих возможностей (на смену утопиям и антиутопиям пришли миры постапокалипсиса, фантастики, фэнтези), постмодернизм отвергал идею прогресса и поступательного развития, – как и идею главенства капитала. Это течение видело бессмысленность всех попыток человечества претендовать на мировое господство и пустоту как следствие конечности всего сущего. Мы можем даже сказать, что постмодернизм, в социальном смысле породивший одиночек-неформалов, которые в «многогранном обществе считали себя не частицей целого, а чувствовали себя обособленно» [5, с. 81], стремился показать глобальную бесцельность личностного существования, не давая индивиду ни малейшей надежды, а лишь обнажая его уязвимость, одиночество и духовную изоляцию.

В этом отношении знаковым событием в мировой литературе стал

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 14–72.

роман П. Зюскинда «Парфюмер», показавший предельно одинокого человека – гения без души, стремящегося сотворить её самостоятельно, явить миру как истинное чудо.

Гениальность как бы даёт герою право вознестись над людьми настолько, чтобы видеть в них лишь расходный материал, точно так же, как вознёсся над всем бытием сам человек, не считающийся с миром живой природы. Это подтверждает аналогия с цветами, которые для жителей Грасса, столицы французской парфюмерии, не представляют никакой иной ценности, кроме той, что содержится в товарно-денежном эквиваленте. И автор «Парфюмера», в свою очередь, подчёркивает живую душу всего сущего и жестокость человека *гордого* (Ф. М. Достоевский) по отношению к ней: «как смертельно испуганные глаза, они (цветы. – прим. авторов Г. И. и А. М.) всего секунду лежали на поверхности и моментально бледнели, когда их подхватывал шпатель...»¹

Так ли далёк бездушный Жан-Батист Гренуй, герой романа «Парфюмер», воплощение гения-индивидуалиста, от простого обывателя? Этот вопрос, почти риторический, всё время не даёт покоя внимательному читателю до самого финала произведения, когда желание обладать Чудом и красотой в обыкновенных, пускай и порочных (что подчёркивает автор), людях превращается в остервенелое бешенство, стирая героя с лица земли.

Безусловно, Гренуй «воплощает собой худший кошмар художника “сделаться таким искусным ремесленником, когда воодушевление превра-

щается в безрассудство”»² [7, с. 207], но – что важнее – он показывает предел не только гениальности, но и самой человечности, за которым только болотный туман, мрак и пустота, что страшнее забвения.

Что же метамодернизм может противопоставить такой концепции понимания мира?

На этот вопрос Люк Тернер отвечает: «дискурс о сущности метамодернизма будет охватывать процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам» [11].

То есть «в противоположность ценностям постмодернизма – которые, по сути, представляют собой отказ от ценностей, жестокую иронию, порой откровенный сарказм, цинизм и деконструкцию – искусство метамодернизма стремится к реконструкции, к возрождению дискурса, великих повествований (*например, возрождение мифа* [14] (курсив авторов Г. И. и А. М.)), повторному рассмотрению религиозных концепций, трансцендентного/имманентного, поиску глубины и духовности в условиях современного мира с его экологической катастрофой, восстаниями, усталостью от поверхности и потребления. Соответственно, от китча, коллажей, абстракционизма, сюрреализма мы переходим к неоромантизму и магическому реализму» [10, с. 24].

Но при этом мы помним, что суть метамодернизма в маятниковом колебании между модернизмом и постмодернизмом, поэтому речь идёт не о принципиальном отказе, а о преодоле-

¹ Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 216 с.

² Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, Ладомир, 2003. 288 с.

нии влияния изживших себя авторитетов, о переосмыслении.

Коллаж как жанр, например, в постмодернизме и метамодернизме может иметь диаметрально противоположное значение.

Для первого он является воплощением идеи «руин», хаоса, конца истории. Описывая характер постмодернистской философии, Е. С. Григорьева говорит о полном распаде целого на фрагменты, по которым уже невозможно определить первоначальный вид, как об основе самого течения: «Процессуальность “распада мира вещей”, “космический хаос”, констатируемый постмодернистской философией, порождает и “хаос значений”, “хаос цитат”, “хаос означающих” в текстуальной феноменологии как вторичные по отношению к разрушению мира вещей. Как сформулировали Ф. Гваттари и Ж. Делез: “мы живём в век частичных объектов, кирпичей, которые были разбиты вдребезги, и их остатков. Мы уже больше не верим в миф о существовании фрагментов, которые, подобно обломкам античных статуй, ждут последнего, кто подвернётся, чтобы их заново склеить и воссоздать ту же самую цельность и целостность образа оригинала. Мы больше не верим в первичную целостность или конечную тотальность, ожидающую нас в будущем¹» [1, с. 64].

А для второго – для метамодернизма – это преодоление дискретного сознания и индивидуализма.

Так, например, в творчестве Герты Мюллер, лауреата нобелевской премии по литературе 2009 г., коллаж становится такой структурой, которая являет собой разбитое – разъятое – *целое*. Как эмоционально заметил корреспондент газеты «Коммерсант Weekend» И. Гулин, «Мы читаем не только слова, мы читаем швы между ними – зияния оборванных связей»².

Принцип коллажа наблюдается и в прозе автора, о чём свидетельствуют работы её исследователей А. В. Несмеянова, Л. Н. Полубояриновой, П. Боцци (Paola Bozzi), С. А. Кузнецова, а также в поэзии, о чём говорят и журналисты, и сами переводчики: «Слово, как человек в обществе, тихо сопротивляется, не даёт переделать себя в гаечку или винтик. Газета при социализме – модель общества, каждое слово в ней – проводник официальной идеологии, определяющей, как говорить, мыслить, улыбаться. Газета, разъятая на поэтический текст коллажа, получает лицо. Гаечка становится человеком»³.

Происходит процесс, обратный индивидуализации, которая, по словам Э. Фромма, превратила человека в деталь громадной экономической машины: «Если у него большой капитал, то он – большая шестерня; если у него ничего нет, он – винтик; но в любом случае он – лишь деталь машины и служит целям, внешним по отношению к себе» [12, с. 110].

² Гулин И. Монтаж катастрофы // Коммерсант Weekend. № 34 от 05.10.2018. С. 34.

³ Мюллер Г. Из книги «Бледные господа с чашечкой кофе в руках» / перевод с немецкого и вступительное слово Б. Шапиро // Интерпоэзия. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2015/1/14m-pr.html> (дата обращения: 05.12.2018).

¹ Рорти Р. Руины [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. Постмодернизм : [сайт]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/186/Gricanov_-_Noveyshiyy_filosofskiy_slovar._Postmodernizm.html (дата обращения: 29.06.2018).

Человек больше не гайка, не шестерня и не винтик. У него есть сознание, всё ещё тревожное, разрозненное пережитыми травмами, главные из которых – страх, одиночество, духовная изоляция, но оно стремится к целостности. И Герта Мюллер грамматически выражает это в своих произведениях: «Морфологически фрагментарность повествования поддерживается грамматическими временными формами *Rädsens* (*настоящее время*) и *Rädteritum* (*прошедшее повествовательное время*). Как известно, в немецком языке *Präsens* (*настоящее время*) может иметь и *вневременной характер* (курсив Г. И. и А. С.), обозначая события, которые хотя и осознаются, как происходящие «здесь и сейчас», но по своему масштабу выходят за рамки момента восприятия» [8, с. 101; 9, с. 191].

По сути, А. В. Несмеянов говорит о восприятии, типичном для мифического сознания, столь гармоничного для культуры средневековья. «Сверяться с началом (*arche* – греч. начало) было присуще и средневековой культуре, что отмечает, ссылаясь на С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревич: “Идея начала имеет для архаического сознания совершенно особый смысл: «начало» ... не только было, но и *как бы продолжает существовать как особый уровень бытия* (курсив Г. И. и А. С.)”» [2; 7, с. 205].

Именно это сознание подвигает героев произведений Герты Мюллер относиться ко всему живому как к частям единого организма (что резко контрастирует с позицией превращения всего в «сырьё», наглядно представленной, как мы смогли убедиться выше, в романе «Парфюмер»). Даже неодушевлённые вещи наделяются

особыми свойствами: «Абстрактное понятие “имя” (Name) и конкретный неодушевлённый предмет “зубные щётки” (Zahnbürsten) получают способность живых существ помнить или забывать что-либо» [9, с. 194].

А молчание для такого сознания является не пыткой, а благодатью – даром видеть незримое и познавать суть вещей, вникать в неё: «Молчание напрямую связано визуальным, индивидуальной оптикой, “вслушиванием глазами”, соответственно, с такими понятиями, как невербальное мышление (мышление “не словами”). Как рецептивно-познавательная практика, молчание подразумевает как принципиальную *неразложимость воспринимаемого визуального образа на его составляющие* (курсив авт. Г. И. и А. С.), несводимость его значения к единственно верной интерпретации (“замкнутое в себе, устойчивое состояние”), так и *одновременное существование* (курсив авт. Г. И. и А. С.) в нём “того, что долго не высказывалось, и того, что никогда не будет сказано”¹» [3, с. 50].

Иными словами, мы можем говорить о принципиально новом способе мышления и восприятия, созидающем в единое, нерушимое целое всё сущее. Именно в этом сокрыт принципиальный оптимизм творчества Г. Мюллер, по сути посвящённого проблеме социальной травмы и хрупкости отдельной личности перед тоталитарной системой.

Её взгляд позволяет увидеть абсолютную общность вещей, о которой

¹ Мюллер Г. В молчании мы неприятны, а когда заговорим – смешны (пер. с нем. М. Белорусца) // Иностранная литература. 2009. № 10. С. 253.

Ф. И. Тютчев сказал: «всё во мне, и я во всём!»¹ И показать её в первозданном виде почти детского мировосприятия:

*В конверте из перьев живёт петух,
в конверте из листьев кленовых –
аллея,*

*а заячья душа – в конверте меховом,
в конверте слёз спит озеро.*

*Жилище на углу – конверт особый:
наряд милиции толкнул с его бал-
кона*

*кого-то над бузиновым кустом.
Потом это называли*

*Самоубийством. Протокол о нём
живёт в бумажной крепости-кон-
верте.*

*а дама некая живёт
в конверте из волос, завязанных уз-
лом.²*

«Значит, физическое одиночество, индивидуализм и свобода не приравниваются к унынию. Напротив, в них как раз то и раскрывается подлинная радость» [6, с. 128]. Значит, человек – не одинок.

¹ Тютчев Ф. И. «Тени сизые смешались...» [Электронный ресурс] // Тютчевiana : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/102.html> (дата обращения: 08.12.2018).

² Мюллер Г. Три стихотворения / пер. Б. Шапиро [Электронный ресурс] // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/zz/2006/7/po8.html> (дата обращения: 08.12.2018).

То, на чём держался европейский индивидуализм (а вместе с ним и макроэкономическая модель, базирующаяся на протестантстве как идеологической составляющей и либерализме как политической) с жёсткой персонификацией, утилитаризмом и духовной отчуждённостью от мира, начинает меняться.

На смену тяги к разрушению приходит осознанное стремление к созиданию, к реконструкции и целостному мировосприятию. При этом речь не идёт о фанатичном отрицании прошлого и громких заявлениях о единственно правильной интерпретации истины – нет, мы можем говорить именно о преодолении старых концепций, об эволюции идей, об уважительном отношении к истории, к миру и к себе самим. Мы можем наблюдать становление нового, целостного, синкретического сознания, способного к глобальному миропониманию, ответственности и социально-полезной деятельности. Сознания, в котором вновь находит отражение «благородное дело» (В. Садовник) как основное качество зрелой, творческой личности.

Поэтому мы можем утверждать, что грядёт новая эпоха, которая, возможно, даст человечеству и всему миру шанс смело и уверенно встречать завтрашний день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева Е. С. Метамодернизм как практический романтизм // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник статей 6-й Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2016. С. 62–65.
2. Гуревич А. Я. Средневековая литература и её современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 276–314.

3. Кузнецов С. А. Значение концепта «Изобретенное восприятие» в поэтологической системе Герты Мюллер // *Успехи современной науки*. 2016. № 10. Том 3. С. 48–51.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
5. Мамукина Г. И. Неформальные объединения как объект социального управления: дисс. ... канд. соц. наук. М., 2004. 193 с.
6. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамодернизм в концепции А. Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // *Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2018. № 3 (39). С. 128–138.
7. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2018. № 5. С. 205–208.
8. Москальская О. И. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 2004. 352 с.
9. Несмеянов А. В. Способы субъективации повествования в романе Герты Мюллер «Atemschaukel» // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2015. № 4. Т. 1. С. 188–195.
10. Сербинская В. А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // *Парадигма: философско-культурологический альманах*. 2017. № 26. С. 22–30.
11. Тёрнер Л. Метамодернизм: Краткое введение / пер. Устинова А. // *Интернет-журнал METAMODERN*. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 03.07.2018).
12. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. Г. Ф. Швейника. М.: АСТ, 2016. 288 с.
13. Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры: Кижли-концепция. Кн. 1. Теория единого поля. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 664 с.
14. Demsey B. [Re]construction: Metamodern “Transcendence” and the Return of Myth [Электронный ресурс] // *Notes on Meramodernism* : [сайт]. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/> (дата обращения: 25.01.2017)
15. Mamukina G. I., Markova A. S. Metamodernism in the concept of A. E. Chuchin-Rusov “The single field of world culture” // *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-didactic researches*. 2018. No. 3 (22). P. 101–108.
16. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *Journal of AESTHETICS & CULTURE*. 2010. Vol. 2. P. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 23.12.2018).

REFERENCES

1. Grigor'eva E. S. [Metamodernism as a practical romanticism]. In: *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti ikh resheniya: sbornik statei 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The management of socio-economic development of regions: problems and ways of their solution: collected papers of the 6th International scientific-practical conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016. pp. 62–65.
2. Gurevich A. Ya. [Medieval literature and its modern perception. On the translation of the Song of the Nibelungs]. In: *Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniya* [From the history of the culture of the middle ages and Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., 1976. pp. 276–314.

3. Kuznetsov S. A. [The meaning of the “Invented perception” concept within the Herta Muller’s poetological system]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki* [Modern science success], 2016, no. 10, vol. 3, pp. 48–51.
4. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of a myth]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016. 320 p.
5. Mamukina G. I. *Neformal’nye ob»edineniya, kak ob»ekt sotsial’nogo upravleniya: dis. ... kand. sots. nauk* [Informal associations as an object of social management: PhD thesis in Sociological Sciences]. Moscow, 2004. 193 p
6. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodernism in the concept of A. Chuchin-Rusov “The single field of world culture”]. In: *Nauchnyi zhurnal Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Journal of Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], 2018, no. 3 (39), pp. 128–138.
7. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype of the “Blue flower” as a national code]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2018, no. 5, pp. 205–208.
8. Moskal’skaya O. I. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 352 p.
9. Nesmeyanov A. V. [The Methods of Subjectification of Narration in the Novel of Herta Müller “Atemschaukel”]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2015, no. 4, vol. 1, pp. 188–195.
10. Serbinskaya V. A. [Postmodernism and metamodernism: differentiation of the concepts and features of metamodernism in the modern literature]. In: *Paradigma: filosofsko-kul’turologicheskii al’manakh* [Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac], 2017, no. 26, pp. 22–30.
11. Turner L. [Metamodernism: A Brief Introduction]. In: *Internet-zhurnal METAMODERN*. [Online magazine METAMODERN]. Available at: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (accessed: 03.07.2018).
12. Fromm E. *Escape From Freedom* (Russ. ed.: Schveinik G. F., transl. *Begstvo ot svobody*. Moscow, AST Publ., 2016. 288 p.).
13. Chuchin-Rusov A. E. *Edinoe pole mirovoi kul’tury: Kizhli-kontseptsiya. Kn. 1. Teoriya edinogo polya* [Unifield field of world culture: Kizhli concept. Book 1. Theory of the unified field.]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 664 p.
14. Demsey B. [Re]construction: Metamodern “Transcendence” and the Return of Myth. In: *Notes on Meramodernism*. Available at: <http://www.metamodernism.com/2015/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/> (accessed: 25.01.2017).
15. Mamukina G. I., Markova A. S. Metamodernism in the concept of A. Chuchin-Rusov “The single field of world culture”. In: *Scientific Journal of Modern Linguistic and Methodical and didactic researches*, 2018, no. 3 (22), pp. 101–108.
16. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. In: *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, p. 6. Available at: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (accessed: 23.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – независимый исследователь; инженер Московского вертолётного завода имени М.Л. Миля;
e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова;
e-mail: mamukina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – independent researcher; engineer at Mil Moscow Helicopter Plant;
e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – PhD in Sociological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mamukina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I. Metamodernism: overcoming discreteness and individualism. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 88–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-99-106

ДИНАМИКА ОСМЫСЛЕНИЯ РУССКОЙ БАТАЛЬНОЙ ОДЫ В XVIII ВЕКЕ

Ратников А. Н.*Московский государственный областной университет**141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская область,
Российская Федерация*

Аннотация. Цель данной статьи – выявить взаимосвязь исследований батальной оды русскими писателями и критиками XVIII в. Автором статьи проанализирован характер работ В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, А. П. Шувалова, А. А. Волкова, М. М. Хераскова, Н. И. Новикова в рамках исследований проблематики батальной оды. Представленное в творчестве указанных авторов осмысление жанра батальной оды иллюстрирует процесс смены нормативно-теоретических принципов жанровой характеристики более подвижными историко-литературными подходами, связанными с развитием художественного сознания эпохи от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу, что становится свидетельством смены творческих установок эпохи в целом. Статья адресована исследователям русской литературы XVIII в., студентам-филологам.

Ключевые слова: батальная ода, классицизм, жанр, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Н. И. Новиков, М. М. Херасков, В. П. Петров.

DYNAMICS OF UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN BATTLE ODE IN THE 18TH CENTURY

A. Ratnikov*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to identify the relationship between the researches of battle ode done by Russian writers and critics of the 18th century. The author of the article analyzes the nature of the works of V. Trediakovsky, M. Lomonosov, M. Sumarokov, A. Shuvalov, A. Volkov, M. Kheraskov, N. Novikov in the framework of research of battle ode. The conceptualization of battle ode genre in the works of these authors illustrates the process of changing the normative-theoretical principles of genre characteristics to the more mobile historical and literary approaches, associated with the development of artistic consciousness of the era from the normative-traditionalist to the individual-creative type, which is an evidence of the change of creative guidelines of the era as a whole. The article is addressed to researchers of the Russian literature of the 18th century, students-philologists.

Keywords: battle ode, classicism, genre, V. Trediakovsky, A. Sumarokov, N. Novikov, M. Kheraskov, V. Petrov.

Неизменный интерес к раннему периоду развития теоретико- и историко-литературных представлений в России XVIII в. способствовал тому, что к настоящему времени сложилась в целом завершённая модель движения от нормативно-традиционалистских трактатов к первым опытам историко-литературного описания, которые вместе с развивавшейся в ту пору литературной критикой свидетельствовали о новом, индивидуально-творческом типе художественного сознания [5]. Проблема, поставленная и решаемая в данной статье, – специфика первых российских откликов на батальную оду, которая, будучи одним из самых устойчивых и нормативно закреплённых жанров классицизма, тем не менее также оказывается в центре эстетического поиска эпохи, а её осмысление в различных нормативных трактатах и первых опытах историко-литературных описаний также становится свидетельством смены творческих установок эпохи.

Становление жанра оды в России XVIII в., а также зарождение оды батальной начинается в рамках реформы русского стихосложения, которая связана с известными работами В. К. Тредиаковского «Рассуждение об оде вообще», «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и его «Одой торжественной о сдаче города Гданска», а также с работой М. В. Ломоносова «Письмо о правилах российского стихотворства», в которой был проработан вопрос о типах ритмической организации текста [11, с. 10] и с его «Одой на взятие Хотина», которая, по словам исследователей, «стала этапоном батальной лирики на многие десятилетия» [8, с. 186]. Осмысление

жанра при этом осуществляется в сугубо нормативном ключе – литературная практика лишь иллюстрирует теоретические построения, и конечная цель автором осознаётся именно как разработка жанрового канона, перенесение на русскую почву поэтической формы, подкрепляемой литературным авторитетом Буало (см. «Поэтическое искусство», статья “Discours sur l’ode” и его «Ода на взятие Намюра», ставшая образцом батальной оды во французской литературе¹).

Выделяя из обширного теоретического наследия французского классицизма именно батальную оду, первые русские теоретики обозначили тем самым её важность для отечественной жанровой системы и таким образом заложили основы последующего развития батальной оды XVIII столетия.

Интересную теоретическую трансформацию получает жанр батальной оды в стихотворном трактате А. П. Сумарокова «Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве», а также в авторских примечаниях к данному произведению. Во второй эпистоле – о стихотворстве – Сумароков, отчасти также опираясь на трактат Буало, приводит строки, в которых представляет определённый «поэтический образец» построения од, в том числе од батальных:

*Гремящий в оде звук, как вихорь,
слух пронзает,*

*Хребет Рифейских гор далёко
вышает,*

*В ней молния делит наполю
горизонт,*

¹ Буало Н. Рассуждение об оде // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 266.

*То верх высоких гор скрывает бур-
ный понт*

...

*Великий Пётр свой гром с берегов
Балтийских мечет,*

*Российский меч во всех концах все-
ленной блещет.*

*Творец таких стихов вскидает всю-
ду взгляд,*

*Взлетает к небесам, свергается во ад,
И, мчась в быстроте во все края все-
ленны,*

*Врата и путь везде имеет отворе-
ны* [10, с. 118].

Данный фрагмент стихотворного трактата Сумарокова интересен прежде всего тем, что в нём Сумароков представляет основы торжественной батальной оды. Подобно Буало, опиравшемуся в суждениях об оде на сложившуюся литературную практику, Сумароков при оформлении своей теории русского классицизма берёт за основу уже существующие произведения отечественных авторов. Включённая в целостную жанровую систему (к тому же выстроенную с отказом выделять «главный» или «единственный» достойный жанр – «Всё хвально: драма ли, эклога или ода...» [10, с. 125]) батальная ода обретает у Сумарокова не только теоретическое, но отчасти и практическое обоснование, что впоследствии было продолжено в первых собственно историко-литературных опытах второй половины XVIII в. [9, с. 434].

Начиная с 1760-х гг. стали появляться в печати работы, в которых авторы предпринимали попытки изучения истории становления и развития русской литературы. Первые такие работы были написаны на иностранных языках и опубликованы в иностран-

ных литературных журналах. В 1760 г. во французском журнале “L'annee littéraire” А. П. Шувалов разместил «Письмо русского вельможи» (“Lettre d'un seigneur russe”). В данном сочинении автор сопоставляет произведения М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, в том числе характеризует «Оду о шведской войне» Ломоносова как яркий образец батальной оды. «Письмо...» Шувалова интересно тем, что оно знакомит зарубежного читателя с русской литературой; фрагменты оды Шувалов самостоятельно переводит на французский язык, пытаясь передать поэтические находки Ломоносова. Вот как Шувалов характеризует Ломоносова: «Ломоносов – гений творческий; ... Он велик, когда нужно изобразить избиение и ужасы сражений, когда нужно описать ярость, отчаяние сражающихся, когда нужно нарисовать гнев богов, их кары, которыми они нас наказывают, и бедствия, разоряющие землю; ... Ода его о шведской войне – шедевр, который обессмертил его» [2, с. 357]. Интересны фрагменты оды, на которых останавливается автор. Прежде чем привести пример, он даёт предварительное объяснение своего выбора, обозначает контекст. Шувалов сообщает, что данными литературными образами Ломоносов описывает победу русской армии над шведами:

*Всяк мнит, что равен он Алкиду,
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит;
Пронзает, рвёт и рассекает;
Противных силу презирает;*

*Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с головой, там труп ле-
жит,*

*Там меч с рукой отбит валится,
Коль злоба жестоко казнится* [2,
с. 358–359]

Данная работа Шувалова являет собой один из первых обзоров, затрагивающих проблематику батальной оды, хотя, несомненно, она носит выборочный характер: автор не выделяет батальную оду как отдельный жанр. Цель автора – популяризация русской литературы как полноправной части мировой культуры. Эта статья прежде всего выражает потребность русских писателей и литературных критиков иметь возможность публиковать свои работы в периодических изданиях и альманахах, а также иметь возможность литературного общения с европейскими культурами того времени.

В 1768 г. в немецком журнале *Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und Fregen der Künste* А. А. Волков издал «Известие о некоторых русских писателях» (*“Nachricht von einigen russischen Schriftstellern”*). В данной работе в порядке хронологии содержится описание сорока двух русских писателей. В отношении од Ломоносова и Сумарокова Волков даёт такие характеристики: «Михаил Ломоносов ... Оды его и похвальные слова – образцовые в своём роде сочинения; ... Александр Сумароков ... Оды его не так удачны, как ломоносовские» [3, с. 131, 134]. В рамках «Известия», к сожалению, нет каких-либо других, более детальных и глубоких исследований одического наследия Ломоносова и Сумарокова. Данная статья Волкова носит краткий обзорный характер, состоит из статей

с лаконичными характеристиками писателей.

Ещё одна статья, которая имела информационный характер, «Рассуждение о российском стихотворстве» М. М. Хераскова, была предпослана французскому переводу поэмы «Чесменский бой» в 1772 г. Она также была призвана познакомить зарубежного читателя с русской литературой. В «Рассуждении...» Херасков пишет о Ломоносове и его батальной оде «На взятие Хотина» следующее: «Наконец, явился Ломоносов; сей великий муж, столь превосходными дарованиями наделённый, после того как в чужих краях приобрёл знания наук важных, чувствуя природную свою склонность к стихотворству, сочинил ещё в бытность свою студентом в Галле (Ошибка Хераскова: ода сочинена Ломоносовым в Фрейберге) оду на взятие Хотина в 1739 г. Сие творение, того же года в Россию посланное, оказало великое сего сочинителя дарование и обучило россиян правилам истинного стихотворения. Оно написано ямбическими стихами в четыре стопы; сменение стихов и мера лирических строф тут точно соблюдены, и к чести сего славного пиита признать должно, что сие первое творение есть из числа лучших его од» [4, с. 267–270]. Херасков отмечает, что Ломоносов создал для русской литературы великолепные образцы «ямбических стихов александрийских» и стихи его достойны «величайшей похвалы», в особенности, его оды. В рамках своего «Рассуждения...» Херасков приводит краткий историко-литературный разбор батальной оды Ломоносова, более подробно, чем Волков, но также ограничиваясь тезисами, носящими обзорный характер.

В том же году, что и «Рассуждение...» Хераскова, выходит труд Н. И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков» (1772 г.). Данная работа сыграла большую роль в развитии историко-литературного знания в России, в ней автор собрал значительный по объёму и научному значению материал. «В словаре помещены статьи о 317 авторах. Временной охват – от Нестора-летописца до ближайших современников» [6, с. 108].

Для оценки отношения Новикова к батальной оде интересно мнение автора о Василии Петровиче Петрове, авторе, которого поддерживал двор и который был известен в том числе множеством батальных од. Острота проблемы усиливалась тем, что современники нередко сравнивали Петрова с Ломоносовым, сама Екатерина Вторая в изданном анонимно «Антидоте» приравнивала Ломоносова к Петрову: «Из наших молодых писателей невозможно обойти молчанием имя г. Петрова, библиотекаря личной библиотеки императрицы. Сила поэзии этого молодого писателя приближается уже к силе г. Ломоносова, и у него более гармонии» [1, с. 428]. Новиков имеет иное мнение, для него несомненно, что стихи Петрова «из которых “Ода на карусель”, поэма “На победы российского воинства”, оды “На победы российского флота при Хиосе в Морее” и “На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова”, ... так, как и другие его оды ... некоторыми много похваляются... и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым; но для сего

сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения, и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов, или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова». [3, с. 81–82]. По справедливому мнению А. Э. Скворцова, именно статья о Петрове стала наиболее интересным выражением литературной полемики на страницах «Словаря...» Новикова, в результате чего личность поэта и его вклад в историю русской поэзии практически растворялся в «безликой» массе [7, с. 128–129].

Работа Н. И. Новикова интересна тем, что послужила образцом для многих последующих работ данного типа, например, «Словарь исторический» и «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» митрополита Евгения Болховитинова.

Подводя итог, следует отметить, что у русских писателей XVIII в. ярко проявился интерес к литературно-теоретическим вопросам. В самых ранних работах русская литература воспринимается как совершенно новое явление, которое находится в стадии зарождения, но которому предстоит занять своё место в ряду европейских литератур. Жанр батальной оды, один из самых устойчивых в литературе классицизма, может быть интересным образцом того, как нормативно-теоретические принципы жанровой характеристики постепенно сменялись более подвижными историко-литературными подходами. Учёт национальной литературной практики, оценка творчества наиболее значительных поэтов, обращавшихся к этому жанру, отклики на литературную полемику, –

все эти подходы присутствуют в обращениях к батальной оде во второй половине XVIII в., что представляется важной параллелью тем процессам трансформации оды, которые проис-

ходили позже в творчестве Г. Р. Державина и свидетельствовали о смене поэтико-эстетических систем русской литературы на рубеже столетий в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д'Отероша о России // Оснадцатый век. Кн. 4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, 1869. С. 225–463
2. Берков П. Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века: II. «О письме молодого русского вельможи» // XVIII век. Сборник статей и материалов. Сб. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935. С. 351–366.
3. Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб.: Типография И. И. Глазунова, 1867. 216 с.
4. Западов В. А. Русская литература XVIII века, 1770–1775. М.: Просвещение, 1979. 447 с.
5. Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей / отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
6. Пуряева Н. Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н. И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 107–117.
7. Скворцов А. Э. Две сатиры на литературные нравы (Василий Петров и Петр Вяземский) // Михаил Муравьев и его время: коллективная монография по материалам Шестой Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. С. 121–140.
8. Скибин С.М. Функции батального эпизода в оде Ломоносова «На взятие Хотина» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2(10). С. 181–187. URL: <http://www.vestospu.ru/archive/2014/articles/Skibin2-10.html> (дата обращения: 12.11.2018).
9. Соловьёв А. Ю. Материалы для библиографии А. П. Сумарокова и литературы о нём (1966–2016) // XVIII век. Сборник 29. Литературная жизнь России XVIII века. М., СПб: Альянс-Архео, 2017. С. 434–528.
10. Сумароков А. П. Эпистола II // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 115–125.
11. Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.

REFERENCES

1. [Antidote. Catherine the Great's Polemic Essay, or the Analysis of Chapp d'Oteroche's Book about Russia]. In: *Osmnadsatyi vek. Kn. 4* [Eighteenth century. Book 4]. Moscow, Tip. T. Ris u Myasnitskikh vorot Publ, 1869. pp. 225–463.
2. Berkov P. N. [Unused materials for the history of The Russian literature of the 18th century: II. "On the letter of a young Russian grandee"]. In: *XVIII vek. Sbornik statei i materialov. Sb. 1* [18th century. A collection of articles and materials. Col. 1]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1935. pp. 351–366.

3. Efremov P. A. *Materialy dlya istorii russkoi literatury* [Materials for the Russian literature history]. St. Petersburg, Tipografiya I. I. Glazunova Publ., 1867. 216 p.
4. Zapadov V. A. *Russkaya literatura XVIII veka, 1770–1775* [Russian literature of the 18th century, 1770–1775]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 447 p.
5. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhailov A. V. [Category of poetry in the change of literary eras]. In: Grintser P. A., chief ed. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: sbornik statei* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness: collection of articles]. Moscow, Nasledie Publ., 1994. pp. 3–38.
6. Puryaeva N. N. [Female writers in the first dictionary of Russian writers by N. Novikov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 3, pp. 107–117.
7. Skvortsov A. E. [Two satires on literary mores (Vasily Petrov and Peter Vyazemsky)]. In: *Mikhail Murav'ev i ego vremya: kollektivnaya monografiya po materialam Shestoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Mikhail Muravyov and his time: a collective monograph on the materials of the 6th All-Russian scientific-practical conference]. Kazan, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr «Shkola» Publ., 2017. pp. 121–140.
8. Skibin S. M. [Functions of a battle episode in the Lomonosov's "Ode on the Taking of Khotin"]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnii nauchnii jurnal* [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2014, № 2(10), pp. 181–187. Available at: <http://www.vestospu.ru/archive/2014/articles/Skibin2-10.html> (accessed: 12.11.2018).
9. Solov'ev A. Yu. [Materials for a bibliography of A. Sumarokov and literature about him (1966–2016)]. In: *XVIII vek. Sbornik 29. Literaturnaya zhizn' Rossii XVIII veka* [18th century. Collection 29. The literary life of Russia of 18th century]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2017. pp. 434–528.
10. Sumarokov A. P. [The Epistle II]. In: Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. pp. 115–125.
11. Bukharkin P. E., Volkov S. S., Matveev E. M., chief ed. *Filologicheskoe nasledie M. V. Lomonosova* [Philological heritage of M. Lomonosov]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ратников Александр Николаевич – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: ratnikoff.alex@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Ratnikov – postgraduate student at the Department of Classical Russian literature, Moscow Region State University;
e-mail: ratnikoff.alex@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ратников А. Н. Динамика осмысления русской батальной оды в XVIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 99–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-99-106

FOR CITATION

Ratnikov A. N. Dynamics of understanding of the Russian battle ode in the 18th century. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 99–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-99-106

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-107-114

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В АЛЬМАНАХЕ Н. М. КАРАМЗИНА «АОНИДЫ»

Ратникова О. Е.*Московский государственный областной университет**141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская область,**Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной статьи является выявить взаимосвязь лирических стихотворений Г. Р. Державина на страницах альманаха Н. М. Карамзина «Аониды», доказав тем самым, что произведения Державина, в том или ином ключе обращённые к образу женщины и опубликованные во всех трёх книжках «Аонид», представляют собой метатекст. Автором статьи проанализирован характер творческого взаимодействия Карамзина как издателя и Державина как поэта. Основное содержание исследования составляет анализ девяти произведений Державина, воплощающих женские образы и опубликованных в «Аонидах» Карамзина с 1796 по 1799 гг. Проведённый анализ позволил выявить устойчивый набор мотивов, связанных с воплощением женского образа в произведениях Державина. Статья адресована студентам-филологам, исследователям русской литературы XVIII в.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, «Аониды», альманах, лирическая поэзия.

LYRICAL POETRY OF G. DERZHAVIN IN N. KARAMZIN'S ALMANAC "AONIDY"

O. Ratnikova*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The purpose of this article is to reveal the relationship between G. Derzhavin's lyrical poems on the pages of N. Karamzin's almanac "Aonidy", thus proving that the works of Derzhavin, that were published in all three books of the almanac and in one way or another addressed the image of women, represent the metatext. The author of the article analyzes the nature of the creative interaction between Karamzin as a publisher and Derzhavin as a poet. The main content of the research is the analysis of nine of Derzhavin's works, embodying images of women and published in Karamzin's almanac from 1796 to 1799. The analysis allowed to identify a stable set of motifs associated with the embodiment of the female image in Derzhavin's works. The article is addressed to students-philologists, researchers of the Russian literature of the 18th century.

Keywords: G. Derzhavin, N. Karamzin, "Aonidy", almanac, lyric poetry.

Вслед за первым русским альманахом «Аглая», где издатель публиковал преимущественно свои произведения, Н. М. Карамзин предпринимает очередную попытку создать альманах, который в отличие от предыдущего охватил бы широкий круг писателей. Идея эта воспринимается литературным сообществом конца XVIII в. с восторгом. В письме к И. И. Дмитриеву от 20 декабря 1795 г. Карамзин напишет: «Все здешние стихотворцы... радуются мысли о русском "L'almanach des Muses", все обещают плакать и смеяться в стихах, чтобы занять местечко в нашей книжке» [7, с. 247].

Столь яркое событие, как издание нового литературного альманаха, не могло оставить в стороне и Г. Р. Державина, который по удивительному стечению обстоятельств именно в этот период своей жизни испытывал эмоциональный и творческий подъём, связанный во многом с повторным вступлением в брак. Примечательно здесь то, что не только поэт ищет возможность опубликовать свои произведения в издании старого приятеля, но и сам издатель непременно жаждет получить от Державина плоды его творений. В переписке с Дмитриевым ещё в октябре 1795 г., излагая свои идеи о создании нового альманаха, Карамзин напишет: «... а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавриилу Романовичу ...». В этом же письме издатель обозначит краткую программу «Аонид»: «Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике... Если мало наберём хорошего, поместим изрядное... Таким образом, всякий год могли бы мы выдавать маленькую книжку – и дамам нашим не стыдно бы

было носить её в кармане» [7, с. 247]. Примечательно здесь то, что Карамзин очерчивает силуэт читательской аудитории будущего альманаха: теперь это не только собратья по перу или просвещённые мужи, но и светские дамы. Не зря издатель прагматично продумывает и формат будущих книжек – «в маленьком формате на голландской бумаге», то есть такой, который будет эстетически приятен дамам.

Подобное определение целевой аудитории «Аонид» не случайно. Карамзин как человек поистине прогрессивного ума безошибочно улавливал веяния эпохи, которые задала ещё Екатерина II, показав всем, что женщина ничуть не хуже мужчины может разбираться в науках и искусстве [1, с. 87–88; 2]. Нельзя оставить без внимания и то, что на страницах «Аонид» были опубликованы произведения, принадлежавшие дамскому перу¹. Таким образом, как отмечает Ю. М. Лотман, в конце XVIII в. «особая надежда возлагалась на женщин. Дамский вкус делался верховным судьёй литературы, а образованная, внутренне и внешне грациозная, приобщённая к вершинам культуры женщина – воспитательницей будущих поколений просвещённых россиян» [5, с. 360]. Происходила постепенная перестройка общественного сознания, и хотя женщина, рассматриваемая через призму «мужского» мира, пока не играла ключевой роли в литературной жизни того времени, но образ её обозначился и занял определённое место.

Казалось бы, как в подобном контексте мог прозвучать Державин с его торжественными, батальными или

¹ См. об этом статью Николайчук Д. Г. [10].

философскими одами¹? Однако величие таланта поэта проявляется именно в его многогранности; так, в период с 1794 по 1799 гг. творчество Державина наполняется субъективно-эмоциональной интонацией. Нельзя, однако, понимать данное утверждение как отход Державина от объёмных величественных од, как нельзя обозначать линию женского образа в «Аонидах» Карамзина как главенствующую. Ведь опубликованы в альманахе и державинские оды «На покорение Дербента», «На кончину графа Орлова», «На Мальтийский орден», «Орёл» и др., как в свою очередь сам альманах представил на суд читателю произведения тридцати восьми авторов, которые были разнообразны по тематическому и жанровому оформлению. Но примечательно то, что из 16 произведений Державина, опубликованных в «Аонидах», половина в том или ином ключе обращена к образу женщины. Таким образом, считается возможным выделить стихотворения Державина, обращённые к мотивам любви и осмыслению образа женщины, на страницах альманаха как отдельную линию, которая переходит из одной книжки «Аонид» в другую, представляя собой неразрывное целое – своеобразный «метатекст».

В подтверждение данной мысли обратим внимание на то, что во второй книжке «Аонид» за 1797 г. Карамзин печатает стихотворения Державина «Сафе» и «Пчёлка», относящиеся к 1794 г. То есть издатель сознательно подбирает произведения, komponуя их в соответствии со своим замыслом, в

то время как Державин, не выступая при этом лишь как слепое орудие, на уровне творческой интуиции создаёт произведения, созвучные веянию эпохи. В одной из своих работ Т. А. Алпатов пишет о Карамзине: «... как глава формирующегося направления в словесности, он сам выступил... в качестве издателя, способного оценить тенденции читательских интересов и попытаться, воздействуя на них, актуализировать ту творческую стратегию, в которой, по мысли Карамзина, и нуждалась русская литература на рубеже веков» [3, с. 6]. Таким образом, считается возможным рассматривать в рамках «Аонид» поэзию Державина, связанную с мотивами любви и осмыслением образа женщины, как метатекст внутри метатекста².

К поэзии такого рода, напечатанной в «Аонидах», отнесём следующие произведения Державина: «Спящий Эрот», «Хариты» (1-ая книжка, 1796), «Мечта», «Пчёлка», «Сафо», «К Сафе», «К Музе», «Призывание и явление Плениры» (2-ая книжка, 1797) и «Арфа» (3-ья книжка, 1799). В. Муравьёв пишет: «В августе 1797 года вышла вторая книжка “Аонид”. Она была интереснее и разнообразнее первой. В ней представлены около двадцати поэтов и, как правило, произведениями, которые в их творчестве остались в числе лучших» [6, с. 58]. Действительно, вторая книжка альманаха удалась на славу, сам Державин упоминает о том, что получил её и читает, в письмах к Дмитриеву от 5 августа 1796 г. и

¹ О творческом взаимодействии Г. Р. Державина с альманахом «Аониды» см. также работы Николайчук Д. Г. [8; 9].

² Вопрос о принципах работы Карамзина в подборке стихотворений для книжек альманаха «Аониды», а также о формирующихся за счёт такой подборки минисюжетов см. у Биткиновой В. В. [4].

к В. В. Капнисту от 9 августа того же года¹. Примечательно, что из девяти державинских произведений, опубликованных во второй книжке «Аонид», шесть посвящены женщине.

Обращение к вышеупомянутым девяти стихотворениям как некому микроциклу в рамках альманаха «Аониды» продиктовано возможностью выявить устойчивый набор мотивов, связанных с воплощением женского образа в произведениях Державина. Героиня всегда идеальна, она являет собой образец красоты, непорочности, наивной простоты, чувствительности, но при этом и мудрости. Женщина в стихах Державина всегда связана с божественным началом: она способна украсить Олимп своим танцем: «Видел ли харит пред ними, / Как, под звук приятных лир, / Плясками они своими / Восхищают горный мир...» («Хариты»)², убажить слух звуками арфы, ведь «чело» исполнительницы «венчает вкуса бог» («Арфа»)³ или явиться как видение, как сон: «Я вижу, ты в тумане / Течёшь ко мне рекой!» («Призывание и явление Плиниры»)⁴.

При всем своём синкретизме, характерном для державинской поэзии в целом, образ женщины в конкретных его произведениях, а в частности,

в тех, что опубликованы в «Аонидах», можно дифференцировать по той характерной черте, которая в данном конкретном произведении в женском образе является определяющей. Так, репрезентация образа женщины в одних стихотворениях будет отличаться от репрезентации в других при том, что в целом образ женщины будет неизменно возвышенным и приближенным к идеалу. Представляется возможным рассмотреть женский образ в поэзии Державина в трёх ипостасях: эстетической (как объект красоты), эмоциональной (как объект любви) и божественной (как источник вдохновения).

Эстетическое начало выходит на первый план уже в стихотворении «Спящий Эрот», которое предваряет галерею женских образов в последующих лирических стихах Державина появлением граций, хитростью привязавшим Эрота к своей красоте. Этим стихотворением автор словно оправдывает мужчин, которых из века в век чудесным образом пленяет красота женщины: «Не разлучны с тех пор стали –/ Где Приятность – тут Любовь» (заглавные буквы. – Авт.)⁵.

Именно поэтому в произведениях Державина, где образ женщины преподносится как воплощение красоты, особое внимание уделяется портрету героини (героинь). В стихотворении «Хариты», посвящённом танцу великих княжон, Александры Павловны и Елены Павловны, находим яркое описание танца девушек, где акцент делается на внешней грациозности и красоте героинь: «Важно павами плывут... /

¹ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1871. С. 55.

² Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 1. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 117.

³ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 3. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1798–1799. С. 14.

⁴ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 291.

⁵ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 1. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 30.

Величавый мечут взгляд... / Как хитоны их эфирны, / Льну подобные власы, / Очи светлые, сафирны / Помрачают всех красы... / ...им равных нет...»¹ В шутовском стихотворении «Пчёлка», адресованном второй супруге поэта, также видим развёрнутый портрет героини: «Соты ль душисты / В жёлтых власах, / Розы ль огнисты / В алых устах, / Сахар ли белый / Грудь у неё?»². Когда лирический субъект лишь наблюдает за женщиной, восхищаясь её грациозностью и красотой, его душу ничто не тревожит, до тех пор пока к объекту наслаждения не просыпаются чувства. Тогда женщина перестаёт быть просто красивой картинкой: «Увижу ль я сие, – и вмиг / Трепещет сердце, грудь теснится, Немеет речь в устах моих / И молния по мне стремится» («Сафо»)³.

В стихотворении «Сафе» поэт сокрушается, что у него нет той «всесильной лиры», чтоб описать «свою любовь». Это сильное чувство, рождаемое женщиной в сердце мужчины, поэт описывает как «пламень», который «жгёт кровь», его можно описать лишь «страстным, пылким тоном»⁴. Образ женщины как источника любви в поэзии Державина всегда сопряжён с сильным переживанием, накалом эмоций до предела: любовь или смерть. В «Мечте» повествование идёт от лица

женщины. Чувство любви её захватывает: «Стояла бездыханна, млела / И с места не могла ступить; / Уйти хотела, не умела, – / Не то ль зовут *любить*?»⁵. Однако любовь поражает не только сердце женщины, но и мужчины. В стихотворении «Призывание и явление Пленеры», написанном в связи со смертью первой супруги, Державин сокрушается: «... нет уж половины / Во мне души моей»⁶. То есть с утратой объекта любви герой утрачивает и часть себя. Залечить эту рану возможно лишь другой женщине, новой любви: «Миленой половину / Займи души твоей»⁷. И всё же, как ни сильны переживания любви, лирический герой находит покой во взаимности, а тон стихотворений, уже посвящённых женщине-музе, проникнут светом и умиротворением.

В стихотворении «К Музе» образ женщины-вдохводительницы позволяет мужчине увидеть мир в красках, ярким, насыщенным (не случайно стихотворение наполнено яркими эпитетами: «золотую», «голубую», «зелену», «рдяну», «лучезарнее»; метафорами: «желтеют», «алеют», «блещет», «серебром»⁸). Лирический субъект обнаруживает красоту окружающего мира в мелочах, замечает то, на что раньше не обращал внимания: «Смотри: как цепью птиц станицы / Летят

¹ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 1. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 118.

² Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 140.

³ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 234.

⁴ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 236.

⁵ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 138.

⁶ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 291.

⁷ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 291.

⁸ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 2. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 271.

под небом и трубят... / Смотри: в про-
талилах желтеют, / Как звёзды, меж
снегов цветы... / Смотри: как солнце
золотое / Днесь лучезарное горит...»¹.
И всё это благодаря женщине. Цвет и
настроение стихотворения «К Музе»
созвучны «Арфе», помещённой в тре-
тьей книжке «Аонид». Слыша звуки
арфы, извлекаемые женщиной, поэт
восторгается: «Как весело внимать,
когда с тобой она / Поёт про родину,
отечество драгое / И возвещает мне,
как там цветёт весна, / Как время ка-
тится в Казани золотое!»².

Женщина-муза – идеальное вопло-
щение женского образа у Державина,
его венчает образ арфы или лиры, при-
сутствующий во многих стихотворени-
ях. Образ женщины-аониды позволяет
закольцевать произведения поэта в
издании Карамзина: в первой книжке
были опубликованы «Хариты», а в тре-
тьей, и последней, «Арфа». В «Харитах»,
как мы отметили, ведущим является
мотив эстетической красоты женщины,
однако он тесно переплетён с мотивом
искусства, так как именно созерцание
красоты танцующих «младых харит»
вдохновляет поэта на создание сти-

хотворения (бог Парнаса вручает ему
лиру), а в стихотворении «Арфа» мы
вновь видим поэта-творца, вдохнов-
лённого «волшебным звуком» арфы
«под быстрою рукой играющей хари-
ты». Таким образом, первое и послед-
нее стихотворения Державина в аль-
манахе объединены образом женщины
и искусства, что позволяет говорить
о кольцевой композиции микроцик-
ла лирических стихотворений поэта в
«Аонидах», который тематически со-
звучен заглавию издания и одной из его
ведущих тематических направлений.

В конечном счёте, любовная поэзия
Державина – это попытка ответить на
вопрос, за что мужчина любит жен-
щину. И ответ поэт находит как раз в
трёх составляющих женского образа:
эстетической, эмоциональной и бо-
жественной. Условность поэтическо-
го образа при этом обогащается как
благодаря субъективно-эмоциональ-
ной значимости обращения поэта к
«женской» теме, так и разнообразию
лирических ситуаций, определяющих
мотивную структуру стихотворений.
Державинские стихи, посвящённые
осмыслению любви и женщины, на
страницах альманаха Н. М. Карамзина
«Аониды» способствовали как творче-
скому становлению самого поэта, так и
оформлению сентиментально-предро-
мантической художественной системы
русской лирики рубежа XVIII–XIX вв.

¹ Аониды, или Собрание разных новых сти-
хотворений. Кн. 2. М.: Университетская типо-
графия, у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 271.

² Аониды, или Собрание разных новых сти-
хотворений. Кн. 3. М.: Университетская типо-
графия, у Ридигера и Клаудия, 1798–1799. С. 14.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Т. И. Жанр анекдота в творчестве Екатерины II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 5. С. 83–88.
2. Акимов Т. И. Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII–начала XIX века: монография. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2013. 276 с.
3. Алпатов Т. А. Издательская стратегия Н. М. Карамзина и проблемы поэтики повествования // Филологос. 2012. № 13 (июнь). С. 5–11.

4. Биткинова В. В. «Аониды» – альманах «содружества» поэтов // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2012. С. 127–137.
5. Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллин: Александра, 1992. С. 350–368.
6. Муравьев В. Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с. (Серия: Жизнь замечательных людей).
7. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. В 2 ч. Ч. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1866. 398 с.
8. Николайчук Д. Г. Автобиографические произведения Г. Р. Державина в альманахе «Аониды» // Филологические этюды: сборник научных статей молодых учёных. Вып. 17: в 2 кн. Кн. 1. Саратов: Саратовский государственный университет, 2014. С. 168–172.
9. Николайчук Д. Г. Державинские стихотворения в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды» // Г. Р. Державин и его эпоха: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции филологического факультета / отв. ред. В. В. Молчановский, Е. К. Петривная. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2013. С. 159–165.
10. Николайчук Д. Г. Женская поэзия на страницах альманаха Н. М. Карамзина «Аониды» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 4. С. 67–74.

REFERENCES

1. Akimova T. I. [The genre of anecdote in the work of Catherine II]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2011, no. 5, pp. 83–88.
2. Akimova T. I. *Rol' literaturnogo tvorchestva Ekateriny II v stanovlenii dvoryanskogo samosoznaniya kontsa XVIII–nachala XIX veka* [The role of the literary work of Catherine II in the development of the nobiliary self-consciousness of the late 18th – early 19th century]. Saransk, University of Mordovia Publ., 2013. 276 p.
3. Alpatova T. A. [M. Karamzin's publishing strategy and the problems of poetics of narration]. In: *Filologos* [Filologos], 2012, no. 13 (june), pp. 5–11.
4. Bitkinova V. V. ["Aonidy" – the almanac of the "commonwealth" of poets]. In: Fedoseeva T. V., ed. *Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, estetika, poetika* [Literature of the Russian pre-romanticism: ideology, aesthetics, poetics]. Ryazan, Ryazan State University named for S. Yesenin Publ., 2012. pp. 127–137.
5. Lotman Yu. M. [Russian literature in the French language]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 2. Stat'i po istorii russkoi literatury XVIII – pervoi polovini XIX veka* [Selected papers: in 3 vols. Vol. 2. Articles on the history of the Russian literature of the 18th – the first half of the 19th century]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. pp. 350–368.
6. Murav'ev V. B. *Karamzin* [Karamzin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 479 p.
7. Nikolai Mikhailovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: materialy dlya biografii s primechaniyami i ob'yasneniyami M. Pogodina. V 2 ch. Ch. 1 [Nikolai Mikhailovich Karamzin, in his writings, letters and reviews of contemporaries: the materials for biography with notes and explanations by M. Pogodin. In 2 Parts. Part 1]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova Publ., 1866. 398 p.

8. Nikolaichuk D. G. [Autobiographical works by G. Derzhavin in the almanac "Aonidy"]. In: *Filologicheskie etyudy: sbornik nauchnykh statei molodykh uchenykh. Vip. 17: v 2 kn. Kn. 1* [Philological studies: a collection of scientific articles of young scientists. Issue 17: in 2 books. Book 1]. Saratov, Saratov State University Publ., 2014, pp. 168–172.
9. Nikolaichuk D. G. [Derzhavin's poems in the almanac of N. Karamzin "Aonidy"]. In: Molchanovsky V. V., Petrivnia E. K., chief ed. G. R. *Derzhavin i ego epokha: sbornik nauchnykh statei VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii filologicheskogo fakul'teta* [G. Derzhavin and his epoch: a collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific Conference of the Faculty of Philology]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2013. pp. 159–165.
10. Nikolaichuk D. G. [Women's Poetry on the Pages of N. Karamzin's Almanac Aonidy]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2014, vol. 14, no. 4, pp. 67–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ратникова Ольга Евгеньевна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: ratnikova0@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga E. Ratnikova – postgraduate student at the Department of the classical Russian literature, Moscow Region State University;
e-mail: ratnikova0@gmail.com/

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ратникова О. Е. Лирическая поэзия Г. Р. Державина в альманахе Н. М. Карамзина «Аонида» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С.
DOI:

FOR CITATION

Ratnikova O. E. Lyrical poetry of G. Derzhavin in N. KARAMZIN'S almanac "Aonidy". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. .
DOI:

УДК 821.161.1.09"1850"Толстой Л. Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-115-130

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Шмелёва А. В.

Московский государственный областной университет

141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская область,

Российская Федерация

Аннотация. Впервые системно представлена танатологическая тема в раннем творчестве Л. Толстого. Предметом рассмотрения стали произведения, созданные в первой половине 1850-х годов. Танатологические мотивы описаны в повестях («Детство», «Отрочество», «Казачи») и рассказах («Набег», «Записки маркёра», «Рубка леса», «Как умирают солдаты», «Севастополь в декабре», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года», «Три смерти»). Утверждается, что первые жизненные потрясения (смерть близких), которые описаны Л. Толстым в повести «Детство», определили его художественные искания и послужили основой для формирования аксиологического подхода. Уже в раннем творчестве Л. Толстой ставит непростую задачу – понять, почему люди убивают друг друга. Он показывает, что война – зло, но на войне писатель, как реальный участник описываемых событий, восхищается мужеством простого солдата, его отношением к жизни и смерти.

Ключевые слова: смерть, жизнь, подвиг, война, нравственность, жертвенность, служение, героизм.

TANATOLOGICAL MOTIVES IN L. TOLSTOY'S EARLY WORKS

A. Shmeleva

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article presents the first systematic examination of the thanatological motive in L. Tolstoy's early works. Basing on a number of Lev Tolstoy's novels and stories written in the first half of 1850s ("Childhood", "Boyhood", "Cossacks", "The Raid", "A Billiard-Marker's notes", "The Cutting of the Forest", "How Soldiers Die", "Sevastopol in December", "Sevastopol in May", "Sevastopol in August 1855", "Three Deaths"), the article analyzes the thanatological features to demonstrate, how the suffering in young ages predetermined the writer's art. In his early novels, Tolstoy wanted to understand why people kill each other. He demonstrated, that war is evil, but as a writer at war, a participant of the events he described, he admired the courage of a simple soldier, his attitude to life and death.

Keywords: death, life, feat, war, hero, moral, sacrifice, service, heroism.

С восприятием смерти будущий писатель соприкоснулся очень рано: в детстве он лишился матери (когда ему не было и двух лет) и в девятилетнем воз-

© СС ВУ Шмелева А. В., 2019.

расте отца. Это обстоятельство определило мировоззрения будущего писателя и его творческий мир. Уже одно из первых произведений Л. Толстого повесть «Детство» (1851) отличается тяготением к психологическому анализу – изучению противоречий в становлении характера ребёнка и вниманием к его внутреннему миру. Чувства ребёнка, его душевные страдания становятся предметом исследования: читатель видит, как Николенька переживает, когда его учителя Карла Ивановича надлежит уволить в силу того, что Николеньку и его брата отправляют учиться в Москву (глава III «Папа»), Николенька остро переживает разлуку с матерью, он плачет (глава XIV «Разлука»), вспоминает своё счастливое детство и материнские ласки (глава XV «Детство») и др. Н. Г. Чернышевский, один из первых критиков Л. Толстого, отметил «глубокое знание тайных движений психической жизни» писателя¹.

Заканчивается «Детство» прощанием героя с детством, счастливым и беззаботным: уходит из жизни мать Николеньки, а вместе с её кончиной рушится полнота детского бытия. Особенно сильно выписаны душевные муки Николеньки. В главе XXV «Письмо» дети – Николенька и его брат – неожиданно должны отправиться из города в деревню, отец скрывает от них причину столь скорого возвращения. Их мать тяжело больна. Л. Толстой впервые в своём творчестве описывает состояние земного расставания – это предсмертное состояние молодой

женщины. Она – мать. И её желание – увидеть детей, на французском языке она делает вставку в своём письме-обращении к мужу: «... Я одна знаю, что мне больше не встать с постели. Не теряй ни одной минуты, приезжай сейчас же и привози детей. Может быть, я успею ещё раз обнять тебя и благословить их: это моё одно последнее желание ...»².

Л. Толстой вводит тему смерти не случайно. Повесть автобиографична. Писатель отразил свои первые жизненные потрясения, когда он остался без родителей. Огромной жизненной потерей была для него смерть матери. Как воспринимает героиня его повести приближающуюся смерть, о чём при этом молится и как держится – вот что волнует писателя и выходит на первый план в повести. Героиня Л. Толстого признаётся в письме к мужу: «Кончится ли вместе с жизнью моя любовь к тебе и детям? Я поняла, что это невозможно. Я слишком сильно чувствую в эту минуту, чтобы думать, что то чувство, без которого я не могу понять существования, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не может существовать без любви к вам; а я знаю, что она будет существовать вечно, уже по одному тому, что такое чувство, как моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться»³. Женщина прямо признаётся, что она «спокойна», зная свою участь, что «всегда смотрела и смотрит

¹ Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Очерки гоголевского периода русской литературы. М.: Гослитиздат, 1947. С. 423.

² Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 76.

³ Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 77.

на смерть как на переход к жизни лучшей», но слёзы её не оставляют, она задает ряд риторических вопросов, в них слышится твёрдое упование на святую волю Бога. Эти вопросы сосредоточены на материнских и супружеских чувствах, в них нет вызова к Богу, но – сердечный крик матери и жены от безысходности: «Зачем лишать детей любимой матери? Зачем наносить тебе такой тяжёлый, неожиданный удар? Зачем *мне* умирать, когда ваша любовь делала для меня жизнь беспрельодно счастливою?»¹. Описание предсмертного состояния толстовской героини (глава XXVI «Что нас ожидало в деревне») передано самим Николенькой, которого поразила взгляд татапа («В нём выражалось столько страдания!»²). Дворовая Наталья Савишна с огромной любовью поведала Николеньке о последних минутах жизни матери, которая не переставала думать о детях, звала, благословляла: «... да, видно, не привёл её Господь (перед последним концом) взглянуть на своих деточек. Потом она приподнялась, моя голубушка, сделала вот так ручки и вдруг заговорила, да таким голосом, что я и вспомнить не могу: “Мать Божия, не оставь их!..” Тут уж боль подступила ей под самое сердце, по глазам видно было, что ужасно мучилась бедняжка; упала на подушки, ухватила зубами за простыню; а слезы-то, мой батюшка, так и текут»³. Потрясение, которое пе-

режили все домочадцы, реалистично. Завершается повесть кончиной служанки – Натальи Савишны, которая осталась одна в доме, заболела и умерла. Похоронили её недалеко от матери Николеньки.

Последовавшая вторая часть трилогии «Отрочество» (1852–1853) описывает новый этап, этап взросления – осмысленного становления подростка. Переживший близкую потерю Николенька Иртенёв по-иному реагирует на события в своей жизни. В отроческие годы он переживает ещё одну потерю – смерть бабушки (глава XXIII «Бабушка»). Но смерть бабушки не вызывает сочувствия ни у Николеньки, ни у домочадцев, кроме горничной Гаши. Сам Николенька испытывает «тяжёлое чувство страха смерти», напоминание о том, что «должен когда-нибудь умереть»⁴. Это чувство разбавляется другим – «невольно» и «с радостью» думами о наследстве. В двух повестях трилогии Л. Толстой вводит тему смерти. В повести «Юность» её нет. Осознание смерти, переживание конца земного существования выявляет в героях их человеческие качества. Потрясённый смертью матери – самого любимого и любящего человека в детские годы, Николенька сопереживает тому, как мать покидала этот свет. Расставание с родным человеком сделало его более чувствительным, более эмоциональным. Спустя пять лет, в отрочестве, прощаясь с бабушкой, Николенька

¹ Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 77.

² Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 79.

³ Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 79–80.

⁴ Толстой Л. Н. Отрочество // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 145.

уже понимает неизбежность смерти, а жизнь берёт своё – рядом Любочка, с которой весело, школьные друзья... Характерной художественной деталью становится «чёрная крышка гроба», увидев которую Николенька поражен: его гримасы радости принимают «искривленное положение». Но и эти настроения быстро проходят вследствие того отношения, которое испытывали все домочадцы к барыне.

Р. Л. Красильников полагает, что «изображение танатологических мотивов зависит от эстетического контекста, того или иного модуса художественности типа авторского завершения. С этой точки зрения, выделяются реальная (миметическое) и ирреальная (фантастическое) репрезентации, возникает проблема изобразимости и неизобразимости мотивов; наблюдается обязательная связь героического и трагического с танатологическими элементами» [7]. Повесть «Детство» Л. Толстой писал на Кавказе, в начале своей военной службы, на которую он поступил в мае 1851 г. Участие в военных действиях не просто дало богатейший материал для создания рассказов «Набег» (1852), «Записок маркёра» (1853), «Как умирают русские солдаты» (1854), «Рубка леса» (1853–1855), «Севастопольских рассказов» (1854–1855), рассказа «Три смерти» (1858) и повести «Казачья» (1852), но способствовало выработке писательской манеры – исторической документальности. В центре внимания писателя-офицера – простые судьбы, непоказной героизм простого человека, ничем не примечательная гибель, тихое жертвенное служение Отечеству.

Так, в рассказе «Набег» изображена гибель молодого прапорщика Анатолия Ивановича Аланина. Он получил смертельное ранение в первом для него бою. Этот бой увенчал молодую жизнь героя. Он умирал, зная, что умирает, отклонил помощь врача и тихо отошёл в вечность. Сюжет взят из истории Кавказской войны, в которой принимал участие Л. Толстой. На войне стала складываться философия писателя, рассматривающего войну как неперемное зло. Его герой, волонтер, не может соединить в своём сознании, как накануне боя старые и молодые офицеры и солдаты спокойны, они поют, даже шутят. И так же спокойно, с песнями бойцы после набега возвращаются в крепость. Чуждость, нелепость войны ещё более для волонтера ощущается тогда, когда он видит умирающего прапорщика. Смерть на фоне жизни – природа кругом величественно красива, дышит жизнью и счастьем:

«Уже было поздно, когда отряд, построившись широкой колонной, с песнями подходил к крепости.

Солнце скрылось за снеговым хребтом и бросало последние розовые лучи на длинное, тонкое облако, остановившееся на ясном, прозрачном горизонте. Снеговые горы начинали скрываться в лиловом тумане; только верхняя линия их обозначалась с чрезвычайной ясностью на багровом свете заката. Давно взойшедший прозрачный месяц начинал белеть на тёмной лазури. Зелень травы и деревьев чернела и покрывалась росой. Тёмные массы войск мерно шумели и двигались по роскошному луку; в различных сторонах слышались бубны, барабаны и весёлые песни. Подголосок

шестой роты звучал изо всех, и, исполненные чувства и силы, звуки его чистого грудного тенора далеко разносились по прозрачному вечернему воздуху»¹. Повесть построена на антиномии жизни и смерти. Противоречия нередко обнаруживают себя и в обществе. Уход из жизни в январе 1852 г. Е. М. Хомяковой, жены славянофила, был воспринят как «трагическая веха в истории русской культуры»; как замечает В. А. Воропаев, Е. М. Хомякова «была незримым средоточием духовной жизни кружка московских славянофилов» [4, с. 31–32]. С А. С. Хомяковым Л. Толстой познакомился спустя четыре года в 1856 г. у К. С. Аксакова, а после они будут встречаться на заседаниях Общества любителей российской словесности [6, с. 591–593]. В 1870-е годы, когда Л. Толстой работал над романом «Анна Каренина», размышлял над смыслом жизни, что и отразилось в создании образа Константина Левина, который читает труды Платона, Спинозы, Канта, Гегеля и др., и среди них – второй том сочинений А. С. Хомякова. Однако размышления о смысле жизни, напряжённые поиски ответов на вопросы о смысле земного бытия были свойственны Л. Толстому и раньше.

В «Записках маркиза» описывается типичная ситуация начала 1850-х годов, даётся некоторое противостояние столичного и помещичьего барства. Молодой богатый Анатолий Нехлюдов из деревни приезжает в Петербург. Он полон благородных надежд. Но постепенно становится игроком, затем

появляются женщины. История нравственного растления личности, история обмана и жестокости окружающих с целью наживы – в центре внимания Л. Толстого. Благородный и доверчивый Нехлюдов становится игрушкой в руках игроков. Игра оборачивается игрой в жизнь. Игроки наживаются на доверчивом и наивном молодом человеке. Камердинер-старичок Нехлюдова Демьяныч признался маркизу: «Поди ты! только и веселья нашёл, что в трактире. Хоть бы служил, что ли, а то нет: занялся картами да прочим, а уж евши дела никогда к добру не доведут... Э-эх! пропадаем мы, так, ни за грош пропадаем!.. У нас от барыни-покойницы, Царство Небесное, богатейшее имение осталось: тысяча душ с лишком, тысяча на триста лесу было. Всё заложил теперь, лес продал, мужичков разорил, и всё ничего. Без господина, известно, управляющий сам больше господина... дерёт с мужика последнюю шкуру, да и шабаш. Ему что? набить бы только карман, а там хоть с голоду все помирай»². Молодой красивый барин постепенно стал похож на угрюмого, лишённого прежнего лоска и ума человека. Причину такого нравственного растления личности автор рассказа видит в состоянии, которое испытывает герой. Состояние это – скука. Когда Демьяныч предложил барину навестить тетеньку, то Нехлюдов прямо ответил, что «скучно там».

Боязнь деревенской скуки, своеобразное бегство от привычного жизненного уклада и стали причиной

¹ Толстой Л. Н. Набег // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 29.

² Толстой Л. Н. Записки маркиза // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 39.

столь праздного поведения молодого Нехлюдова. В своём дневнике от 20 марта 1852 года Л. Толстой записал, что «Страсть к игре проистекает от страсти к деньгам»¹. И дальше Л. Толстой продолжает, что, «раз начавши играть от нечего делать», получают «страсть к самой игре – к ощущениям». Приводя личный пример того, как в Тифлисе автор был подвержен в течение шести месяцев игре, понял: необходимо уничтожить привычку к игре – что и сделал, после чего пропало чувство «позыва к игре»². В рассказе же, наоборот, молодой барин не смог справиться с этой страстью. И как следствие – герой стреляется. Перед смертью он оставил записку, в которой слышны ноты раскаяния в том, как он бесцельно прожил жизнь, как бесполезно растратил всё то, чем был щедро награждён от природы. Он признавался, что опутан грязью, из которой не может выпутаться и к которой не может привыкнуть: «Я не обещан, не несчастен, не сделал никакого преступления; но я сделал хуже: я убил свои чувства, свой ум, свою молодость»³. Что оставляет после себя герой? – «Семёрка, туз, шампанское, жёлтый в середнюю, мел, серенькие, радужные бумажки, папиросы, продажные женщины» – незамысловатый набор «лишних людей». При этом

герой вызывает у читателя сочувствие. Он способен давать оценку своим действиям, своему состоянию. Он думает о смерти. Смерть становится для него не только избавлением, но рубежом, спасением. Герой признает, что в нём «не осталось ничего благородного – одно тщеславие», и «единственным хорошим поступком» в своей жизни он видит самоубийство. Однако разочарование и здесь настигает героя: «Я думал прежде, что близость смерти возвысит мою душу. Я ошибался»⁴. Смерть от самоубийства не спасает героя. Наблюдения самого писателя, изучавшего и прогнозировавшего возможные коллизии, привели его к философскому выводу: «Непостижимое создание человек!»⁵. Этой фразой подытоживает свою жизнь Нехлюдов, этой фразой заканчивается рассказ Л. Толстого. В раннем творчестве Л. Толстого с очевидностью вырабатывается его творческий принцип, которому он будет следовать всю жизнь – «... быть до малейших подробностей верным действительности»⁶.

Действие рассказа «Рубка леса» происходит в Большой Чечне. Рассказ развивает кавказскую тему. «Рубка леса» – одна из операций в войне с горцами. Повествование ведётся от лица юнкера, командира взвода артиллерийской батареи. В бою смер-

¹ Толстой Л. Н. Дневник от 20 марта 1852 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46: Дневник, 1847–1854. М.: Художественная литература, 1937. С. 93.

² Толстой Л. Н. Дневник от 20 марта 1852 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46: Дневник, 1847–1854. М.: Художественная литература, 1937. С. 94–95.

³ Толстой Л. Н. Записки маркёра // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 44.

⁴ Толстой Л. Н. Записки маркёра // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 46.

⁵ Толстой Л. Н. Записки маркёра // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 46.

⁶ Толстой Л. Н. И. И. Корганову // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 73. Письма 1901–1902. М.: Художественная литература, 1954. С. 353.

тельно ранен солдат Веленчук. Смерть на войне воспринимается солдатами спокойно, без эмоций, но осмысленно и тихо – «все замолчали»: «Среди общей тишины сзади нас послышался выстрел в лагере. Барабанщики у нас приняли его и заиграли зорю. Когда затихла последняя дробь, Жданов первый встал и снял шапку. Мы все последовали его примеру»¹, затем последовал стройный хор «мужественных голосов», исполнивший молитву «Отче наш». Автор привёл её полный текст. Последняя часть рассказа посвящена воспоминаниям – солдат Антонов обращается к 1845 году, когда им пришлось расстаться с товарищем Шевченко: два дня тяжелораненого солдата переносили на орудии, но потом, когда страдания солдата стали невыносимы, надели на него чистую рубаху, «простились как следует да так и оставили». Солдат вспоминает один из эпизодов Даргинского похода, при этом в памяти оживают картины тяжелейшего похода и потери однополчан. Из истории известно, что отряд графа М. С. Воронцова, который командовал военной операцией, с большими потерями занял аул Дарго, но, как планировалось, имам Шамиль захвачен не был, отступление русского корпуса только усилило влияние предводителя кавказских горцев в этом регионе. Историки называют эту операцию «бессмысленной» [10], но в рассказе Л. Толстой своей оценки не даёт. Он рисует человеческие отношения на войне. Присоединившийся к разговору пехотный, тоже участвовавший в тот

год под Дарги, сочувственно спросил об участии оставленного солдата, Антонов спокойно ответил, что «много там всякого нашего брата осталось». Рассказ изобилует описаниями трудностей военных операций, но при этом автор восхищается простым русским солдатом: «В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера»².

Одновременно с рассказом «Рубка леса» шла работа Л. Толстого над другим, в котором автор задумывается над нравственной составляющей смерти на войне. В Дневнике от 5 февраля 1852 года Л. Толстой оставит запись: «Я равнодушен к жизни, в которой слишком мало испытал счастья, чтобы любить её; поэтому не боюсь смерти. Не боюсь и страданий; но боюсь, что не сумею хорошо перенести страданий и смерти»³. Рассказ «Как умирают русские солдаты» был написан Л. Толстым в пору его пребывания в Дунайской армии. Тогда офицеры задумали издавать «Военный листок». Рассказ Л. Толстого предназначался для этого издания. Л. Толстой размышляет о смерти на войне, он наблюдает за поведением солдат и офицеров в период опасности, за тем, как

¹ Толстой Л. Н. Рубка леса // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 79.

² Толстой Л. Н. Рубка леса // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 78.

³ Толстой Л. Н. Дневник от 5 февраля 1852 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46: Дневник, 1847–1854. М.: Художественная литература, 1937. С. 90.

ведут себя бойцы в кровавых битвах. Л. Толстой признаётся: «Отрадно видеть человека, смело смотрящего в глаза смерти; а здесь сотни людей всякий час, всякую минуту готовы не только принять её без страха, но, что гораздо важнее, – без хвастовства, без желания отуманиться, спокойно и просто идут ей навстречу»¹. Л. Толстой описывает эпизод, который произошёл в 1853 г. Горцы отбили у русских часть лошадей, завязалась перестрелка. Но основной сюжет – судьба солдата. Л. Толстой описывает солдата Антоныча, его поведение накануне гибели. Антоныч Бандарчук – «рябой солдат с загорелым лицом, белым затылком и серьгой в ухе». Антоныч обратил на себя внимание не только запоминающимися деталями внешности, но и поведением, когда «спотыкнулся и упал», а в толпе «раздался хохот», и «балагур солдат в синих штанах» заметил, что «не к добру падать». На шутки солдат Антоныч отреагировал как-то серьёзно, словно предчувствуя в них, действительно, «недоброе», хотя Л. Толстой в ранних рассказах не исследует предчувствия (это будет позже в его творчестве): «Солдат остановился; усталое, озабоченное лицо его вдруг приняло выражение самой сильной досады и строгости»². И не случайно. После перестрелки с чеченцами он единственный был ранен – смертельно. Когда его, ещё живого, несли на носилках, о нём говорили с сожалением:

¹ Толстой Л. Н. Как умирают русские солдаты // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 49.

² Толстой Л. Н. Как умирают русские солдаты // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 49.

«славный солдат», «вся рота им держалась». Когда стали подходить к нему, чтобы ободрить, поддержать, то все увидели преобразование его внешности: «Он, казалось, похудел и постарел несколькими годами, и в выражении его глаз и складе губ было что-то новое, особенное. Мысль о близости смерти уже успела проложить на этом простом лице свои прекрасные, спокойно-величественные черты»³. Р. Л. Красильников отмечает, что «В истории литературы существует возвышенное, идиллическое, романтическое, низменное, комическое изображение смерти и др. Модус художественности влияет на различные стороны тавтологических мотивов: прагматическую (их эстетическое оформление и эмоционально-волевая реакция на них), семантическую (тематизация и проблематизация определённого характера поступков персонажей), синтаксическую (оригинальное сочетание знаков на оси высказывания, создающее эстетический эффект)» [7]. Художественное мастерство Л. Толстого заключалось в изображении будничной реальности, за которой проступает философия жизни.

Ранние произведения Л. Толстого – это в основном военные рассказы. Они написаны по реальным впечатлениям автора во время пребывания его на Кавказе и в Крыму при обороне Севастополя. Как отмечает Н. И. Бурнашева, в 1851–1855 годах Л. Толстой был «непосредственным участником трёх военных кампаний, в эти годы склады-

³ Толстой Л. Н. Как умирают русские солдаты // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 51.

валось его мировоззрение, формировался литературный талант» [2, с. 279].

Примечательна повесть «Казачи». Она посвящена событиям 1852 года. Над повестью Л. Толстой работает довольно долго. Главный герой повести – Дмитрий Андреевич Оленин. Он отправляется на Кавказ после того, когда наследство родителей прокручено, а жизнь в столице для него бесцельна. На Кавказе Оленина приводят в священный восторг горы. Л. Толстой впервые вводит в военные рассказы любовную тему. Живя в казачьей станице, Оленин полюбил Марьяну. Марьяна становится невестой казака Луки, совершившего героический поступок. Любовный треугольник завязывается тогда, когда Марьяна увлекается Олениным, а разрешается, когда Лука смертельно ранен в бою и Марьяна, переживая о случившемся, разрывает отношения с Олениным. Оленин возвращается в свой полк. На прощание Ерошка даёт дельный совет Оленину, как вести себя в бою. Много солдат гибнет от неверной тактики: «Смотрю я, бывало, на солдат ваших, дивлюся. То-то глупость! Идут, сердечные, все в куче да еще красные воротники нашьют. Тут как не попасть! Убьют одного, упадёт, поволокут сердечного, другой пойдёт. То-то глупость! – повторил старик, покачивая головой. – Чтобы в стороны разойтись да по одному. Так честно и иди. Ведь он тебя уцелит. Так-то ты делай»¹. Эту повесть Л. Толстой пишет около десяти лет. Повесть справедливо называют рубежной. Как отмечает В. И. Порудиминский, ««Казачи» –

века на рубеже, на распутии толстовских творческих и душевных исканий. В ней итожится пережитое, передуманное, пережитое на Кавказе и вместе отстаивается, закрепляется то, что, по убеждению Толстого, навсегда «записалось в душе» его» [9, с. 67].

В 1853 г. началась Крымская война. Л. Толстой переводится в Дунайскую армию. Здесь пришлось сражаться с опытным и профессиональным противником: боевые действия против турок развернулись на Кавказе, в Молдавии и Валахии (Дунайские княжества) и др. регионах. Речь шла об отделении балканских владений Османской империи, которые были населены православными народами и тяготели к возвращению национальной независимости. Л. Толстой принимал участие в осаде портового города Силистрии на северо-востоке Болгарии. Наибольшего накала военные действия достигли в Крыму². В ноябре 1854 г. Л. Толстой в Севастополе. Он принимает участие в обороне Севастополя на четвёртом бастионе, командует батареей у реки Чёрная, отбивает один из штурмов Малахова кургана. В Крыму в 1855 г. Л. Толстой заканчивает работу над рассказами «Рубка леса» и «Севастополь в декабре 1854 года».

На войне складывается мировоззрение Л. Толстого. Крымская война убеждает Л. Толстого в бессмысленности войны. «Чувства какого-то мужества, гордости» охватывают артиллериста-писателя в осаждённом городе. Севастополь – «красивый город» и «грязный бивуак». Кровь, страдание,

¹ Толстой Л. Н. Казачи // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 4. М.: Наука, 2002. С. 131.

² Журнал военных действий в Крыму, январь–август 1855 / сост. А. В. Ефимов. Симферополь: Антиква, 2016. 304 с.: ил., карты, порт. (Архив Крымской войны 1853–1856).

смерть – вот, что характеризует «августейший город» в эту страшное военное лихолетье, но и спокойствие: «Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости – ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнёте себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида и звуков с Северной стороны»¹. Среди ужасов войны – спокойствие и будничность. Л. Толстой вводит в литературу новое описание военного времени и его участников – защитников Севастополя, а также «ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища»². Герои рассказа Л. Толстого «Севастополь в декабре месяце» беседуют друг с другом, делятся наболевшим: старый солдат чувствует раненую ногу, которая ампутирована, другой раненый тихо лежит на полу, а из-под одеяла чуть виден остаток перебинтованной руки, здесь и жена матроса, которая, желая доставить мужу обед, попала под обстрел и лишилась ноги... Простые безымянные судьбы проходят перед читателем. Все созданные Л. Толстым «типажи списаны с реальной жизни» [8, с. 377].

¹ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 85.

² Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 85.

Л. Толстой не обходит и другой правды войны, она для тех, у кого «нервы крепки», – комната, где делают перевязки и операции. В этой комнате «доктора с окровавленными по локти руками и бледными, угрюмыми физиономиями, занятые около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа»³. Обращаясь к читателю, автор не раз говорит «вы увидите», и в этом настойчивом обращении – правда войны, без прикрас, глазами очевидца. Врачи заняты «отвратительным, но благотворительным делом ампутацией»: в этой комнате боль и моральные страдания, раздирающие крики и проклятия раненых, стоны – «ужасные, потрясающие душу зрелища». Л. Толстой не боится навлечь на себя осуждение тех, кто представляет войну в ином свете, он прямо заявляет: «... увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем её выражении – в крови, в страданиях, в смерти...»⁴. Перевязочный пункт погружает в атмосферу, где битва за жизни, за души, но без героизма, битва как продолжение битвы духа. Даже похороны офицера: розовый гроб, музыка, развивающиеся хоругви – вызывают иные чувства и кажутся «весьма красивым

³ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 87.

⁴ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 88.

воинственным зрелищем». Другими глазами смотрит герой на окружающий мир, покидая перевязочный пункт, очевидна цена собственного здоровья и осознание им своего «ничтожества», отсюда и мысли, которые неизбежно возникают при восприятии картин бытия – там и здесь: «Что значит смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?»¹. Л. Толстой описывает адмирала В. А. Корнилова – «героя, достойного Древней Греции». А вместе с Корниловым защитники Севастополя, «возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину». Вновь Л. Толстой во власти «отрадного убеждения», уже знакомого по Кавказской войне, – «это убеждение в невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа», которая называется «духом защитников Севастополя».

Завершая рассказ «Севастополь в декабре месяце», Л. Толстой словно подведёт итог этой войне: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»². Последовавшие рассказы Л. Толстого «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года» раскрывают реалии войны. Одиннадцать месяцев длится кровавая война, уже тысячи успокоились «в объятиях смерти». Л. Толстой убеждён, что «война есть сумасшествие». На во-

йне ярко проявился истинный и ложный патриотизм. Автор наблюдает, что тщеславие аристократов даже здесь, на войне, имеет место быть: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века»³. Штабс-капитан Михайлов мечтает приблизиться к кругу военной аристократии, получить полковника и Анну на шею. Перед бомбардировкой он испытывает дурные предчувствия, пишет прощальное письмо отцу... После боя Михайлов ранен, а цветущая долина покрыта телами убитых. Убит и ординарец Праскухин, убит Нефердов. О чём молились в последние минуты своей жизни солдаты? Что вспоминали? Эти детали становятся знаковыми – они характеризуют бойцов накануне гибели.

«Белые флаги» – ещё один художественный символ: армии не сражаются, когда на бастионах выпущены белые знамёна, а простые солдаты без злобы и ненависти общаются, но как только белые флаги (у Л. Толстого в этой сцене «белые тряпки») спрятаны, то снова «свистят орудия смерти и страданий, снова льётся невинная кровь и слышатся стоны и проклятия»⁴. Чему удивлен автор? Врагами стали христиане, исповедующие один Закон – Закон любви. Возможно, именно тогда, в чаду севастопольских

¹ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 87.

² Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 93.

³ Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 99.

⁴ Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 128.

сражений, стала оформляться религиозная философия Л. Толстого. В рассказ вкрапляются философские рассуждения автора о подлинном герое севастопольских рассказов. Когда-то А. С. Грибоедов сделал ум главным персонажем своей комедии, Л. Толстой продолжает грибоедовскую традицию, главным лицом делаая отнюдь не персонаж: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который был, есть и будет прекрасен, – правда»¹. Ради этой исторической правды Л. Толстой совершает свой подвиг – подвиг объективного свидетеля – летописца войны. Читатель знакомится с буднями сражений, в которых выступает военная правда. В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» гибнут за Отечество два брата Михаил и Владимир Козельцовы. Их переживания и сомнения накануне сражения безыскусны: младший Козельцов, Владимир, угнетает мыслью, что «он трус», когда слышит звуки разрывающихся снарядов. В эти минуты герой молится. Молитва придаёт силы и уверенности. Он гибнет на Малахове кургане как герой. Во время сражения старший Козельцов, Михаил, был уверен, что его убьют – «это-то и придавало ему храбрости», когда на личном примере решил показать, как надо сражаться с французами. Перед смертью он думает о том, что «хорошо исполнил свой долг». Севастопольское войско оставляет город, уходит в темноте от места, «на котором столько оно оставило храбрых братьев, – от места,

¹ Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 130.

всего облитого его кровью; от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага»². Изучая военную прозу Л. Толстого, Н. И. Бурнашева обратила внимание на то, что «любимые герои» Л. Толстого – «люди военные, участвуют в военных действиях, но... *не убивают*», встречается «закалывает» [3, с. 225]. Л. Толстой избегает подобной лексики, когда речь идёт о русских солдатах.

Л. Толстой стал очевидцем отступления русской армии: «Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжёлое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам»³. Главной силой истории в рассказах Л. Толстого стал народ, простой русский солдат есть носитель подлинного героического духа. В рассказах отсутствуют авторские манерные повествования, связанные с художественным вымыслом, отсутствуют и нарочито гротескные композиции. Война стала нравственным испытанием народа. И в этом испытании народные массы олицетворяют героизм, побеждающий все ужасы войны.

В процессе работы над повестью «Казачья» Л. Толстой создаёт рассказ «Три смерти» (1858). Рассказ как бы

² Толстой Л. Н. Севастополь в августе // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 181.

³ Толстой Л. Н. Севастополь в августе // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 181.

подытоживает один из первых творческих этапов Л. Толстого, в котором танатологическая тема звучит рефреном. Автор осмысляет ситуацию, связанную с потерей близких людей – матери в повести «Детство» и бабушки в повести «Отрочество». Смерть на войне рождает иные чувства у автора. Смерть погибающих за отечество связана с осознанием жертвенного служения во имя родины. «Севастопольские рассказы» открывают центральную тему всего творчества Л. Толстого – тему человека на войне. Рассказ «Три смерти» создан в Москве. Параллельно Л. Толстой работает над рассказом «Альберт» (1857–1858) и небольшим романом «Семейное счастье» (1858–1859). Автор полон новых впечатлений, и военная тема сменяется на короткое время бытовой.

В рассказе «Три смерти» повествуется об умирании барыни, ямщика и дерева. Первое название, какое автор дал новому своему сочинению, было «Смерть». В 1859 г. в журнале «Библиотека для чтения» опубликован рассказ под названием «Три смерти». В письме к бабушке, графине А. А. Толстой, автор поясняет замысел рассказа. Вопросы жизни и смерти решаются писателем применительно к христианскому учению, но сам институт Церкви Л. Толстой не принимает. И. В. Дергачёва замечает, что «Осмысление жизни через “память смертную и Страшный суд” характерно для христианской морали» [5, с. 78]. У Л. Толстого же христианская мораль эстетизированна. «В обещания будущие христианства» толстовская героиня «верит воображением и умом, а все существо её становится на дыбы», оттого она, по мнению

автора, «гадка и жалка»¹⁵. Барыня безнадежно больна, но отказывается понимать это, она упрекает мужа в том, что не позволил ей уехать за границу. Все надежды больной связаны с Берлином. А в это время в ямской избе умирал мужик. О безнадежном положении знали все, и сам ямщик Фёдор, потому, когда у него спросили сапоги, то отдал их, но взял обещание, чтоб на его могилке камень был. Он умер тихо, и также тихо его похоронили на новом кладбище за рощей. Весной не стало и молодой барыни, она уходила, осознавая свое безнадежное положение, уходила, окружённая домашними и прислугой, рядом был врач и священник, напутствовавший её в вечность. Но если в повести «Детство» молодая женщина жаждет перед смертью увидеть своих детей и благословить их, то барыня отказывается от последней встречи с детьми. Л. Толстой строит рассказ на контрасте (жизнь – смерть): «Через месяц над могилой усопшей воздвиглась каменная часовня. Над могилой ямщика всё ещё не было камня, и только светло-зелёная трава пробивала над бугорком, служившим единственным признаком прошедшего существования человека»². Контрастна в рассказе и природа. Серёга, желая исполнить обещание – поставить крест на могилу ямщика Фёдора, спешит в лес за деревом. Покой леса нарушен странным, чуждым природе звуком: «Дерево вздрогнуло всем телом, погну-

¹ Толстой Л. Н. Гр. А. А. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60: Письма 1856–1862 гг. М.: Художественная литература, 1937. С. 265.

² Толстой Л. Н. Три смерти // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 5: Произведения 1856–1859 гг. М.: Художественная литература, 1937. С. 63.

лось и быстро выпрямилось, испуганно колебаясь на своём корне. На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, снова послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шагов затихли»¹. Смерть дерева восхищает Л. Толстого. В письме к А. А. Толстой писатель комментирует сюжет рассказа: срубемое дерево «умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжёт, не ломается, не боится, не жалеет»². В. Н. Аношкина, размышляя над страницами рассказа, утверждает, что, по Л. Толстому, «Человек может и должен жить и умирать так же “спокойно, честно и красиво”, как дерево» [1, с. 303].

Танатологическая тема в творчестве Л. Толстого возникла рано, уже в первых произведениях его герои сталкиваются с расставанием с близкими людьми. Ощущение смерти в каждом конкретном случае имеет свой оттенок: в автобиографической трилогии появляется запах (Николенька через пять лет после смерти матери вновь ощущает этот запах, когда умирает бабушка), в рассказе «Набег» – звук («подголосок шестой роты»), в «Записках маркёра» с гибелью героя связаны деньги (деньги стали причиной его духовной и физической трагедии: богатство привело его к игрокам, а став игроком, он спустил богатство), в рассказе «Рубка леса» – белая рубаша, в

рассказе «Как умирают солдаты» вновь звук – добрый «хохот» окружающих от неловкого движения солдата, который в этих звуках почувствовал «что-то недоброе», в повести «Казачьи» – «красные воротники» как отличная мишень для врага, в «Севастопольских рассказах» концентрация всех чувств – и осязания, и обоняния, и слуха: кровь, стон, а рядом – белый флаг и прощальное письмо отцу, и только красота – в рассказе «Три сметы». Л. Толстой фотографически воспроизводит состояние своих героев – спокойствие, с которым встречаются смерть солдаты. Размышления о судьбе простого человека приводят его к размышлениям о судьбе всего народа, всей нации: «Велики судьбы славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы»³. Специфика духовного роста и формирование воззрений Л. Толстого определялись его жизненными обстоятельствами. Картины смерти на войне, бедствия и противоречия, свидетелем которых он был, убеждали писателя в том, что война – убийство. В дальнейшем творчестве («Война и мир», «Хаджи-Мурат» и др.) Л. Толстой только художественно усилит своё неприятие войны, а с началом Русско-японской войны в 1904 г. появится его статья под названием «Одумайтесь!» с призывом ко всем людям прекратить войну. Ни одна война не способна оправдать убийство. И этой жизненной правде Л. Толстой окажется верным до смерти.

¹ Толстой Л. Н. Три смерти // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 5: Произведения 1856–1859 гг. М.: Художественная литература, 1937. С. 64.

² Толстой Л. Н. Гр. А. А. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60: Письма 1856–1862 гг. М.: Художественная литература, 1937. С. 265–266.

³ Толстой Л. Н. Как умирают русские солдаты // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 51.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

ACKNOWLEDGMENTS

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 16-04-00523a (“Thanatological discourse of the Russian literature of the 11th–20th centuries in the aspect of intercultural communication”).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков дом, 2011. 384 с.
2. Бурнашева Н. И. Комментарии. Толстой Л. Н. Как умирают солдаты // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 2: 1852–1856. М.: Наука, 2002. С. 275–267.
3. Бурнашева Н. И. «... Пройти по трудной дороге открытия ...»: загадки и находки в рукописях Льва Толстого. М.: Флинта: Наука, 2005. 368 с.
4. Воропаев В. А. «Как сладко умирать!» Кончина Н. В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья первая // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 4. С. 30–41. [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/files/88760/langpsy_2017_n4%283%29_Voropaev.pdf (дата обращения: 15.10.2018).
5. Дергачёва И. В. Лекарство душевное – воспоминание смертное // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 4. С. 78–84. [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/files/88776/langpsy_2017_n4%286%29_Dergacheva.pdf (дата обращения: 16.10.2018).
6. Дробат Л. С. Хомяков Алексей Степанович // Лев Толстой и его современники: энциклопедия / под общей ред. Н. И. Бурнашевой. М.: Парад, 2010. 656 с.
7. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе: дисс. ... д-ра филолог. наук. М., 544 с.
8. Лобастов Н. А. Записки сельского учителя. Часть III. М.: Политическая энциклопедия, Региональный общественный фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2016. 422 с.
9. Порудоминский В. И. «Казачи» // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. В. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. С. 67–72.
10. Пронин А. Опыт, оплаченный кровью: Даргинская операция [Электронный ресурс] // Журнал для спецназа «Братишка» : [сайт]. URL: http://www.bratishka.ru/archiv/2000/9/2000_9_9.php (дата обращения: 16.10.2018).

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Pravoslavnye osnovy russkoi literatury XIX veka* [Orthodox bases of the Russian literature of 19th century]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2011. 384 p.
2. Burnasheva N. I. [Comments. L. Tolstoy. How soldiers die]. In: Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniya: v 18 t. T. 2: 1852–1856* [Complete works: in 100 vol. Fiction: in 18 vol. Vol. 2: 1852–1856]. Moscow, Nauka Publ., 2002. pp. 275–267.
3. Burnasheva N. I. «... *Proiti po trudnoi doroge otkrytiya ...*»: *zagadki i nakhodki v rukopisyakh L'va Tolstogo* [... Follow the difficult road of discovery ...]: riddles and finds in the writings of Leo Tolstoy]. Moscow: Flint, Nauka Publ., 2005. 368 p.

4. Voropaev V. A. ["How sweet it is to die!" The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 1]. In: *Yazyk i tekst* [Language and text], 2017, vol. 4, no. 4, pp. 30–41. Available at: http://psyjournals.ru/files/88760/langpsy_2017_n4%283%29_Voropaev.pdf (accessed: 15.10.2018).
5. Dergacheva I. V. [The medicine for the soul – the memory of death]. In: *Yazyk i tekst* [Language and text], 2017, vol. 4, no. 4, pp. 78–84. Available at: http://psyjournals.ru/files/88776/langpsy_2017_n4%286%29_Dergacheva.pdf (accessed: 16.10.2018).
6. Drobat L. S. [Khomyakov Aleksei Stepanovich]. In: Burnasheva N. I., chief ed. *Lev Tolstoi i ego sovremenniki: entsiklopediya* [Leo Tolstoy and his contemporaries]. Moscow, Parad Publ., 2010. 656 p.
7. Krasil'nikov R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literature: dis. ... dokt. filolog. nauk* [Thanatological motives in the literature: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 544 p.
8. Lobastov N. A. *Zapiski sel'skogo uchitelya. Chast' 3* [Notes of rural teacher]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., Regional'nyi obshchestvenny fond izucheniya naslediya P. A. Stolypins Publ., 2016. 422 p.
9. Porudominskii V. I. ["Cossacks"]. In: Burnasheva V. I., comp., ed. *L. N. Tolstoi: entsiklopediya* [L. Tolstoy: encyclopedia]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2009. pp. 67–72.
10. Pronin A. [The Experience paid in blood: The Dargin Operation]. In: *Zhurnal dlya spetsnaza «Bratishka»* [A magazine for Special Force "Bratishka"]. Available at: http://www.bratishka.ru/archiv/2000/9/2000_9_9.php (accessed: 16.10.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмелёва Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: lug-anna@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna Shmeleva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching the Russian Language and Literature, Moscow Region State University; e-mail: lug-anna@yandex.ru.
e-mail: lug-anna@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шмелёва А. В. Танатологические мотивы в раннем творчестве Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 115–130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-115-130

FOR CITATION

Shmeleva A. V. Thanatological motives in L. Tolstoy's early works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. 115–130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-115-130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-131-133

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ»

Шереметьева А. Г.

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
100174, г. Ташкент, ул. Университетская, д. 4, Узбекистан*

ROUND TABLE “RUSSIAN LANGUAGE ABROAD”

A. Sheremetyeva

*National university of Uzbekistan
4, Universitetskaya st., Tashkent, 100174, Uzbekistan*

22–24 ноября 2018 г. в г. Минске (Беларусь) была проведена VIII Международная конференция «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом», организованная Департаментом внешнеэкономических и международных связей города Москвы. Программа конференции включала много интересных мероприятий: Круглый стол по вопросам культурного наследия, семинар для преподавателей русского языка, мастер-класс «Практическая орфоэпия», Международный фестиваль-конкурс чтецов «Добрый сказ», творческие встречи, фото- и книжные выставки и др.

Особое место в программе занимает Круглый стол «Русский язык за рубежом». Основная цель его участников – филологов-русистов, приехавших из более чем 20 государств ближнего и дальнего зарубежья, – познакомить коллег с условиями функционирования русского языка в своих странах и его ролью в системе образования, поделиться опытом преподавания русского языка и литературы. Модератор Круглого стола – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования Т. Е. Шаповалова. В программу Круглого стола вошло 10 докладов и сообщения, вызвавшие заинтересованное обсуждение профессиональной филологической аудитории.

Доклад д. филол. н., проф. Загребского университета (Хорватия) Н. П. Видмарович на тему: «“Традиция” и “предание” в русской словесности» нетрадиционно раскрывал тему исторического наследия в русском языке и литературе. Опыту преподавания русской литературы с учётом межкультурного диалога

© СС ВУ Шереметьева А. Г., 2019.

были посвящены доклады филологов из Молдовы – к. филол. н. Г. Г. Топор «Изучение произведений русской литературы в контексте диалога культур в рамках школьной и вузовской программы» и к. пед. н. И. И. Цвик «Методические основы (принципы) формирования национально-культурной идентификации в процессе преподавания русской литературы».

С функционированием русского языка в государствах Центральной Азии познакомили д. филол. н. А. Г. Шереметьева (доклад «Высшее филологическое образование в Узбекистане») и к. филол. н. Ж. М. Уматова (доклад «Центр русского языка и культуры в Алматы: продвижение русского языка и культуры»). Особое внимание при обсуждении этих докладов было уделено проблеме полиалфавитности, её методическим аспектам.

Учитель русского языка из Риги (Латвия) Л. Ю. Изотова показала большие возможности использования информационных технологий в школьном обучении (доклад «Электронная версия Европейского языкового портфеля для детей как инструмент самооценки учащегося. Опыт работы»).

Хочется отметить доклады филологов, представлявших государства, в которых преподавание русского языка не входит в государственные об-

разовательные программы и связано с определёнными трудностями. Это доклад Р. Э. Кецманюк «Почему учим русский язык? Несколько слов о мотивации к обучению у польских студентов», Л. В. Лазаревой «Об опыте приобщения к русской культуре и истории в русских школах дополнительного образования в Италии», М. А. Виньяр «Русский язык в израильской школе». Сохранение русского языка, интерес к его изучению в этих странах во многом связаны с подвижнической деятельностью филологов-русистов, их личным опытом, организаторскими способностями, методическим мастерством. Это отметили все докладчики и участники Круглого стола, среди которых были также преподаватели и студенты вузов Беларуси, филологи Российской Федерации, Германии, Словении.

Круглый стол «Русский язык за рубежом» и в целом Международная конференция «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом» способствовали обмену опытом преподавания русского языка и литературы в различных странах, установлению личных контактов профессиональных филологов, международному сотрудничеству не только в преподавании русского языка, но и в развитии русистики в России и за её пределами.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шереметьева Анна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека;
e-mail: sheremeteva1954@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna G. Sheremetyeva – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Russian Philology, National university of Uzbekistan;
e-mail: sheremetyeva1954@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шереметьева А. Г. Круглый стол «Русский язык за рубежом» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 131–133.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-131-133

FOR CITATION

Sheremetyeva A. G. Round table “Russian language abroad”. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2019, no. 1, pp. 131–133.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-131-133

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-134-138

ПОВЕСТЬ О КАЛМЫКИИ: РЕЦЕНЗИЯ НА «ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ» (Н. А. КИЧИКОВА, Э. Б. МАНДЖИЕВА, В. И. СУПРУН. ЭЛИСТА, 2017)

Самойлова Г. С.

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина 604950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1, Российская Федерация

A TALE ABOUT KALMYKIA: A REVIEW OF THE “TOPONYMIC DICTIONARY OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA” (N. KICHIKOVA, E. MANDZHIEVA, V. SUPRUN. ELISTA, 2017)

G. Samoylova

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov st., Nizhny Novgorod 604950, Russian Federation*

Составление топонимического словаря любой территории – это прямое обращение к жизни народа, его истории, культуре, экономической, духовной и общественной жизни соответствующего региона, поскольку названия географических объектов составляют особый пласт имён собственных. В этом плане «Топонимический словарь Республики Калмыкия»¹ представляет собой серьёзный фундаментальный труд социолингвистического характера, рассчитанный на широкий круг читателей. В словарь включено более 300 словарных статей, включающих названия естественных географических явлений Республики Калмыкия – имена рек, озёр, возвышенностей, низин, а также наименования рукотворных объектов – названия городов, сёл, хуторов, рабочих посёлков. Являясь наиболее древними языковыми памятниками, созданными человеком, топонимы отражают духовную и социально-экономическую историю регионов, процесс освоения человеком новых географических пространств, историю языков и народов – носителей данных языков. По словам В. А. Никонова, «красноречивые свидетели прошлого, географические названия, занимают почётное место среди самых драгоценных исторических памятников, как живое эхо отдалённых эпох.

© СС ВУ Самойлова Г. С., 2019.

¹ Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И. Топонимический словарь Республики Калмыкия. Элиста: НПП «Джангар», 2017. 272 с.

Они служат неоценимым материалом для истории языка, донося до нас многие слова, формы и звуки, уже не существующие в живой речи» [2, с. 13]. Именно топонимы связывают прошлое и настоящее народов, населяющих разные территории, отражают судьбы, отношения, связи соседствующих во времени и пространстве этносов. «Мир, который ощущает или на который рационально смотрит человек, историчен. И человеку, несомненно, свойственно осмыслять собственное историческое прошлое» [1]. Таким образом, топоним призван отражать не только (а иногда и не столько!) языковое прошлое и настоящее народа, но и его философию, образ жизни, мировидение, способ существования.

По этой причине создание топонимических словарей отдельных регионов имеет несомненную научную и социокультурную ценность.

Словарь топонимов Республики Калмыкия содержит довольно обширное и, на наш взгляд, значительное по содержанию предисловие, в котором представлена очень непростая история Калмыкии как самостоятельного территориального образования или (в отдельные периоды) части других, более сильных объединений. На наш взгляд, словарь открывает особый, новый взгляд на историческое прошлое калмыцкого народа и Калмыкии через призму топонимии. В нём отражены и соединены голоса ушедших эпох и современности, описаны исторические корни калмыцкого народа, переплетённые в разные эпохи с судьбами других народов – казахов, татар, ногайцев, русских.

Особенностью «Топонимического словаря Республики Калмыкия» явля-

ется построение словарной статьи и характер информации, представленной в ней. Поскольку словарь заявлен авторами в качестве научно-популярного издания, в словарной статье отражены собственно языковые характеристики топонима (грамматические признаки, варианты названий, этимология), а также представлены материалы по административно-территориальной принадлежности географических объектов, по истории, изменениям, произошедшим за время их существования, современному состоянию, обозначены их физико- и экономико-географические характеристики. Для крупных населённых пунктов указано наличие развитой инфраструктуры: школы и дома культуры, социальные объекты, медицинские учреждения. Интересны сведения о выдающихся земляках и лицах, внёсших неоценимый вклад в развитие науки, экономики, культуры Калмыкии. Заинтересованное и бережное отношение авторов к наименованиям географических объектов Республики Калмыкия проявляется и в точном указании на количество проживающих в названных населённых пунктах. В состав топонимов с богатой историей включены объекты с небольшим, а иногда и совсем малым количеством проживающих в них жителей: **Низовый** (посёлок Кетченеровского района) – 31 человек; **Молодёжный** (посёлок Приютненского района) – 3 человека; **Тарата** (посёлок Целинного района) – 69 человек; **Харгата** (посёлок Яшкульского района) – 20 человек; **Цува** (посёлок Черноземельского района) – 21 человек; **Дунд Джалг** (посёлок Яшалтинского района) – 3 человека; **Шарлджин** (посёлок Октябрь-

ского района) – 13 человек (данные 2017 г.).

Заслуживает одобрения включение в словарь наряду с ойконимами (названиями населённых пунктов) катойконимов – названий жителей населённых пунктов¹, а также образованных от ойконима имён прилагательных. Например: **Бургуста – бургустинский; бургустинцы, бургустинец, бургустинка; Ики-Бурул – ики-бурульский; икибурульцы, икибурулец, икибурульчанка; Пушкинское – пушкинский и пушкиновский; пушкиновцы, пушкиновчане, пушкиновец, пушкиновчанин, пушкиновка, пушкиновчанка.** Для научно-популярного издания это особенно значимые сведения, отражающие орфографию производных слов и определяющие словообразовательное гнездо соответствующего топонима. К сожалению, «Топонимический словарь Республики Калмыкия» не отражает место и характер ударения в топонимах и образованных от них относительных прилагательных и существительных – наименований жителей названных населённых пунктов.

Собранный в «Топонимическом словаре Республики Калмыкия» материал представляет собой особое лингвистическое образование – топонимическую систему. Под топонимической системой в данном случае мы понимаем, вслед за А. В. Суперанской, «известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего её языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия

окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топооснов» [3, с. 51]. Такими топоосновами на территории Республики Калмыкия, судя по данным «Словаря Республики Калмыкия», можно считать две большие группы наименований, которые этимологизируются данными калмыцкого и русского языков. Так, например, довольно частыми являются топонимы, содержащие сему 'красный': калмыцкий корень *улан*: названия посёлков **Улан Зуух** 'красная яма', **Улан-Хол** 'красная долина, красный пролив', **Улан-Эрге** 'красный берег, красный яр', гидроним **Улан-Зуха**; русское прилагательное *красный*: названия населённых пунктов **Красномихайловское, Красноеполье, Красный Маныч, Красный Партизан**. В этот же ряд составители топонимического словаря включают наименование села **Красинское** (красный 'красивый'). Аналогичным образом организуется система топооснов, восходящая к калмыцкому слову *цаган* 'белый, святой': **Цаган Аман** 'белое устье (реки)', **Цаган Булг** 'белый, святой источник', **Цаган-Нур** (гидроним и посёлок) 'белое озеро', **Цаган Ташу** 'белый склон, косогор, откос', **Цаган Усн** 'белая вода', **Цаган Толга** 'белый курган, холм', **Цаган-Ташу-Толга** 'белый склон, откос, пологость, курган, холм'. К русскому словосочетанию – гидрониму **Белое озеро** – восходит название посёлка **Белоозёрный**. Авторы словаря считают это название перенесённым, поскольку озера с таким названием в окрестностях посёлка нет. Однако имеется топоним **Цаган-Нур** (гидроним и посёлок) 'белое озеро'.

¹ Катойконимы // Подольская Н. В. Словарь ономастических терминов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 64–65.

Справедливым по отношению к топонимической системе Республики Калмыкия оказывается мнение А. В. Суперанской: «Топонимическая система строго территориальна. Она может включить элементы многих языков, складываясь на основе названий всех расположенных на данной территории объектов, независимо от их языковой принадлежности и диалектных особенностей. Топонимическая система объединяет разноязыкий топонимический материал в топонимический массив, характеризующийся определёнными признаками» [3, с. 51]. Именно в разноязыком топонимическом материале мы усматриваем его ценность и важность для современного исследователя топонимии, истории, духовной жизни того или иного народа. В этом аспекте материалы «Топонимического словаря Республики Калмыкия» предоставляют широкие возможности для системы образова-

ния и воспитания, социальной и духовной сферы деятельности человека.

В справочный аппарат издания включены разделы «Имена выдающихся людей, упомянутых в словаре», очень небольшой по объёму «Словарь устаревших и локальных слов», «Список переименованных населённых пунктов Республики Калмыкия». В приложении представлена таблица «Распределение поселений Калмыкии по количеству жителей (данные переписи 2017 г.)».

Безусловно, «Топонимический словарь Республики Калмыкия» вносит значительный вклад в современные региональные ономастические исследования, представляет собой уникальное, универсальное по содержанию издание и будет полезен всем, кто интересуется топонимикой, историей родного края, связью времён и народов, отражённой в удивительном свойстве человека – его языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин В. В. Мироощущение, искусство и история // Сетевое издание «Вестник Мининского университета». 2014. № 2(6). С. 3. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/469/445> (дата обращения: 12.12.2018).
2. Никонов В. А. Введение в топонимику; изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.
3. Теория и методика ономастических исследований / Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.; отв. ред. А. П. Неподкупный; изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

REFERENCES

1. Grishin V. V. [World perception, art and history]. In: *Setevoe izdanie «Vestnik Mininskogo universiteta»* [The network edition "Bulletin of Minin University"], 2014, no. 2(6), pp. 3. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/469/445> (accessed: 12.12.2018).
2. Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to the toponymy]. Moscow, LKI Publ., 2011. 184 p.
3. Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podol'skaya N. V., Sultanov A. Kh. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow, LKI Publ., 2007. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самойлова Галина Савельевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина;
e-mail: galasam2010@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Samoylova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian Language and Speech Culture, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;
e-mail: galasam2010@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Самойлова Г. С. Повесть о Калмыкии: рецензия на «Топонимический словарь республики Калмыкия» (Н. А. Кичикова, Э. Б. Манджиева, В. И. Супрун. Элиста, 2017) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 134–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-134-138

FOR CITATION

Samoylova G. S. A tale about Kalmykia: a review of the “Toponymic dictionary of the republic of Kalmykia” (N. Kichikova, E. Mandzhieva, V. Suprun. Elista, 2017). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2019, no. 1, pp. 134–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-134-138

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. В настоящее время выпускается десять научных журналов (предметных серий) «Вестник МГОУ»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2019. N 1

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9,25, усл. п.л. 8,75.
Подписано в печать: 28.02.2019 г. Дата выхода в свет: 04.03.2019 г. Заказ № 2019/02-05.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А